Ч 54
144

754-144

Проф. М. В. Клочковъ.

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

Историческій очеркъ.

2-е изданіе, исправленное и дополненное.

Съ 17 рисунками и снимками.

2.50

Цѣна ~~40~~ коп.

Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Лештуковъ пер., 2.

1914.

Того же автора:

НАСЕЛЕНІЕ РОССІИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

по переписямъ того времени.

Т. I. Спб. 1911 г., 435 стр.

Цѣна 2 р. 50 к.

54—
144

Проф. М. В. Клочковъ.

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

Историческій очеркъ.

2-ое изданіе, исправленное и дополненное.

Съ 17 рисунками и снимками.

Цѣна 40 коп.

Изданіе книжнаго магазина П. В. Луковникова.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Лештуковъ пер., 2.
1914.

2 сх

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 21847 1965

Типо-Литографія „Энергія“, Спб., Загородный просп., 17.

Оглавленіе.

	стр.
I. Опредѣленіе земскаго собора	5
II. Происхожденіе земскихъ соборовъ	6
III. Первые земскіе соборы	16
IV. Значеніе Смуты въ исторіи земскихъ соборовъ .	32
V. Соборъ 1613 года	44
VI. Земскіе соборы царствованія Михаила Ѳедоровича.	49
VII. Соборы времени Алексѣя Михайловича	69
VIII. Характеристика земскихъ соборовъ	97
IX. Взгляды русскихъ историковъ на земскіе соборы .	107
Списокъ книгъ и статей, относящихся къ вопросу о земскихъ соборахъ	119

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

I.

Опредѣленіе земскаго собора.

Земскіе соборы, появившись на исторической сценѣ въ срединѣ XVI вѣка, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, просуществовали до второй половины XVII в. и имѣли значительное вліяніе на жизнь Московскаго государства. На земскихъ соборахъ обсуждались вопросы войны и мира, законодательства, внутренняго управленія и суда; на нихъ же избирались государи, а во время смуты земскій соборъ выступалъ даже въ качествѣ органа высшей правительственной власти.

Въ памятникахъ древности земскіе соборы обычно именуются „совѣтомъ всея земли“, „всею землею“ или просто „соборомъ“.

Въ настоящее время русской исторической наукой установлено, что подъ именемъ земскихъ соборовъ слѣдуетъ понимать такого рода представительныя учрежденія, въ которыхъ имѣются налицо три необходимыя составныя части, существенныя и органическія, отсутствіе одной изъ которыхъ лишаетъ права называть подобныя совѣщанія земскими соборами. Эти части слѣдующія:

1) освященный соборъ, состоявшій изъ представителей русской церкви, съ митрополитомъ, позднѣе патріархомъ въ главѣ; освященный соборъ представлялъ собой не

интересы духовенства, какъ сословія, а интересы церкви въ государствѣ;

2) боярская дума, въ возможно полномъ составѣ, какъ постоянный совѣтъ государя, который, обычно дѣйствуя совмѣстно съ царемъ, участвовалъ въ занятіяхъ земскаго собора „въ качествѣ руководящаго органа, не смѣшиваясь съ массой собора, а какъ бы возвышаясь надъ ней“;

3) третью часть составляли земскіе люди, какъ представители различныхъ группъ населенія, преимущественно среднихъ, и различныхъ мѣстностей Московскаго государства; эта часть, наиболѣе характерная для собора, и дала ему названіе земскаго, въ отличіе отъ другихъ совѣщаній и соборовъ.

II.

Происхожденіе земскихъ соборовъ.

Хотя земскіе соборы и появились въ Московской Руси въ XVI вѣкѣ, но корни этого учрежденія восходятъ къ глубокой старинѣ. Казалось, что земскіе соборы легко могли возникнуть изъ шумныхъ вѣчевыхъ собраній, которыя „изначала“ существовали въ древней Руси и давали тонъ всему укладу тогдашней государственной жизни Но напрасно бы мы искали промежуточныхъ звеньевъ, связывающихъ вѣчевую старину съ новизной московской въ видѣ „совѣтовъ всея земли“,—ихъ не было, и непосредственной связи между вѣчемъ и земскимъ соборомъ не найти: по словамъ проф. Платонова, „шумъ вѣчевыхъ собраній затихъ на Руси раньше, чѣмъ созрѣлъ и окончательно сложился тотъ политическій порядокъ, плодомъ и выраженіемъ котораго были земскіе соборы“.

Уже самый составъ земскаго собора подсказываетъ, гдѣ нужно искать корней этого учрежденія; а именно, составъ говоритъ о томъ, что зародышъ земскихъ соборовъ слѣдуетъ

искать въ совѣщаніяхъ церковныхъ властей и бояръ съ какими бы то ни было представителями земли, а самое имя и почетное положеніе въ немъ освященнаго собора наводятъ на мысль о томъ, что духовные соборы сыграли весьма значительную роль въ исторіи происхожденія „совѣта всея земли".

Чтобы яснѣе представить себѣ эту связь между освященнымъ соборомъ, совѣщаніями разнаго рода и земскими соборами, я вкратцѣ остановлюсь: 1) на характеристикѣ освященнаго собора, 2) на совѣщаніяхъ властей и бояръ и 3) на лѣтописныхъ извѣстіяхъ о какихъ-то земскихъ совѣщаніяхъ.

Освященный соборъ появляется на Руси вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства; въ этомъ случаѣ русская церковь вполнѣ подчинилась византійскимъ порядкамъ. Тамъ же, на основаніи правилъ апостольскихъ и въ силу постановленій вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а также благодаря укоренившейся практикѣ, было установлено, что судъ и управленіе въ патріархіяхъ, митрополіяхъ и епископіяхъ должны производиться при непремѣнномъ участіи соборовъ: а) при патріархѣ—изъ митрополитовъ, епископовъ и его клира, по мѣрѣ нужды; б) при митрополитахъ—изъ епископовъ и клириковъ его митрополіи, созываемыхъ ежегодно; в) при епископѣ—изъ пресвитеровъ, приглашаемыхъ на соборъ возможно чаще.

Какъ на примѣръ соборнаго обсужденія, ссылались на апостольскій соборъ, когда ученики Христа собрались въ Іерусалимѣ для рѣшенія основного вопроса для новой вѣры, объ отношеніи христіанства къ еврейству; указывали также на постоянную соборную практику древне-христіанской церкви.

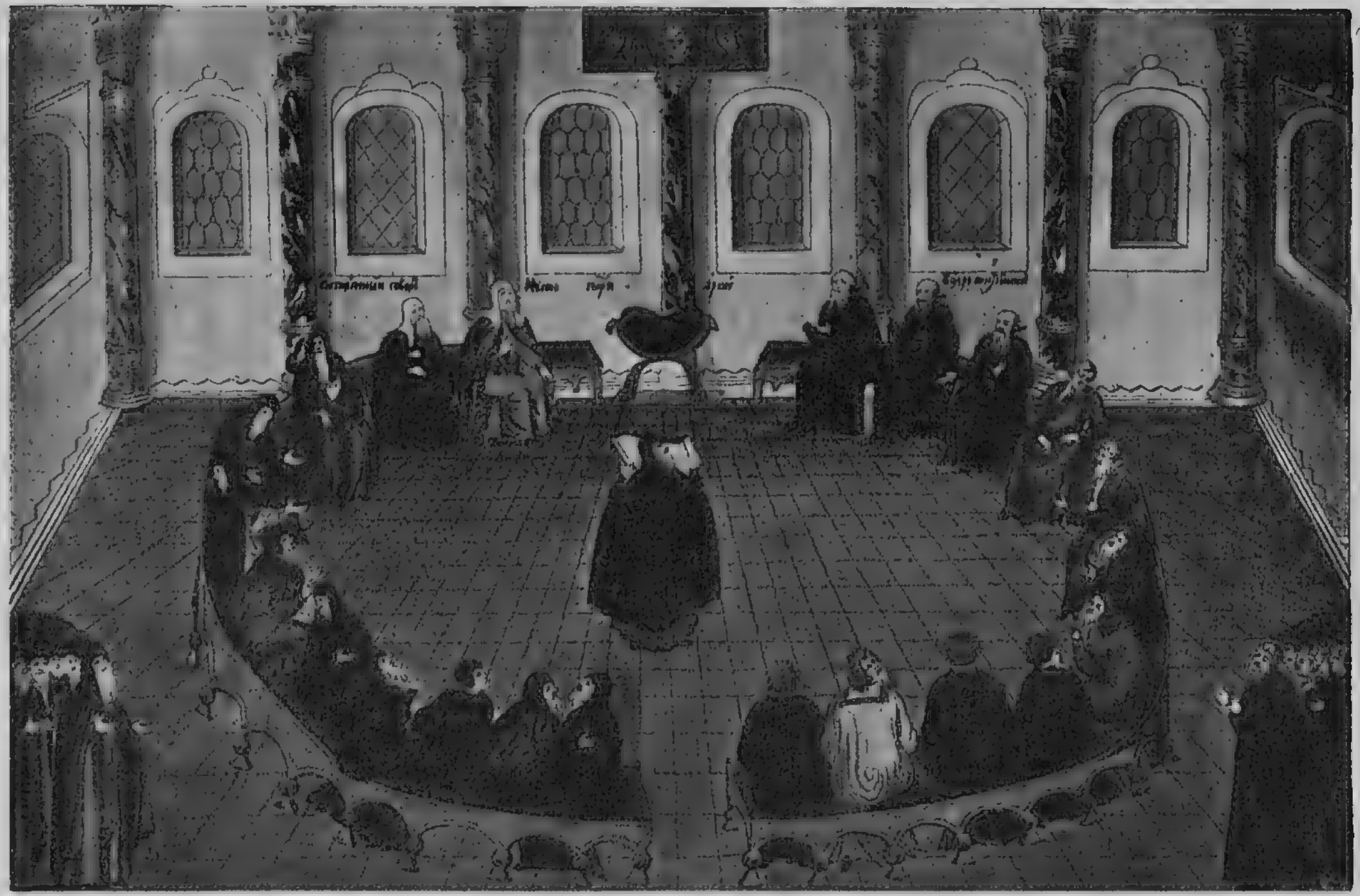
Когда Русь приняла христіанство, то въ ней по существу установилось то же самое церковное устройство, какое было въ Византіи, съ тою только разницей, что тамъ церковью самостоятельно управлялъ патріархъ, въ Кіевѣ же былъ поставленъ подчиненный ему митрополитъ. Какъ при митрополитѣ, такъ и при епископахъ, учрежденныхъ по

большимъ русскимъ городамъ, согласно съ греческими порядками, появляются и церковные соборы, въ правильно организованномъ составѣ; впрочемъ, русская практика въ дѣятельность церковныхъ соборовъ внесла одно существенное отступленіе: по словамъ одного изъ виднѣйшихъ церковныхъ историковъ, проф. Голубинскаго, обычай ежегодно и регулярно собирать епископовъ, по предписанію каноническихъ правилъ, на соборы митрополичьи въ русской церкви не укоренился. Но что соборная практика была, на это, несмотря на скудость лѣтописныхъ извѣстій, имѣются совершенно точныя указанія. Такъ, напр., лѣтопись подъ 1051 годомъ разсказываетъ о томъ, что соборъ епископовъ въ Кіевѣ поставилъ митрополита Иларіона.

При епархіальныхъ архіереяхъ были свои соборы. Объ ихъ фактическомъ существованіи говоритъ слѣдующее (правда, позднее) любопытное постановленіе Виленскаго собора 1509 г.: Если священникъ дойдетъ до великихъ безчинствъ, то „намъ (епископамъ) соборнѣ съ нашимъ клиросомъ, съ священноиноки и попы, такому безчиннику не велѣти священствовать“.

Лѣтописныя свѣдѣнія о церковныхъ соборахъ за кіевскій періодъ, какъ отмѣчено нѣсколько выше, очень скудны, тѣмъ не менѣе они не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и у насъ въ древней Руси, съ первыхъ же вѣковъ христіанства, имѣла мѣсто соборная практика, установленная опредѣленными каноническими правилами; для рѣшенія важныхъ церковныхъ вопросовъ созывались соборы большіе и малые; участниками ихъ являлись іерархи, обязанные присутствовать на соборѣ въ силу своего сана.

Начиная съ XIII вѣка, свѣдѣній о церковныхъ соборахъ больше; соборы играютъ важную роль въ церковной жизни; они иногда избираютъ и посвящаютъ митрополитовъ, обсуждаютъ поступки высшихъ іерарховъ, если ихъ заподозрѣваютъ въ какомъ-либо преступленіи или грѣхѣ, разрѣшаютъ споры о границахъ епархій; на нихъ вырабатываются правила.



Патріаршій соборъ.

касающіяся церковнаго управленія и богослуженія, а также нравственной жизни духовенства и народа.

Съ конца XV вѣка соборная дѣятельность, по сохранившимся сказаніямъ, какъ будто усиливается; до насъ дошелъ рядъ непрерывныхъ свѣдѣній о соборахъ: такъ, въ 1490 году былъ созванъ соборъ на еретиковъ—жидовствующихъ, въ 1503—по вопросу о церковныхъ имуществахъ и устройствѣ дѣлъ церковныхъ, соборъ 1504 года занимался окончательной ликвидаціей ереси, въ 1525 — митрополитъ Даніилъ, по сказанію вмѣстѣ съ церковнымъ соборомъ, разрѣшилъ великому князю Василію III развестись съ бездѣтной женой своей Соломонидой и жениться на Еленѣ Глинской, будущей матери Грознаго; въ 1529 году былъ созванъ соборъ для избранія митрополита Іоасафа; въ 1531—на соборѣ обсуждалось дѣло Максима Грека; въ 1542—соборомъ изъ 8 епископовъ былъ избранъ на митрополичью каѳедру Макарій; въ 1547 и 1549—на соборахъ обсуждался вопросъ о канонизаціи святыхъ и о собраніи ихъ жизнеописаній, а въ 1551 году состоялся знаменитый Стоглавый соборъ.

Кромѣ этихъ большихъ соборовъ, въ повседневной практикѣ выступалъ малый соборъ, который обычно былъ налицо около митрополичьей каѳедры и могъ своимъ совѣтомъ прійти на помощь митрополиту при разрѣшеніи текущихъ дѣлъ.

Итакъ, въ русской церкви съ глубокой древности, съ первыхъ вѣковъ ея существованія появились соборы: почти постоянные — при епископскихъ каѳедрахъ, и временные, эпизодически, по мѣрѣ необходимости созываемые, при митрополіи; они обычно именовались описательно и распространенно („епископы, архимандриты, игумены и старцы и вся власти“) или просто „соборами“; при многолюдности собравшихся превращались въ „великіе“ соборы, при малочисленности же участниковъ именовались малыми.

Слѣдуетъ помнить также и то обстоятельство, что духо-

венство въ тѣ вѣка было самымъ просвѣщеннымъ классомъ общества, участниками церковныхъ соборовъ были наиболѣе важные іерархи, привыкшіе открыто предъ собраніемъ говорить рѣчи; къ тому же они, при религіозности тогдашняго общества, пользовались особымъ почетомъ и высокимъ авторитетомъ.

Частая практика церковныхъ соборовъ конца XV и начала XVI вѣка могла быть внѣшнимъ двигателемъ, примѣромъ того, чтобы и важнѣйшія государственныя дѣла рѣшались на совѣщаніяхъ, подобныхъ церковнымъ соборамъ, а правильность и организованность послѣднихъ могла послужить образцомъ, по которому складывалось первоначальное представительство на земскихъ соборахъ. Необходимость же совокупнаго обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ особенно рѣзко почувствовалась въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, когда, послѣ паденія татарскаго ига и расширенія границъ Московскаго государства, усложнилась внѣшняя политика государства и Москвѣ пришлось напрягать свои силы, чтобы отстоять новыя границы, а внутри приходилось формировать общественные классы, подчинять ихъ обязательной службѣ и укрѣплять наверху самодержавіе великаго князя московскаго.

Со всѣми этими задачами одно правительство справиться не могло, оно искало опоры въ народѣ, стремясь создать такія формы „народосовѣтія“, которыя помогали бы ему нести общегосударственную ношу и общими силами разрѣшали бы поставленные ходомъ исторіи вопросы.

У великаго князя былъ свой постоянный совѣтъ въ видѣ боярской думы, куда входили высшіе сановники того времени; съ ними великій князь правилъ русской землей, съ ними законодательствовалъ и судилъ, „совѣтъ творя“ по каждому болѣе или менѣе важному дѣлу. Такъ великъ и тѣсенъ былъ союзъ между государемъ и боярской думой, что великій князь Дмитрій Донской, умирая, далъ своимъ

дѣтямъ такое завѣщаніе: „Бояре свои любите, честь имъ достойную воздавайте противу служеній ихъ, безъ воли ихъ ничтоже не творите“.

Наряду съ постояннымъ княжескимъ совѣтомъ для исключительныхъ обстоятельствъ наша древность знаетъ болѣе широкія совѣщанія „властей“ духовныхъ и бояръ, такъ сказать, соединенныя засѣданія освященнаго собора и боярской думы, гдѣ первое мѣсто принадлежало духовенству. Власти вмѣстѣ съ боярами, по установившемуся обычаю, принимали дѣятельное участіе въ придворной жизни: они присутствовали на семейныхъ торжествахъ государей, на свадьбахъ, именинахъ и праздничныхъ собраніяхъ, на пріемахъ иностранныхъ пословъ и различныхъ совѣщаніяхъ. Еще Владиміръ Святой совѣтовался съ епископами и боярами по вопросу о томъ, что дѣлать съ разбойниками, казнить ли ихъ смертью или брать съ нихъ денежный штрафъ. А въ XV и XVI вѣкахъ такіе случаи совмѣстныхъ совѣщаній духовныхъ властей съ боярами были довольно часты, причемъ обсужденію подвергались какъ дѣла чисто-государственныя, такъ и церковныя.

Но и на этомъ, въ смыслѣ приближенія къ земскимъ соборамъ, древность не остановилась; можно указать еще на одинъ видъ совѣщаній, который въ своихъ основныхъ контурахъ близко подходитъ къ земскому собору. Въ концѣ XI вѣка (въ 1096 г.) князья приглашали Олега Святославича прибыть въ Кіевъ, чтобы „порядъ положить о русьтѣй земли предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отець нашихъ и предъ людми градьскыми“. Значитъ, еще Кіевская Русь знала такого рода совѣщанія, въ которыхъ участвовали не только іерархи и бояре, но и третій общественный элементъ, какіе-то „люди градскіе“.

Московскіе лѣтописные своды подъ 1211 годомъ приводятъ такое извѣстіе: „Князь великій Всеволодъ созвалъ всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей и епископа

Іоана и игумены и попы и купцы и дворяны и вси люди, и да (далъ) сыну своему Юрью Володимерь по себѣ". Если лѣтопись вѣрно воспроизводитъ событіе, то значитъ еще въ началѣ XIII вѣка было созвано какое-то совѣщаніе, близкое по своему составу къ земскому собору XVI вѣка.

Однако отъ конца XV вѣка до насъ дошелъ уже несомнѣнный разсказъ о весьма любопытномъ событіи, происшедшемъ въ Москвѣ въ 1471 году, передъ походомъ великаго князя Іоанна III на Великій Новгородъ. Завоеваніе Новгорода для Москвы было событіемъ большой важности; прежде чѣмъ приступить къ нему, необходимо было серьезно взвѣсить возможныя послѣдствія этого шага, а самое главное—найти откликъ и поддержку со стороны тогдашняго общества. Лѣтопись и разсказываетъ намъ, какъ произошла подготовка народа и рѣшеніе итти противъ „господина Великаго Новгорода". Великій князь, прежде чѣмъ рѣшиться на походъ, „разосла по всю братію свою и по всѣ епископы земли своея, и по князи и по бояря свои и по воеводы, и по вся воя своя, и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ возвѣщаетъ мысль свою, что ити на Новгородъ ратію... И мысливше о томъ не мало, и конечное положыша упованіе на Господа Бога. И князь великій, пріемъ благословеніе отъ митрополита... и отъ всего священнаго собора, и начатъ вооружатися ити на нихъ; такоже и братіа его, и вси князи его и бояря, и воеводы и вся воя его".

Лѣтописецъ нарисовалъ картину многолюднаго совѣщанія, въ которомъ, наряду съ привычными княжескими думцами—боярами, приняли участіе митрополитъ и епископы, „весь священный соборъ", приглашаемый на великокняжескій совѣтъ въ рѣдкихъ случаяхъ, и, наконецъ, въ томъ же совѣщаніи выступили „воеводы и вся воя", иначе говоря, представители служилаго класса, которые позднѣе обычно составляли главную массу участниковъ земскихъ соборовъ.

Въ этомъ перечнѣ не хватаетъ представителей торгово-промышленнаго класса, а всему лѣтописному сказанію недостаетъ большей точности и опредѣленности, иначе совѣщаніе

Русскіе бояре XVII столѣтія въ турскихъ шубахъ и горлатныхъ шапкахъ.

1471 года легко могло бы быть принято за земскій соборъ, и начало этого учрежденія въ такомъ случаѣ было бы передвинуто почти на доброе столѣтіе въ глубь исторіи.

Во всякомъ случаѣ, даже при научной осторожности, можно сказать, что уже конецъ XV вѣка знаетъ такую

форму народосовѣтія, въ которой для обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ сходились „власти“ вмѣстѣ съ боярами и земскими людьми. Отъ этихъ совѣщаній только одинъ шагъ до совѣщаній, извѣстныхъ намъ подъ именемъ земскаго собора.

И такъ, происхожденіе земскаго собора можно представить въ такомъ родѣ. Земскій соборъ возникъ въ Московской Руси не внезапно, мысль о немъ вѣроятнѣе всего зародилась по примѣру и образцу церковныхъ соборовъ, которые дѣйствовали у насъ съ глубокой древности въ качествѣ благоустроеннаго учрежденія. Церковный соборъ былъ основнымъ стволомъ, на которомъ выросъ и земскій соборъ. Неоднократно высшее духовенство призывалось на обсужденіе какъ церковныхъ, такъ и свѣтскихъ дѣлъ, совмѣстно съ боярами, такъ что получалось какъ бы общее соединенное засѣданіе церковнаго собора и боярской думы; при такихъ совѣщаніяхъ правильно организованный соборъ іерарховъ, уважаемыхъ въ силу своего умственнаго и нравственнаго превосходства и сана, естественно занималъ первое мѣсто и получалъ преобладающее значеніе. Эти совмѣстныя совѣщанія „властей“ и думы были вторичнымъ образованіемъ. Третьей ступенью было привлеченіе къ подобнымъ совѣщаніямъ представителей общества, людей земли, благодаря присутствію которыхъ правительственный совѣтъ, при извѣстныхъ условіяхъ, превращался въ земскій соборъ.

Значитъ, не отголосокъ вѣчевыхъ собраній, не плодъ заимствованій чужихъ порядковъ и не творческую мысль какого-либо князя или государственнаго дѣятеля слѣдуетъ видѣть въ появленіи земскихъ соборовъ, а давнишнюю совѣщательную практику, которая, вырабатываясь цѣлыми столѣтіями, складывалась незамѣтно, безъ шума, и шагъ за шагомъ привела къ образованію „совѣта всея земли“.

III.

Первые земскіе соборы.

Первымъ земскимъ соборомъ, согласно сохранившимся извѣстіямъ, долгое время считали соборъ, который былъ созванъ въ 1550 году царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Кто изъ лицъ, хотя бы поверхностно знакомыхъ съ русской исторіей, не помнитъ красивой и сильной сцены, когда Грозный идетъ на Лобное мѣсто и произноситъ передъ народомъ свою знаменитую рѣчь о всепрощеніи и взаимномъ примиреніи.

Спеціалистъ по исторіи земскихъ соборовъ, В. Н. Латкинъ такъ изображаетъ причину созыва собора 1550 года и его дѣятельность. Въ малолѣтство Грознаго „государство находилось въ крайне плачевномъ состояніи, народъ бѣдствовалъ, бояре расхищали казну и ссорились между собой: одна партія свергала другую и въ свою очередь свергалась третьей. Въ мѣстностяхъ намѣстники свирѣпствовали, по выраженію одного современника, какъ львы, разоряя и грабя своихъ подвластныхъ. Нигдѣ не было суда и защиты. Челобитныя не принимались, и съ челобитчиками расправлялись, какъ съ нарушителями порядка“. „Царь не вмѣшивался въ управленіе и съ своими сверстниками занимался“ потѣхами и забавами. Результатъ такихъ порядковъ оказался плачевный: въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ.

Тогда царь (въ 1550 году), испуганный мятежомъ, изыскивая способы примиренія съ народомъ, подъ вліяніемъ умныхъ совѣтниковъ, созываетъ земскій соборъ, идетъ на площадь къ Лобному мѣсту и отсюда произноситъ свою знаменитую рѣчь, проситъ народъ „оставить другъ другу вражды и тяготы своя“, нелюбья отложить и помириться между собою, обѣщая, что впредь неправды, лихоиманья, разоренья и хищеній не будетъ, такъ какъ онъ самъ будетъ

для всѣхъ „судія и оборона“. Затѣмъ „произошли совѣщанія между царемъ и народомъ“, — это и былъ первый земскій соборъ.

Откуда изслѣдователи почерпнули свѣдѣнія о земскомъ соборѣ 1550 года? Такихъ свидѣтельствъ два: 1) Степенная книга Хрущова, гдѣ приведена рѣчь Грознаго, и 2) Дѣянія Стоглаваго собора 1551 года, въ которыхъ говорится о событіяхъ предыдущаго года. Какъ къ этимъ свидѣтельствамъ отнестись?

Что касается перваго, то, еще начиная съ Карамзина, изслѣдователи сомнѣвались въ точности отдѣльныхъ указаній, которыя даются рѣчью Грознаго. При дальнѣйшемъ изученіи сомнѣніе это въ послѣднее время нашло свое полное оправданіе. Проф. Платоновъ, непосредственно ознакомившись со „Степенной книгой“ Хрущова, нашелъ, что памятникъ этотъ подвергся передѣлкѣ какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ написана рѣчь Грознаго: неизвѣстною рукою, повидимому, въ XVII в. былъ вырѣзанъ изъ текста одинъ листъ (2 страницы) и приклеенъ другой, сложенный (4 стр.), на которомъ и излагается вся сцена на Лобномъ мѣстѣ. Само собою понятно, что довѣрять тому, что написано о прошломъ примѣрно сто лѣтъ спустя,—невозможно, тѣмъ болѣе, что въ такой поддѣлкѣ явно сквозитъ какая-то предвзятая тенденціозная мысль.

Второе свидѣтельство—тоже рѣчь Грознаго, но произнесенная имъ годъ спустя на церковномъ Стоглавомъ соборѣ, современная запись которой сохранилась въ „Дѣяніяхъ“ этого собора, гдѣ читаемъ: „Въ предыдущее лѣто, говорилъ царь, билъ есми вамъ и съ боляры своими о своемъ согрѣшеніи, а боляре, такожъ и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а язъ по вашему прощенію и благословенію и боляръ своихъ въ прежнихъ винахъ во всѣхъ пожаловалъ и простилъ“.

„Въ предыдущее лѣто“, т.-е. въ 1550 году Грозный „билъ“ челомъ о своемъ прегрѣшеніи, кому же?—„Вамъ

(т.-е. освященному собору) и съ боляры своими", иначе говоря—совѣщанію, состоявшему изъ церковнаго собора и боярской думы, изъ властей и царскаго синклита; въ подоб-

Думный человѣкъ XVII вѣка въ становомъ кафтанѣ и въ шапкѣ горлатной (Видъ изображаетъ внутренность меньшей Золотой палаты, въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ, гдѣ часто происходили засѣданія боярской думы).

номъ собраніи земскаго собора видѣть нельзя. Даже если допустить присутствіе на совѣщаніи 1550 года воеводъ и воиновъ, то и тогда оно подойдетъ лишь къ старому виду совѣщаній, извѣстныхъ по событіямъ 1471 г.

Вотъ почему соборъ 1550 г., какъ выражается проф. Ключевскій, надобно считать пока „потеряннымъ фактомъ“ въ исторіи соборнаго устройства. Намъ въ точности неизвѣстно, дѣйствительно ли въ это время былъ созванъ именно земскій соборъ, мы совершенно не знаемъ, кто былъ призванъ на соборъ, какъ происходили засѣданія, какіе вопросы обсуждались на немъ, и каковъ былъ результатъ соборныхъ совѣщаній.

Первымъ достовѣрнымъ земскимъ соборомъ, о которомъ сохранились сравнительно подробныя извѣстія, былъ соборъ 1566 года, созванный по поводу Ливонской войны. Напомню вкратцѣ событія, предшествовавшія этому собору.

Уже въ XVI вѣкѣ московское правительство хорошо понимало, что для Россіи необходимо было — сблизиться съ Европою, войти въ семью культурныхъ западныхъ державъ. Но постояннымъ препятствіемъ этому сближенію, стѣною, отдѣлявшею Москву отъ Европы, была Ливонія, во власти которой находились юго-восточные берега Балтійскаго моря.

Владѣя такими превосходными гаванями, какъ Рига и Ревель, Ливонія оттѣсняла Московское государство отъ морского пути, тогда какъ Москва, присоединивъ къ себѣ Великій Новгородъ, унаслѣдовала отъ него исконную борьбу и соперничество новгородцевъ съ нѣмцами и ливонцами. Когда въ Новгородѣ по политическимъ мотивамъ былъ закрытъ нѣмецкій дворъ и благодаря этому заграничная торговля перешла въ ливонскіе города, преимущественно въ Ригу и Нарву, то ливонцы старались извлечь изъ этой торговли возможно больше, съ другой стороны, пытались не допускать русскихъ до выгодной торговли и затруднить имъ сношеніе съ иностранцами; послѣднимъ, особенно голландцамъ, запрещено было учиться по-русски и торговать непосредственно съ русскими, запрещенъ былъ ввозъ серебра въ Россію; въ такомъ же положеніи была торговля въ кредитъ. Ливонцы хотѣли быть во всемъ посредниками между ино-

странцами и московитами, не допуская ихъ непосредственнаго сближенія; они держали русскихъ въ черномъ тѣлѣ, боясь, какъ бы они не разбогатѣли отъ торговли, какъ бы чего не переняли полезнаго отъ западныхъ сосѣдей.

Соперничая съ Москвой, досаждая ей на каждомъ шагу, сама Ливонія была далеко не въ блестящемъ состояніи. Одинъ изъ историковъ называетъ Ливонію страной конфликтовъ, страной хроническаго антагонизма и раздора: въ ней издавна происходили борьба политическая и вражда національная, къ которой со второй четверти XVI вѣка еще присоединилась распря вѣроисповѣдная, въ конецъ расшатавшая государственный строй Ливоніи. Въ серединѣ XVI в., по выраженію одного современника, Ливонія представляла собою „огромный возъ безъ хозяина“, съ котораго каждый пытался стянуть себѣ какъ можно больше. Положеніе было таково, что недоставало лишь сильнаго толчка, чтобы произвести катастрофу.

Иванъ Грозный удачно воспользовался неурядицами въ Ливоніи и въ 1558 году по незначительному поводу объявилъ ей войну. У Грознаго возникъ обширный планъ: разгромить слабую Ливонію, захватить берега Балтійскаго моря и вступить въ непосредственныя соглашенія съ Западной Европой. Къ этому присоединилась историческая необходимость для растущей русской державы—дойти до моря, естественной границы на сѣверо-западѣ, и тѣмъ обезопасить себя отъ нападенія сосѣдей.

Въ началѣ войны русскія войска, нагрянувъ на Ливонію, принялись забирать одинъ городъ за другимъ. Грозный уже надѣялся захватить всю Ливонію, такъ какъ къ послѣдней, повидимому, никто не приходилъ на помощь. Но въ это время, подъ шумъ русскихъ побѣдъ, сосѣднія государства дипломатіей и золотомъ ловко обошли Москву: Данія утвердилась на территоріи Эзельской епископіи, Ревель и Эстляндія отошли къ Швеціи, часть земель была присоеди-

нена къ Польшѣ, а магистръ ордена Кетлеръ съ Курляндіей, обративъ ее въ герцогство, отдался подъ покровительство польско-литовскаго короля Сигизмунда III. Такимъ образомъ земли Ливоніи очутились въ рукахъ четырехъ сосѣднихъ державъ, причемъ Россія была обдѣлена: она ничего не получила, кромѣ завоеванныхъ ею городовъ, да и на эти города заявила претензію Польша, подъ покровительство которой по договору отдалась значительная часть прежней Ливоніи. Положеніе вещей вызывало Россію и Польшу на войну. Она вскорѣ и началась. Сперва русскіе имѣли значительный успѣхъ: въ 1563 г. ими былъ взятъ Полоцкъ. Но потомъ счастье перешло на сторону поляковъ, и русскія войска въ двухъ сраженіяхъ были разбиты. Война утомила и ту и другую сторону, обѣ искали мира. Начались переговоры.

Въ 1566 г. въ Москву отъ польскаго короля прибыли „большіе послы“, съ наказомъ „миръ вѣчный и уложенье учинити“. Дальнѣйшіе переговоры выяснили, что литовскіе послы согласны заключить перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: 1) города Ливоніи оставить за тѣмъ, кто ими владѣетъ, 2) Полоцкую область разграничить извѣстными рубежами, 3) Озерище съ уѣздомъ передать московскому царю, но Усвяцкую волость — польскому королю, 4) плѣнныхъ взаимно отпустить безъ выкупа. Благодаря такимъ условіямъ мира, Ливонія, а съ нею и Балтійское побережье навсегда ускользали изъ рукъ Грознаго. Въ противномъ случаѣ предстояла упорная борьба. Чтобы рѣшиться на какой-либо опредѣленный шагъ, нужно было обсудить положеніе дѣла, точнѣе опредѣлить боевую готовность ратныхъ силъ, узнать о финансовомъ состояніи страны и, въ случаѣ войны, призвать населеніе къ усиленной напряженной дѣятельности, разъяснивъ ему при посредствѣ ближайшихъ начальниковъ всю важность и необходимость предстоящаго общегосударственнаго подвига, какимъ было продолженіе войны,—вотъ въ этихъ цѣляхъ и былъ созванъ земскій соборъ.

Земскій соборъ продолжался всего нѣсколько дней. Можетъ-быть даже, что было только одно общее засѣданіе. Современное лѣтописное извѣстіе говоритъ, что торжественное засѣданіе происходило 28 іюня въ присутствіи царя и его двоюроднаго брата, князя Владимира Андреевича. Другое сказаніе дополняетъ: соборъ засѣдалъ во дворцѣ, въ одной изъ палатъ; царь сидѣлъ на тронѣ; неподалеку отъ него за особымъ столомъ размѣстились „власти“ (т.-е. духовенство), а поодаль на лавкахъ сидѣли бояре, размѣстившись по родовитости: кто кого породою ниже, тотъ и сидѣлъ дальше. Собралось всего 374 человѣка. На соборѣ былъ предложенъ вопросъ, заключать ли перемиріе съ польскимъ королемъ на вышеуказанныхъ условіяхъ, или продолжать борьбу. По сказанію лѣтописи, отвѣчали „всѣ соборнѣ: никакъ не поступатися и за то крѣпко стояти... И на своихъ рѣчѣхъ государю крестъ цѣловали“.

До насъ дошла приговорная грамота этого собора (отъ 2 іюня 1566 г.), гдѣ перечисляются всѣ участники собора и подробно передаются тѣ отвѣты, которые были поданы разными группами. Оказывается, что на соборѣ было: 1) 32 духовныхъ лица: архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, монастырскіе старцы и другіе духовные чины; 2) 29 высшихъ сановниковъ: бояръ, окольничихъ и другихъ лицъ изъ состава боярской думы и 33 человѣка дьяковъ и приказныхъ людей; 3) 196 дворянъ и дѣтей боярскихъ первой и второй статьи, да 9 торопецкихъ и луцкихъ помѣщиковъ, и наконецъ, 4) 75 лицъ изъ торгово-промышленнаго класса: гостей, московскихъ купцовъ и смольнянъ (группировка участниковъ собора дана по Ключевскому, въ приговорной же грамотѣ она нѣсколько дробнѣе).

Всѣ отвѣты участниковъ собора 1566 г., поданные по группамъ, носятъ въ общемъ однообразный характеръ, хотя мотивировка ихъ различна. Если суммировать, то получился бы такой отвѣтъ: „О томъ дѣлѣ, говорятъ члены собора,

вѣдаетъ Богъ да государь нашъ; а какъ ему, государю, угодно, такъ и намъ всѣмъ. Велика правда государя нашего передъ королемъ, высость котораго и неправды — извѣстны.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.
Съ портрета, имѣющагося въ Кунсткамерѣ Академіи Наукъ.

А потому перемирію быти нельзѣ... городу Полоцку безъ повѣтовъ впредь стояти не мочно; пригоже стояти за тѣ городы ливонскіе, которые къ государевымъ порубежнымъ городамъ подошли, да и какъ ихъ оставить за польскимъ королемъ: церквамъ въ нихъ будетъ разоренье, государе-

вымъ городомъ—тѣсноты великіе, торговля затворитца. А какъ ему, государю, за тѣ городы стояти — въ томъ его государева воля. А наша должная, холопей его, служити государю до своей смерти. За все стоять, за государево дѣло головы свои класть и помереть мы всѣ готовы, чтобы государева рука вездѣ была высока".

Такъ отвѣчалъ земскій соборъ на вопросъ о Ливоніи. Выраженіе полной готовности крѣпко стоять за интересы государя было особенно цѣнно для Московскаго правительства. Участники собора на своихъ рѣчахъ, какъ уже было упомянуто, государю крестъ цѣловали и руки свои приложили къ приговорной грамотѣ. Въ этой грамотѣ очень характерны ея послѣднія слова: „И всѣмъ намъ, говорятъ члены собора, государю своему, царю и великому князю и его дѣтямъ служити правдою и добра хотѣти... вправду, безъ всякія хитрости и противъ его недруговъ стояти по государеву приказу, хто во что пригодится и до своего живота по сему крестному цѣлованью".

Кто же былъ призванъ на соборъ? Были ли здѣсь выборные земскіе люди, представители мѣстныхъ міровъ, представители русскихъ провинціальныхъ общинъ? Конечно, въ первой и второй группахъ выборныхъ лицъ не могло и быть. Это былъ освященный соборъ и боярская дума, распространенная приказными людьми. Третья же группа, какъ оказывается по изслѣдованію проф. Ключевскаго, состояла изъ городовыхъ и полковыхъ воеводъ, намѣстниковъ, осадныхъ, стрѣлецкихъ и сотенныхъ головъ, начальниковъ военныхъ отрядовъ, короче сказать, изъ органовъ правительственной власти, которые служили по различнымъ провинціальнымъ городамъ и по полкамъ и были призваны правительствомъ съ мѣста своей службы въ силу своего служебнаго, военно-административнаго положенія. Четвертая группа гостей и купцовъ представляла собою не что иное, какъ финансовыхъ приказчиковъ правительства, которые со-

стояли на государственной службѣ по откупамъ и монополіямъ, по сбору съ населенія различнаго рода податей и налоговъ. Это былъ своего рода „финансовый штабъ правительства“, составленный изъ провинціальныхъ капиталистовъ, которые переведены были въ столицу съ обязательствомъ вести финансовыя операціи казны. Ихъ обычно, въ званіи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ, разсылали изъ столицы по областнымъ городамъ устраивать наиболѣе доходныя казенныя дѣла: питейныя, таможенныя и др. Эти московскіе гости и купцы, вмѣстѣ съ тѣмъ, выступали руководителями областныхъ рынковъ и торгово-промышленныхъ міровъ.

Значитъ, на соборѣ 1566 г. выборныхъ представителей отъ мѣстныхъ обществъ не было; въ участникѣ собора изъ служилой или торгово-промышленной среды нужно видѣть „не столько уполномоченнаго какой-либо сословной или мѣстной корпораціи, сколько призваннаго правительствомъ отъ такой-то корпораціи“. Этотъ соборъ былъ, по выраженію проф. Ключевскаго, въ точномъ смыслѣ слова совѣщаніемъ правительства со своими собственными агентами, агентами военно-административными и финансовыми, которые явились на соборъ въ силу своего начальственнаго положенія среди населенія, а не по общественному выбору, были лицами, отвѣтственными передъ властью за свою службу, и не имѣли никакихъ полномочій, правъ и преимуществъ; они выступали не ходатаями о нуждахъ общества, а просто администраторами, которые обязаны были дать правительству нужныя свѣдѣнія и потомъ неукоснительно выполнять принятое рѣшеніе въ предѣлахъ того круга лицъ, надъ которымъ они начальствовали. Нечего, конечно, говорить здѣсь о голосѣ всей земли: его фактически не было.

Но по идеѣ правительство въ соборѣ 1566 года сдѣлало новый „опытъ представительства—хотя и своеобразный—за всю страну и за всѣ классы свободнаго населенія. Въ этомъ-то и заключается важное значеніе собора 1566 года въ исторіи

земскихъ соборовъ“ (С. Ѳ. Платоновъ). Отсюда подробный разборъ соціальнаго положенія лицъ, участвовавшихъ на соборѣ 1566 года, важенъ въ томъ отношеніи, что онъ отчетливо вскрываетъ характеръ соборнаго устройства въ XVI вѣкѣ и показываетъ, какъ правительство того времени, въ поискахъ прочной и широкой опоры, разрѣшало вопросъ о народномъ представительствѣ.

Сохранились неясныя извѣстія, будто въ 1584 г. былъ земскій соборъ. „Пріидоша, говорится въ одномъ памятникѣ, изо всѣхъ городовъ къ Москвѣ именитые люди всего государства Московскаго и молиша со слезами государя царевича Ѳедора Іоанновича, чтобы былъ на Московскомъ государствѣ царемъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ“. Англичанину Горсею, бывшему въ то время въ Россіи, это собраніе показалось похожимъ на парламентъ, составленный изъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, изъ „всеи знати“. Но что это былъ за соборъ, какова была его роль,—мы въ точности не знаемъ.

Русскіе лѣтописцы объ избраніи на царство Ѳедора Іоанновича всѣмъ Московскимъ государствомъ говорятъ слишкомъ обще и неопредѣленно, а иностранцы (Петреи и Горсеи) сообщаютъ о какомъ-то совѣщаніи высшаго духовенства и сановниковъ, въ которомъ ничего другого видѣть нельзя, кромѣ извѣстнаго намъ совмѣстнаго совѣщанія боярской думы и освященнаго собора. Надо думать, что и обстоятельства дѣла не были таковы, чтобы требовался созывъ необычнаго въ практикѣ московской и въ общемъ громоздкаго учрежденія, какимъ былъ земскій соборъ. Ѳедоръ Іоанновичъ, хотя и былъ слабоуменъ и хилъ, тѣмъ не менѣе, какъ старшій сынъ, являлся законнымъ наслѣдникомъ престола; среди дворцовой партіи бояръ, заправлявшихъ дѣлами, крупныхъ разногласій въ то время еще не возникало, а потому для рѣшенія вопроса о вѣнчаніи на царство Ѳедора Іоанновича не было нужды созывать земскій соборъ.

Несравненно полнѣе обрисовывается дѣятельность земскаго собора 1598 года, созваннаго по поводу избранія на царство Бориса Годунова. Остановимся на событіяхъ предшествовавшаго времени, чтобы выяснить смыслъ и значеніе этого земскаго собора.

Въ концѣ жизни Грознаго старый боярскій классъ (княжата) съ политическими навыками и замашками былъ раздавленъ казнями и опричниной, благодаря чему онъ потерялъ свое первое мѣсто у кормила правленія, около котораго сталъ тѣсный кружокъ приближенныхъ къ царю бояръ, его „возлюбленниковъ“, состоявшій изъ Никиты Юрьева (Романова), Мстиславскаго, Бѣльскаго, Годуновыхъ, Шуйскихъ, Нагихъ и др. Это былъ для Москвы первый образчикъ служилой и дворцовой аристократіи, которая составилась изъ родственниковъ и довѣренныхъ лицъ царя. Пока живъ былъ Грозный, всѣ покорялись его волѣ и не смѣли сводить счеты между собой; но вскорѣ же послѣ его кончины между дворцовыми боярами начались столкновенія, однако то была не борьба могущественныхъ родовъ, а борьба лицъ, стремившихся упрочить свое вліяніе при дворѣ и устранить своихъ противниковъ и соперниковъ.

Поводомъ къ столкновенію среди дворцовой знати была болѣзнь и смерть Никиты Романова въ 1585 году, послѣ чего освободилось первое мѣсто, которое занималъ среди бояръ Романовъ какъ по знатности происхожденія, такъ и по родству съ царствовавшимъ домомъ. На освободившееся мѣсто изъявили притязаніе Мстиславскій и Борисъ Годуновъ. Это соперничество раскололо правящую боярскую группу на двѣ части: одни, въ числѣ которыхъ были и Шуйскіе, стояли за Мстиславскаго, другіе—за Годунова. Борису Годунову удалось „осилить“ своего соперника, который былъ сосланъ въ монастырь, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ въ 1587 году глухая вражда Шуйскихъ къ Годуновымъ разразилась открытымъ

столкновеніемъ. Оно сопровождалось уличнымъ мятежомъ, направленнымъ противъ Годуновыхъ, которые нѣкоторое время отсиживались въ Кремлѣ; дворцовая ссора впервые была вынесена на улицу. Въ движеніи, кромѣ Ивана и Андрея Шуйскихъ, приняли участіе московскій митрополитъ Діонисій, архіепископъ Варлаамъ Крутицкій, Колычевы, Татевы, Шереметевъ и даже торговые посадскіе люди.

Нѣсколько „воровъ-мужиковъ“ было схвачено, ихъ пытали и казнили. А надъ другими видными дѣятелями этой неурядицы наряженъ былъ судъ съ обвиненіемъ въ „измѣнѣ“.

Что же скрывалось за этимъ движеніемъ, и какой былъ расчетъ поднимать его? Оказывается, какъ объ этомъ сообщаетъ старинный хронографъ, Шуйскіе вмѣстѣ съ митрополитомъ и нѣкоторыми боярами, а также при участіи московскихъ гостей и купецкихъ людей, „учинили совѣтъ“ и укрѣпились рукописаніемъ—бить челомъ государю о томъ, чтобы онъ развелся съ своей женой царицей Ириной, сестрой Бориса Годунова, якобы по той причинѣ, что у нея не было дѣтей, и вступилъ во второй бракъ. Въ этомъ челобитьѣ крылся тонкій расчетъ: если бы царь послушался своего духовнаго отца, митрополита, и бояръ, а устрашенный уличнымъ движеніемъ Годуновъ не противился, то тогда благодаря новому браку разорвана была бы та связь, которая такъ тѣсно соединяла Годуновыхъ съ царской семьей, и Борису трудно было бы удержаться на своемъ мѣстѣ, такъ что эта челобитная своимъ скрытымъ остреемъ была направлена противъ Годунова.

Нужно ли говорить о томъ, что эту интригу отлично разгадалъ Борисъ Годуновъ и постарался отклонить ударъ. Обижена была такой челобитной и царская семья, такъ какъ въ ея интимную жизнь вторгались непрошеннымъ взоромъ, къ тому же царица Ирина надѣялась имѣть дѣтей. Результатъ всего этого движенія былъ печаленъ для его иниціаторовъ: кн. Шуйскіе попали въ ссылку, гдѣ вскорѣ и

умерли, тому или другому наказанію подверглись и остальные главари.

Къ 90-мъ годамъ Борисъ уже не имѣлъ соперниковъ въ Москвѣ; его именовали „начальнымъ бояриномъ и совѣтникомъ царскаго величества“, а въ 90-хъ годахъ онъ получилъ сложный титулъ „правителя, слуги и конюшаго боярина, и двороваго воеводы и содержателя великихъ государствъ, царства Казанскаго и Астраханскаго“; а въ дипломатическихъ дѣлахъ онъ пріобрѣлъ право личнаго участія въ сношеніяхъ съ другими государствами. Такъ Годуновъ, по замѣчанію проф. Платонова, „постепенно и вѣрно овладѣвалъ властью въ государствѣ“, „укрѣплялъ свое преобладаніе въ правительственной средѣ“ и становился открыто соправителемъ царя Ѳедора Іоанновича.

Явная борьба съ нимъ становилась невозможной; тогда пущены были въ ходъ таїныя средства: интриги и клевета. Стали носиться слухи, что Мстиславскій и Шуйскіе были отравлены по приказанію Годунова, даже загадочная смерть царевича Дмитрія Углицкаго, къ которой Борисъ не былъ причастенъ, была приписана кознямъ Годунова. Вообще, противники Годунова не щадили красокъ, чтобы очернить его въ глазахъ современниковъ, и старанія ихъ были настолько успѣшны, что потомки долгое время видѣли въ Годуновѣ коварнаго интригана и злодѣя. Годуновъ зналъ, какъ относились къ нему завистники, недоброжелатели и неудачливые соперники изъ боярской среды, и пытался укрѣпить свое положеніе въ среднихъ слояхъ общества и въ простомъ народѣ, расположенія котораго онъ добивался при содѣйствіи своихъ приверженцевъ, агитировавшихъ за него.

При такихъ обстоятельствахъ въ самомъ началѣ 1598 года умеръ Ѳедоръ Іоанновичъ, а съ нимъ пресѣклась старая династія Рюрикова дома. Необходимо было избрать царя изъ новой династіи, причемъ главнымъ кандидатомъ былъ Борисъ Годуновъ. Но были и другіе кандидаты: кн. Ѳ. И. Мсти-

славскій, Ѳедоръ Никитичъ Романовъ и Богданъ Бѣльскій; изъ нихъ самымъ серьезнымъ конкурентомъ Годунова считали Романова.

Борисъ Годуновъ добивался короны, но дѣло велъ такъ искусно, что его домогательства не бросались въ глаза. Наоборотъ, корона, по современнымъ извѣстіямъ, какъ будто его страшила, и онъ нѣсколько разъ рѣшительно отказывался отъ престола, даже тогда, когда патріархъ съ духовенствомъ, боярами, дворянами и множествомъ народа царствующаго града Москвы и всея русскія земли, съ женами и дѣтьми и съ „с(о)сущими младенцами“ приходилъ къ нему въ Новодѣвичій монастырь умолять его и царицу-инокиню (Ирину, жену Ѳедора Іоанновича, которая, по смерти своего супруга, тотчасъ же постриглась въ монахини) править царствомъ вмѣстѣ. Но то было, по выраженію Карамзина, „театральное дѣйствіе“, въ которомъ Борисъ и патріархъ Іовъ проявили себя талантливыми лицедѣями. На самомъ дѣлѣ, Годуновъ въ широкихъ размѣрахъ велъ агитацію среди народа при помощи своихъ приверженцевъ, „злосовѣтниковъ и рачителей“, какъ ихъ называетъ одна современная той эпохѣ повѣсть, саркастически высмѣивающая домогательства Годунова. По словамъ этой повѣсти, злосовѣтники и рачители ходили по всѣмъ сотнямъ и слободамъ столицы и по городамъ русскихъ областей, внушали народу, чтобы на государство „всѣмъ міромъ“ просили Бориса. А потому народъ и молилъ его „предъ бояры, властьми и вельможи и предъ царскими синклиты“ принять скипетръ. Когда же онъ отказывался, прося избрать достойнаго, то бояре „се даша на волю народа“.

Такимъ образомъ, по этому сказанію, масса народная (точнѣе говоря, средніе слои общества), подстроенная въ пользу Бориса Годунова, будто бы имѣла рѣшающее значеніе въ выборѣ царя. Оттого въ официальныхъ актахъ указанная сторона дѣла всегда подчеркивалась, такъ какъ въ нихъ съ

ударѳніемъ повторялось, что Борисъ вступилъ на престолъ по прошенію всего московскаго и россійскаго „народства“.

Такое положеніе сказалось и на дѣятельности земскаго собора 1598 г., который въ выборѣ царя не имѣлъ безусловнаго, самостоятельнаго значенія. На немъ при первомъ же засѣданіи (17 февраля 1598 г.), послѣ рѣчи патріарха, „единогласно“ было постановлено: „неотложно бити челомъ государю Борису Ѳедоровичу, а опричь государя Бориса Ѳедоровича на государство никогоже не искати“.

Кто же былъ на этомъ соборѣ, и каково его значеніе въ дѣлѣ избранія Бориса на царство? Изъ соборнаго акта отъ 1 августа 1598 г. видно, что составъ собора до времени его открытія еще не былъ окончательно опредѣленъ; наоборотъ, онъ постепенно пополнялся все новыми и новыми членами. Значитъ, земскій соборъ даже въ концѣ XVI в. не былъ учрежденіемъ съ твердо установившимся составомъ. По счету проф. Ключевскаго, соборъ состоялъ изъ 512 человѣкъ. Здѣсь были: патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы и другія духовныя лица, бояре, окольничіе, думные дьяки, приказные люди, члены дворцовой администраціи, стольники, жильцы, дворяне московскіе, головы стрѣлецкіе и дворяне изъ городовъ (такъ называемый „выборъ“, т.-е. лучшій, высшій слой провинціальнаго дворянства) и др. Самый перечень участниковъ собора показываетъ, что эти лица принадлежали къ тѣмъ же самымъ четыремъ группамъ, которыя такъ явственно выступали на соборѣ 1566 г.; они представляли собою: 1) церковное управленіе, 2) высшее управленіе государственное, 3) классъ военно-служилый и 4) управленіе финансовое. Всѣ эти лица были призваны на соборъ по своему начальственному положенію въ обществѣ, а не по выбору и довѣрію народа. Только относительно 40 человѣкъ изъ провинціальныхъ дворянъ Ключевскій предполагаетъ, что, можетъ-быть, они были выборными представителями военно-

служилыхъ уѣздныхъ корпорацій. Однако такое предположеніе не имѣетъ характера безусловной достовѣрности. Да и проф. Ключевскій настойчиво утверждаетъ, что въ общемъ значеніе земскаго собора не измѣнилось; на немъ также явственно обнаружился основной принципъ соборовъ XVI вѣка—призывъ на соборъ въ силу должностного правительственнаго положенія, а не по общественному выбору. На соборъ сходились разностепенные носители власти, представители органовъ управленія, а не уполномоченные общества.

При такомъ положеніи слѣдуетъ признать, вопреки утвержденію прежнихъ изслѣдователей, что въ составѣ земскаго собора 1598 года не было никакой искусственности и преднамѣренной подтасовки. Годунову земскій соборъ былъ нуженъ для того, чтобы имѣть опору своему избранію въ „совѣтѣ всея земли“, какимъ по идеѣ былъ соборъ, и чтобы участники собора, какъ представители власти, центральной и провинціальной, обязавшись крестнымъ цѣлованьемъ, крѣпко стояли за него и на мѣстахъ своей службы, такъ что въ случаѣ, если бы кто захотѣлъ „искати себѣ иного государя мимо Бориса Ѳедоровича“ или сталъ замышлять что-либо дурное противъ него, то участники собора обязывались, какъ то говорилось въ приговорной грамотѣ, „извѣстити на того измѣнника патріарху“ и стояти на того государева измѣнника „обще за единъ“, а патріархъ обязывался предать его проклятію и отлучить отъ церкви.

IV.

Значеніе Смуты въ исторіи земскихъ соборовъ.

Въ дальнѣйшей судьбѣ земскихъ соборовъ Смута сыграла очень крупную роль. Смута всколыхнула Московское государство. Когда оно было на краю гибели, когда вѣковые устои государства шатались подъ напоромъ нахлынувшихъ

враждебныхъ силъ, среди тогдашняго общества пробудилось чувство патріотизма, и на защиту родины, на защиту цѣлостности государства изъ разныхъ мѣстъ и городовъ поднялись земскіе люди, которымъ дорога была вѣра православная, дороги были порядки общественные и государственные; эти земскіе люди, воодушевленные сознаніемъ своей высокой миссіи, на своихъ плечахъ вынесли тяготы и борьбу и принялись за устроеніе разоренной земли. Такой подъемъ духа отразился и на совѣщаніяхъ.

Во время Смуты, послѣ паденія правительственной власти, мѣстные міры, самоуправляющіяся общины, проявили особую жизнедѣятельность. Результатомъ было то, что выборное начало, широко развитое въ Московской Руси и перешедшее изъ области хозяйственной въ область административно-судебную, затѣмъ было перенесено и въ сферу политическую, благодаря чему на земскомъ соборѣ появились выборные народные представители.

Въ поясненіе слѣдуетъ сказать, что въ Московской Руси среди сельскаго населенія существовала о б щ и н а: крестьяне собирались на сходы, обсуждали и рѣшали дѣла о распредѣленіи земли, раздѣлѣ и пользованіи лѣсами, лугами и угодьями, раскладывали между собой подати и повинности; для веденія всѣхъ подобныхъ хозяйственныхъ дѣлъ избирали старостъ, сотскихъ, десятскихъ изъ своей среды; благодаря этому в ы б о р н о е н а ч а л о и самоуправленіе были исконными обычаями русской жизни.

Общиной правительство воспользовалось въ цѣляхъ упорядоченія государственныхъ сборовъ и повинностей: въ XV и XVI вѣка община упрочилась и расширилась въ хозяйственной и тяглой областяхъ, а въ царствованіе Грознаго мѣстное самоуправленіе получило дальнѣйшее, весьма значительное расширеніе благодаря губнымъ *) и земскимъ учрежденіямъ:

*) Губа—территоріальный округъ, въ предѣлахъ котораго мѣстному населенію особыми грамотами со времени Грознаго предоставля-

мѣстные міры, въ лицѣ своихъ выборныхъ, стали заботиться о поддержаніи тишины и спокойствія въ уѣздахъ, ловили и казнили воровъ, грабителей и разбойниковъ, а въ земскихъ учрежденіяхъ стали вѣдать всѣмъ областнымъ управленіемъ. Со второй половины XVI вѣка мѣстная жизнь забила ключомъ, въ особенности въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ частяхъ Московскаго государства; примѣненіе выборнаго начала расширилось.

Не было ничего удивительнаго въ томъ, что эти земскіе міры, привыкшіе руководить хозяйственной и тяглой областями мѣстной жизни, а затѣмъ судомъ и управленіемъ, въ періодъ смуты, когда правительственная власть пала, выступили наружу и въ лицѣ своихъ руководителей, избранныхъ обществомъ, возстановили порядокъ общимъ совѣтомъ. Прослѣдимъ по немногимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ тотъ процессъ, благодаря которому представители общества оказались руководителями общегосударственныхъ дѣлъ.

Въ вихрѣ событій начала XVII вѣка погибли Годуновы, Лжедимитрій I, на престолъ вступилъ хитрый, но малодушный Василій Шуйскій, который напрасно пытался поддержать своею слабою рукою падающее государственное зданіе. Потерявъ надежду справиться съ удачливымъ Тушинскимъ воромъ при помощи обычныхъ московскихъ воинскихъ силъ, Шуйскій обратился къ сѣвернымъ поморскимъ городамъ съ призывомъ—отстаивать города отъ тушинцевъ своими силами, а если возможно, то поспѣшить черезъ Ярославль на помощь къ Москвѣ.

Еще больше энергіи въ этомъ проявилъ племянникъ Василія—Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, посланный царемъ въ Новгородъ собирать войска. Вербуя здѣсь ратныхъ людей, начавъ переговоры со шведами, Скопинъ дальновидно во-

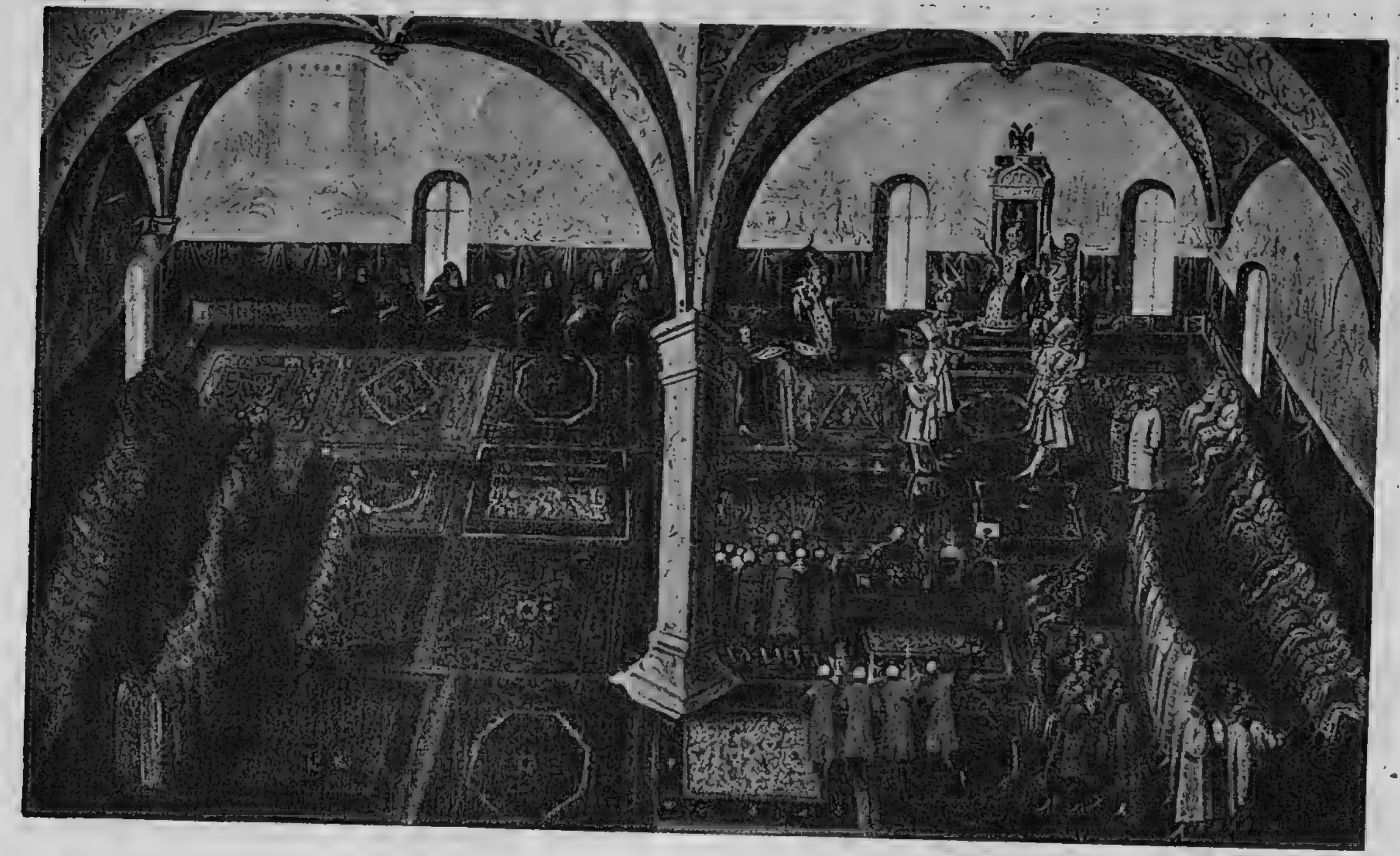
---

лось право, въ лицѣ своего губного старосты или сотскаго и особыхъ выборныхъ, ловить и судить воровъ и разбойниковъ, лихихъ людей (профессіональныхъ преступниковъ), а въ случаѣ вины—и казнить ихъ.

шелъ въ сношенія со всѣми тяглыми мірами Сѣвера, отъ Перми до Соловокъ: разсылалъ по городамъ преданныхъ ему лицъ, давалъ руководящія указанія, объединялъ дѣятельность городскихъ и волостныхъ міровъ, направляя ихъ къ освобожденію Москвы.

Результатомъ этой ловкой политики было то, что изъ многихъ мѣстъ потянулись земскія рати, собранныя и снабженныя оружіемъ и провіантомъ на счетъ тяглыхъ общинъ. Эти отряды становились подъ команду излюбленныхъ міромъ „головъ“ (ротныхъ и полковыхъ командировъ), служилыхъ и неслужилыхъ людей, а иногда и вдовыхъ поповъ, и шли къ Москвѣ, съ твердой рѣшимостью биться съ „ворами“, разорителями государства. А въ тылу этихъ отрядовъ оставались, руководя походомъ, собирая вновь ратныхъ людей и средства для нихъ, мірскіе совѣты, которые были или обычнаго состава изъ старостъ, сотскихъ и „лучшихъ людей“, или же являлись совѣтами особаго порядка.

Такимъ мірскимъ совѣтомъ обычнаго состава было совѣщаніе устюжанъ, о чемъ узнаемъ изъ грамоты ихъ къ вычегодцамъ отъ 27 ноября 1608 года. Въ этой грамотѣ говорилось, что „всѣ мірскіе люди устюжане, посадскіе, старосты и цѣловальники и волостные крестьяне“, собравшись „на совѣтъ“, выслушали отъ разныхъ пріѣзжихъ и посланныхъ лицъ разсказы о разореніи русской земли отъ литовскихъ людей, о появленіи якобы царевича князя Димитрія Ивановича (Тушинскаго вора) и обложеніи всего Вологодскаго уѣзда и другихъ мѣстъ великими поборами. Послѣ обсужденія всѣ устюжане „говорили накрѣпко, что (они) креста цѣловати тому, который называется царемъ Димитріемъ, не хотятъ“, а „хотятъ стояти накрѣпко и людей сбирати хотятъ тотчасъ со всего Устюжскаго уѣзда поворотно головами“; а затѣмъ постановили пригласить лучшихъ людей вычегодцевъ (Соли Вычегодской), человѣкъ 5, 6 или 10, „для совѣту“, а также для того, чтобы, сговорившись, за-



Пріемъ пословъ Лжедимитріемъ.
Картина хранится въ Будапештскомъ музеѣ, копія въ Главн. Архивѣ М. И. Д. въ Москвѣ.

крѣпить свое рѣшеніе крестнымъ цѣлованіемъ, „что намъ съ вами, а вамъ съ нами и ожить и умереть вмѣстѣ“.

Изъ этой грамоты видно, что въ Устюгѣ собрался мірской совѣтъ, въ который вошли „посадскіе, старосты и цѣловальники и волостные крестьяне“, т.-е. лица, обычно собиравшіяся на мірскіе совѣты, только предметъ обсужденія былъ исключительный: то были не хозяйственныя дѣла, не вопросы тяглой разверстки, а вопросы государственные, первостепенной важности, — присягать ли тому, кто, видимо, облыжно именуетъ себя царевичемъ Димитріемъ, какъ отстоять свой городъ и уѣздъ отъ нападенія врага. Необычныя дѣла и важность вопросовъ толкали совѣщаніе устюжанъ на новые пути: они проектируютъ общій совѣтъ двухъ городовъ, требуя присылки къ себѣ лучшихъ людей вычегодцевъ, чтобы „стояти за одинъ“, „ожить и умереть вмѣстѣ“.

Но на ряду съ подобными мірскими совѣтами въ сѣверныхъ городахъ стали появляться совѣты нѣсколько иного порядка.

Такимъ особеннымъ совѣтомъ оказался, прежде всего, совѣтъ въ Вологдѣ, которая служила однимъ изъ главныхъ центровъ земскаго движенія. Зимой 1608—1609 года въ Вологдѣ остановилось много иностранныхъ купцовъ, а также „лучшихъ людей“, московскихъ гостей, которые ѣхали съ товарами изъ Архангельска въ Москву, но принуждены были зазимовать въ Вологдѣ въ виду появленія подъ Москвой Тушинскаго вора. Василій Шуйскій, узнавъ объ этомъ, распорядился, чтобы воеводы, управлявшіе Вологдой, привлекли къ оборонѣ города какъ иноземцевъ, такъ гостей московскихъ; выборные изъ ихъ среды должны были сидѣть „съ головами и ратными людьми въ думѣ за одинъ“. Такъ въ Вологдѣ образовалась „дума“, гдѣ сошлись не одни тяглые люди мѣстной народной общины, но гдѣ выступили представители разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, такъ что въ результатѣ образовался общесословный совѣтъ.

Одинъ-два года спустя, когда государственный порядокъ сталъ совсѣмъ исчезать въ странѣ, подобные общеземскіе совѣты начали образоваться по всѣмъ крупнымъ городамъ сѣвера. Ихъ ближайшей задачей была охрана своего города отъ враговъ; но затѣмъ выступила болѣе широкая и важная цѣль: совѣты отдѣльныхъ городовъ задаются цѣлью освободить Москву отъ воровъ-казаковъ и иноземцевъ, спасти вѣру и отечество, „жить и умереть вмѣстѣ“. Ради этого они вступаютъ въ письменныя сношенія между собою, желая достигнуть общеземскаго согласія и общими силами двинуться на враговъ.

Проф. Платоновъ, тщательно изслѣдовавшій это время, отмѣчаетъ, что среди подобныхъ общесословныхъ совѣтовъ крупныхъ сѣверныхъ городовъ „особеннымъ краснорѣчіемъ отличался“ ярославскій совѣтъ, „грамоты котораго, отлично написанныя, свидѣтельствуютъ, что ярославскій міръ считалъ себя въ ту минуту (1611 годъ) средоточіемъ сѣверныхъ областей“, а въ совѣтѣ принимали участіе представители всѣхъ сословій: духовенства, дворянства и посадскихъ людей. На юго-востокѣ такимъ же центромъ былъ Нижній-Новгородъ. Города не только писали одинъ другому грамоты и отписки, но и пересылали „цѣловальныя записи“, по которымъ жители разныхъ городовъ крестъ цѣловали—всѣмъ „стати за Московское государство за одинъ“.

Переписка, завязавшаяся между совѣтами отдѣльныхъ городовъ, очень скоро привела къ составленію совѣта нѣсколькихъ городовъ: „отъ всесословныхъ совѣтовъ въ отдѣльныхъ городахъ былъ одинъ шагъ до совѣтовъ нѣсколькихъ городовъ, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ“ въ 1611 году (проф. Платоновъ).

Изъ грамоты Прокопія Ляпунова и рязанцевъ, посланной въ Нижній-Новгородъ 31 января 1611 года, узнаемъ слѣдующее. Нижегородцы, призывая рязанцевъ „стоять за одинъ“ съ ними и крестъ на томъ цѣловать, и извѣщая о своемъ рѣшеніи итти на выручку Москвы, предлагали при-

слать въ Нижній „всякихъ чиновъ добрыхъ людей для совѣту“ и съ ними отписать, гдѣ имъ другъ съ другомъ сходиться при походѣ на Москву. Тогда Ляпуновъ, а съ нимъ „дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди и торговые и черные Рязанскія области“ послали въ Нижній, ради „всякаго договора и добраго совѣта“, стряпчаго Ивана Биркина, дьяка Степана Пустошкина „съ дворянами и всякихъ чиновъ людьми“. А въ Калугу Ляпуновъ ради той же цѣли послалъ своего племянника съ дворянами.

Случаи подобныхъ посылокъ выборныхъ представителей одного города въ другой и образованіе совѣта нѣсколькихъ городовъ были довольно часты. Казань посылаетъ своихъ представителей на Вятку, Пермь—въ Устюгъ, Галичъ—на Кострому, Ярославль—въ Вологду, Владимиръ—въ Суздаль. А когда соединенныя рати нѣсколькихъ городовъ двинулись къ Москвѣ, то за ними оказались совѣты тѣхъ же городовъ, которые и образовали при ополченіи „ратный совѣтъ“, смотрѣвшій на себя, какъ на „совѣтъ всея земли“.

Въ то время, какъ намѣчались новые пути въ созданіи земскаго представительства, шедшіе снизу, въ разгаръ Смуты происходило нѣсколько попытокъ сверху—устроить земскій соборъ на новыхъ же началахъ. Въ этомъ отношеніи любопытна попытка созванія собора въ 1610 году.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1610 года, когда Шуйскій былъ сведенъ съ престола, изъ Москвы разосланы были по городамъ окружныя грамоты (см. грамоту отъ 20 іюля въ Пермь Великую), въ которыхъ бояре, извѣщая о сведеніи Шуйскаго, обращались съ увѣщаніемъ не признавать „вора“ и оберегать Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей, а затѣмъ призывали „обирати (выбрать) государя всѣмъ за одинъ всею землею, сослався со всѣми городы“. Въ другихъ грамотахъ, разосланныхъ около того же времени, бояре писали, чтобы изъ городовъ „прислали къ Москвѣ изо всѣхъ чиновъ, выбравъ по человѣку“.

Но таковы были обстоятельства, что Москва, осажденная Тушинскимъ воромъ и поляками, не могла получить представителей изъ областей, и въ августѣ въ боярской думѣ было заявлено, что „изъ городовъ по ся мѣста никакіе люди (въ Москву) не бывали“, тогда какъ земскій соборъ былъ нуженъ, чтобы оформить договоръ съ поляками и утвердить избраніе Владислава. Тогда бояре прибѣгли къ упрощенному порядку составленія земскаго собора: былъ призванъ освященный соборъ, соединившійся съ боярской думой, сюда же привлекли московскихъ дворянъ, около 40 человѣкъ, „дворянъ изъ городовъ, которые служатъ по выбору“ и выборныхъ представителей отъ московскаго торговаго тяглаго населенія. Соборъ 1610 года одобрилъ избраніе Владислава и отправилъ пословъ къ Сигизмунду, которому они подъ Смоленскомъ прямо заявляли, что они посланы боярами и „всѣми людьми“ (въ другомъ мѣстѣ: „всѣми людьми Московскаго государства“). А одинъ посолъ, кн. Голицынъ, гордо добавлялъ: „Отъ однихъ бы бояръ я, князь Василій, не поѣхалъ“.

Въ словахъ и поступкахъ московскаго посольства явно прозвучала новая нота: идейное признаніе непререкаемаго авторитета земскаго собора и свидѣтельство того, что въ безгосударное время не патріархъ и тѣмъ менѣе бояре, а лишь „вся земля“, „совѣтъ всѣхъ людей“ является распорядителемъ судьбы Московскаго государства.

Но соборъ 1610 года, составленный старымъ порядкомъ, да къ тому же слишкомъ слабо представленный въ своемъ наиболѣе жизненномъ, земскомъ элементѣ, представителями котораго оказались болѣе или менѣе случайные люди, очутившіеся въ Москвѣ, отрѣзанной отъ многихъ городовъ, не могъ считаться въ глазахъ всего тогдашняго общества земскимъ соборомъ въ смыслѣ совѣта всея земли и потому не могъ сыграть рѣшающей роли при установленіи порядка въ государствѣ. Такъ потерпѣла неудачу попытка образовать выборное представительство сверху, но зато оно болѣе

надежнымъ путемъ шло снизу. При ополченіяхъ 1611—1612 гг. образуются общіе совѣты съ выборными представителями отъ городовъ.

Уже въ ополченіи Ляпунова въ іюнѣ 1611 года образовался ратный совѣтъ, „вся земля“, какъ преувеличенно называлъ себя тотъ ратный совѣтъ. Въ составъ его входили представители разныхъ частей подмосковной рати, но такъ какъ отряды собраннаго ополченія представляли собой города и уѣзды, которыми они были навербованы, то и ратный совѣтъ считалъ себя общимъ представителемъ всѣхъ этихъ городовъ, дѣйствуя за всю землю, за все государство, и дѣлая распоряженія общегосударственнаго характера.

Разумѣется, и ратный совѣтъ 1611 года, несмотря на присутствіе въ немъ выборныхъ, несмотря на признаніе его авторитета многими городами, не можетъ быть, строго говоря, названъ земскимъ соборомъ: въ немъ не было ни освященнаго собора, ни боярской думы, да и представительство третьяго необходимаго элемента земскихъ соборовъ (людей земли) было неполнымъ; въ немъ, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ и по тексту дошедшихъ приговоровъ, не было торговыхъ и черныхъ людей.

Первое ополченіе распалось, Ляпуновъ былъ убитъ казаками, служилые люди, напуганные разбойническими выходками своихъ соціальныхъ враговъ—разнузданной черни и казаковъ—разбѣжались, исчезъ и ратный совѣтъ. Необходимы были новыя усилія, чтобы вырвать Москву изъ рукъ поляковъ и установить порядокъ въ странѣ.

Создается второе ополченіе, связанное съ именами Минина и Пожарскаго. Оно, по завѣту патріарха Гермогена, сначала ведетъ борьбу противъ внутреннихъ враговъ, казаковъ, а затѣмъ уже обрушивается на иноземцевъ-поляковъ. Опираясь на Нижній-Новгородъ, весной 1612 года Пожарскій отбилъ у казаковъ Ярославль, который съ той поры сдѣлался центромъ новаго движенія на Москву. Въ Яро-

славлѣ весной же образовался общегосударственный совѣтъ, отъ имени котораго начали разсылаться призывныя грамоты по всѣмъ сѣвернымъ и поволжскимъ городамъ. Каковъ былъ составъ этого совѣта?

Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отъ кн. Пожарскаго, бояръ и воеводъ, изъ Ярославля была послана грамота къ жителямъ Соли Вычегодской, а также и по другимъ городамъ, о созывѣ всеобщаго ополченія на защиту отечества, о сборѣ денежной казны на жалованье ратнымъ людямъ, о беззаконной присягѣ кн. Трубецкого, Заруцкаго и казаковъ новому самозванцу, „воровскому царю Сидорку"; а затѣмъ грамота приглашала вычегодцевъ „совѣтывать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымъ; чтобъ намъ, по совѣту всего государства, выбрати общимъ совѣтомъ государя". Такъ въ умахъ московскихъ людей, послѣ тяжкихъ испытаній Смуты, прочно засѣла мысль о томъ, что только „общимъ совѣтомъ", „всею землею" можетъ быть избранъ новый государь. Въ какой же формѣ долженъ проявиться общій совѣтъ? Грамота 7-го апрѣля 1612 года на это отвѣчала: „И по всемірному своему совѣту пожаловати бъ вамъ прислати къ намъ въ Ярославль, изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два, и съ ними совѣтъ свой отписати, за своими руками", а тѣхъ выборныхъ прислать „для общаго земскаго совѣта... вскорѣ".

Въ окружной грамотѣ въ великороссійскіе города, писанной въ іюнѣ того же года, кн. Пожарскій, отъ имени всѣхъ чиновъ, снова повторялъ призывъ, приглашая прислать „для общаго земскаго совѣта, изо всякихъ чиновъ человѣка по два и по три, и противъ сея грамоты совѣтъ свой къ намъ отписати за своими руками, какъ намъ противъ общихъ враговъ, польскихъ и литовскихъ людей, стоять и какъ намъ въ нынѣшнее злое настоящее время безгосударнымъ быть, и выбрати бъ государя всею землею".

Въ этихъ грамотахъ ясно видна мысль о томъ, что избрать государя слѣдуетъ при непосредственномъ участіи всѣхъ городовъ, которые должны этотъ вопросъ обсудить на мѣстѣ и свое мнѣніе изложить письменно, а затѣмъ необходимо созвать выборныхъ отъ городовъ отъ всякихъ чиновъ. Впервые отчетливо и ясно звучитъ нота о выборномъ представительствѣ земли, а отписи, въ которыхъ мѣстные люди должны выразить свое мнѣніе и которыя нужно было привезти съ собою выборнымъ, служатъ предвѣстникомъ наказовъ, даваемыхъ обычно депутатамъ со стороны избирателей.

На призывъ Пожарскаго откликнулись многіе города, и въ Ярославлѣ образовался какъ бы совѣтъ всея земли, которому хотѣли придать видъ настоящаго земскаго собора. Призвали въ Ярославль стараго ростовскаго митрополита Кирилла—и при немъ образовался духовный совѣтъ, „священный соборъ“. Боярской думы не могло быть въ Ярославлѣ, бояре во главѣ съ Мстиславскимъ сидѣли въ Москвѣ и творили волю поляковъ, которые хозяйничали въ ней; но и въ рати Пожарскаго оказалось два боярина, Василій Морозовъ да кн. Владимиръ Долгорукій, и окольничій Семенъ Головинъ; къ нимъ присоединились старшіе военачальники, такъ что „бояре и воеводы“ этого ополченія представляли собой какъ бы „синклитъ“, боярскую думу въ расширенномъ составѣ. Въ образовавшійся совѣтъ влились выборные представители служилаго и тяглаго населенія многихъ городовъ.

Въ этомъ совѣтѣ три главныя составныя части были налицо, поэтому ярославскій совѣтъ считалъ себя „совѣтомъ всея земли“, какъ бы земскимъ соборомъ. Если бы его признать земскимъ соборомъ, то слѣдовало бы сказать, что въ 1612 году впервые земскій соборъ составился по новому порядку, путемъ выборовъ отъ населенія. Но такъ какъ первые два элемента въ немъ были подставные, затѣмъ отъ доброй половины городовъ въ немъ представителей совсѣмъ

не было, то ярославскій совѣтъ нельзя назвать земскимъ соборомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова; только исключительныя обстоятельства заставляли его говорить отъ всей земли, а какъ только явилась возможность приступить къ избранію царя, то совѣтъ, двигавшійся вмѣстѣ съ ополченіемъ Пожарскаго, не счелъ себя въ правѣ приступить къ этому важному дѣлу и сталъ разсылать грамоты о новомъ созывѣ земскихъ людей.

Но этотъ совѣтъ оказалъ важную историческую услугу: при его содѣйствіи и подъ его руководствомъ, главный національный подвигъ былъ совершенъ, Москва отъ поляковъ была очищена, и такимъ путемъ была подготовлена почва для знаменитаго земскаго собора 1613 года, для котораго ярославскій соборъ въ нѣкоторомъ отношеніи оказался ближайшимъ образцомъ.

V.

Соборъ 1613 года.

Какъ только въ концѣ 1612 года Москва была освобождена отъ поляковъ ополченіемъ кн. Пожарскаго, немедленно (съ ноября мѣсяца) стали разсылаться по городамъ грамоты, въ которыхъ предлагалось, „чтобъ изъ городовъ Московскаго государства изо всякихъ чиновъ люди по десяти человѣкъ“ „для государственныхъ и земскихъ дѣлъ“ были присланы къ Москвѣ; а въ другихъ грамотахъ писалось, чтобы прислали изъ городовъ „для земскаго совѣта и для государскаго избранія людей лучшихъ, крѣпкихъ, разумныхъ и постоятельныхъ“, „поскольку человѣкъ пригоже“; и „въ городѣхъ бы всякіе люди межъ себя о томъ совѣтъ и договоръ учинили крѣпкій“, какъ „въ погибели не быть“ и какъ государя выбрать, и грамоту о своемъ мнѣніи города должны передать своимъ избраннымъ представителямъ.

Отвѣтомъ на призывъ былъ соборъ 1613 года, самый полный изъ всѣхъ соборовъ XVI и XVII вѣка. На немъ присутствовало три митрополита (Ефремъ, Кириллъ и Іона), епископы, архимандриты и игумены, бояре и военачальники, руководившіе ополченіемъ; Мстиславскій съ товарищами, обезславленные своимъ сидѣньемъ и союзомъ съ поляками, разъѣхались по домамъ, въ подмосковныя деревни, хотя къ моменту окончательнаго избранія были возвращены и участвовали въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ собора; затѣмъ изъ 700 приблизительно участниковъ собора до 600 человѣкъ было выборныхъ отъ городовъ, въ числѣ ихъ впервые выступили „уѣздные люди“, среди которыхъ могли быть и крестьяне. Соборъ 1613 года былъ небывалымъ съѣздомъ какъ по числу участвовавшихъ въ засѣданіяхъ земскаго собора, такъ и по тому, что въ немъ главную роль играли выборные представители отъ разныхъ слоевъ и разныхъ городовъ Московскаго государства. По своему составу соборъ былъ достоинъ того, чтобы заниматься важнѣйшимъ дѣломъ— дѣломъ устроенія Русской земли и избраніемъ на царство новой династіи.

Земскій соборъ прежде, чѣмъ приступить къ избранію царя, наложилъ на всѣхъ трехдневный постъ, а затѣмъ было приступлено къ обсужденію вопроса о кандидатахъ на царскій престолъ. Хотя избирательная грамота говоритъ о единодушномъ рѣшеніи всего собора при выборѣ Михаила Ѳедоровича Романова, но лѣтописныя сказанія и иностранныя извѣстія вскрываютъ предъ нами картину бурныхъ засѣданій, гдѣ въ первое время никакого единодушія не было, и кандидатура Романова не была единственной.

„Многое было волненіе всякимъ людемъ, говоритъ лѣтописецъ, койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо про коего говоряше“. „Новый Лѣтописецъ“, отмѣчая такое же разногласіе въ началѣ засѣданій собора, добавляетъ: „не возмогоша вси на единого согласитися; овіи глаголаху того,

иніи же инаго, и всѣ разновѣщаху, и всякій хотяше по своей мысли учинити, и тако препроводиша не малые дни".

Среди бояръ еще держалась кандидатура Владислава, казаки выдвигали сына Марины Мнишекъ; но былъ у нихъ и другой кандидатъ, это—„Филаретовъ сынъ". Среди земскихъ людей раздавались голоса въ пользу разныхъ родовитыхъ бояръ, въ числѣ которыхъ назывался и Романовъ. Соглашеніе произошло между земщиной и казаками; ихъ общимъ кандидатомъ оказался Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ.

Проф. Платоновъ такъ излагаетъ и характеризуетъ внутренній ходъ событій во время земскаго собора 1613 года. „Побѣда надъ боярами, желавшими Владислава, досталась собору, думается, очень легко: вся партія короля въ Москвѣ была разгромлена временнымъ правительствомъ тотчасъ по взятіи столицы". „Другое дѣло было земщинѣ одолѣть казаковъ: они были сильны своимъ многолюдствомъ и дерзки сознаніемъ своей силы. Чѣмъ рѣшительнѣе земщина становилась противъ Маринки и противъ ея сына, тѣмъ внимательнѣе должна была она отнестись къ другому кандидату, выдвинутому казаками,—къ „Филаретову сыну". Онъ былъ не чета „воренку". Нѣтъ сомнѣнія, что казаки выдвинули его по тушинскимъ воспоминаніямъ, потому что имя его отца Филарета было связано съ Тушинскимъ таборомъ. Но имя Романовыхъ было связано и съ инымъ рядомъ московскихъ воспоминаній. Романовы были популярнымъ боярскимъ родомъ, извѣстность котораго шла съ первыхъ временъ царствованія Грознаго. Незадолго до избирательнаго собора 1613 года, именно въ 1610 году, совсѣмъ независимо отъ казаковъ, М. Ѳ. Романова въ Москвѣ считали возможнымъ кандидатомъ на царство, однимъ изъ соперниковъ Владислава. Когда соборъ настоялъ на уничтоженіи кандидатуры иноземцевъ и „Маринкина сына", то изъ всѣхъ великихъ родовъ (московскихъ) естественно возобладалъ родъ, указанный мнѣніемъ казачества. На Романовыхъ могли сойтись

и казаки и земщина—и сошлись: предлагаемый казачествомъ кандидатъ удобно былъ принятъ земщиною. Кандидатура М. Ѳ. Романова имѣла тотъ смыслъ, что мирила въ самомъ щекотливомъ пунктѣ двѣ еще не вполнѣ примиренныя общественныя силы и давала имъ возможность дальнѣйшей солидарной работы. Радость обѣихъ сторонъ по случаю достигнутаго соглашенія, вѣроятно, была искренняя и велика, и Михаилъ былъ избранъ дѣйствительно „единомышленнымъ и неразвратнымъ совѣтомъ“ его будущихъ подданныхъ“.

Стало-быть, „кандидатура лица изъ Романовскаго рода возникла въ демократическихъ низахъ общества и была поддержана средними его слоями, потому что ходомъ московской исторіи Романовскій родъ снискалъ себѣ извѣстность и популярность въ самыхъ различныхъ общественныхъ кругахъ“.

Само избраніе произошло такимъ путемъ. 7 февраля всѣми единомысленно былъ предположительно избранъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Но въ то же время, въ виду событія чрезвычайной важности, было рѣшено окончательное избраніе отложить до 21 февраля, а тѣмъ временемъ послать „вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей“ по всѣмъ городамъ, за исключеніемъ дальнихъ, чтобы узнать, какъ отнесется остальное общество къ такому предположительному избранію. Судя по словамъ прибывшихъ гонцовъ, настроеніе уѣздныхъ городовъ вполнѣ благопріятствовало выбору Романова. И вотъ, когда 21 января снова собрался соборъ, то „всѣ, яко едиными усты, глаголюще, что быти на престолѣ... и принять скипетръ Россійскаго царства Михаилу Ѳедоровичу Романову“, такъ какъ онъ „царскаго благороднаго корени благоцвѣтущая отрасль“.

Всѣ участники собора новому государю крестъ цѣловали, а потомъ избрали пословъ и послали ихъ къ Михаилу Ѳедоровичу въ Ипатьевскій монастырь, во главѣ съ архіепископомъ рязанскимъ Ѳеодоритомъ и бояриномъ Ѳ. И. Шереметевымъ. Когда же послѣ долгихъ просьбъ инокиня Марѳа

и Михаилъ Ѳедоровичъ согласились, то члены собора снова дали обѣтъ: „служити государю вѣрой и правдой, всѣми душами своими и головами и противъ государевыхъ измѣнниковъ битися до смерти“.

Одинъ изъ моментовъ избранія на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

Такъ былъ избранъ земскимъ соборомъ новый царь. А на соборѣ были, какъ то сказано въ приговорной грамотѣ этого собора, изо всѣхъ городовъ Россійскаго царства „выборные люди“. Они такъ и подписывались подъ соборною грамотою 1613 г. Напримѣръ, вотъ подпись одного изъ участниковъ собора: „Изъ Калуги выборный человѣкъ Смирной Судовщиковъ... руку приложилъ“. Это была новая черта въ исторіи соборнаго устройства. Въ XVII в. земскіе соборы

вступаютъ въ новый фазисъ своего развитія. Если прежде соборъ представлялъ собою съѣздъ администраторовъ и лицъ съ начальственнымъ положеніемъ, то въ XVII в., со времени Смуты, на ряду съ боярами и властями выступаютъ земскіе люди, выбранные мѣстными провинціальными обществами. Въ этихъ лицахъ ученые изслѣдователи видятъ представителей общества, которымъ послѣднее ввѣряло свои интересы и которые являлись передъ правительствомъ его защитниками и ходатаями о нуждахъ населенія.

VI.

Земскіе соборы царствованія Михаила Ѳедоровича.

Царствованіе Михаила Ѳедоровича (1613 — 1645) является, по выраженію проф. Загоскина, „золотымъ вѣкомъ“ земскихъ соборовъ: не успѣвалъ еще закончить своей дѣятельности одинъ соборъ, какъ созывался другой. Причина этого понятна: Смута расшатала государство, волны разыгравшейся бури настолько расходились и вынесли на поверхность такую массу соціальныхъ отбросовъ и грязи, что требовалась особенно напряженная дѣятельность, чтобы успокоить и расчистить поверхность и тѣмъ привести все къ миру и тишинѣ. Хотя Смута формально и кончилась избраніемъ царя въ февралѣ 1613 года, но фактически въ общественныхъ низахъ она продолжалась еще нѣсколько лѣтъ, и потребовалось немало усилій, чтобы всюду возстановить порядокъ. Потрясена была страна и экономически: сельское хозяйство, промышленность и торговля страшно упали, а площадь запахиваемой земли сокращалась не только въ 1613, но и въ 1614 и 1615 годахъ, и только послѣ этого хозяйство начало нѣсколько поправляться, такъ что экономическій кризисъ и послѣ избранія царя нѣсколько лѣтъ продолжался и даже усиливался. Ослабѣвшей власти созидательная работа была не по плечу, тѣмъ болѣе, что надежныхъ рукъ, черезъ

которыя авторитетно въ глазахъ народа можно было бы дѣйствовать, не хватало. Вотъ почему правительство обращалось къ мѣстнымъ провинціальнымъ обществамъ за содѣйствіемъ, въ лицѣ выборныхъ искало надежныхъ и вѣрныхъ помощниковъ и исполнителей принятаго на соборѣ рѣшенія и, опираясь на нихъ, упрочивало свою власть и силу государства.

Земскій соборъ 1613 г. и послѣ избранія на царство Михаила Ѳедоровича продолжалъ свою дѣятельность, долгое время оставаясь у кормила правленія. Такъ, онъ велъ переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, требовалъ выдачи задержанныхъ поляками русскихъ пословъ (митрополита Филарета, кн. Голицына и др.) и предлагалъ пріостановить военныя дѣйствія и заключить перемиріе. Соборъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ жители Московскаго государства были приведены къ присягѣ новоизбранному государю, когда же двое подъячихъ г. Ярославля отказались присягать, то соборъ послалъ наказъ: сыскать этихъ лицъ и бросить въ тюрьму, впредь „до государева указу, да о томъ къ намъ отписати“. Земскіе чины, узнавъ, что близъ Москвы „по всѣмъ дорогамъ чинится воровство, грабежи и убійство великое“, распорядились: дѣло это развѣдать и воровъ сыскать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, члены собора неоднократно слезно молили царя Михаила скорѣе пріѣхать въ Москву и вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ. Но и послѣ вѣнчанія на царство соборъ продолжалъ свои засѣданія; царь и соборъ управляли государствомъ вмѣстѣ. На очереди стояли двѣ неотложныя задачи: нужно было 1) разогнать „воровъ“ и разбойниковъ и тѣмъ водворить въ областяхъ миръ, 2) во что бы то ни стало достать денегъ для уплаты ратнымъ людямъ и для текущихъ государственныхъ расходовъ.

Среди воровъ на первомъ мѣстѣ стояли казаки съ Заруцкимъ во главѣ, которые хозяйничали на югѣ, не давая покоя ни городамъ ни селамъ, не было отъ нихъ ни про-

ходу ни проѣзду. И царь и соборъ въ 1614 г. посылали къ нимъ грамоты съ увѣщаніемъ покориться государю, отложиться отъ „Сендомирскія дочери Маринки“ (Марины Мни-

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.
Съ портрета, имѣющагося въ Кунсткамерѣ Академіи Наукъ.

шекъ, которая, бѣжавъ въ Астрахань, старалась при помощи казаковъ посадить на царство своего малолѣтняго сына), въ противномъ случаѣ грозили наказаніемъ „въ день праведнаго и страшнаго суда“, а также тѣмъ, что „государь великій велитъ надъ ними своимъ ратемъ промышляти“.

Мало того, въ началѣ слѣдующаго года, такъ какъ разбои казаковъ не прекращались, рѣшено было послать къ нимъ отъ лица собора посольство изъ всякихъ чиновъ людей и просить ихъ, чтобы они не „дѣлали никакого дурна, отъ воровства отстали и крови крестьянской не проливали, а городовъ и уѣздовъ не воевали".

Однако грамоты и посольства оказывались мало дѣйствительными, потому что за ними не стояло внушительной настоящей силы, силы ратной. А чтобы создать войско, нужны были деньги. Государева же казна была въ то время совершенно пуста. Земскій соборъ старается изыскать средства. Первымъ дѣломъ обращаются къ тогдашнимъ богачамъ, купцамъ Строгановымъ, съ которыхъ требуютъ уплаты денежныхъ налоговъ, слѣдуемыхъ съ нихъ за 1613 и прошлые годы; съ другой стороны, просятъ „въ займы денегъ и хлѣба, и рыбы, и соли, и суконъ, и всякихъ товаровъ"; т.-е. „необходимыхъ припасовъ" для ратныхъ людей. Во всѣ города тоже были посланы грамоты съ просьбою о вспоможеніи, съ указаніемъ на то, что безъ денежной помощи невозможно успокоить государство и одолѣть его враговъ. Скоро, однако, выяснилось, что поступленія шли медленно и слабо, казна пустовала; тогда царь и земскій соборъ въ 1615 г. прибѣгли, въ виду тяжелыхъ обстоятельствъ, къ экстренной мѣрѣ. По указу государя и „всей земли приговору, велѣно со всѣхъ городовъ Московскаго государства, со всякихъ людей съ животовъ сбирати, служивымъ людемъ на жалованье деньги, пятая доля", т.-е. сбирать пятую часть стоимости всего имущества.

Этимъ и заканчиваются извѣстія о первомъ земскомъ соборѣ (при Михаилѣ Ѳедоровичѣ), продолжавшемся почти три года (1613—1615). Этотъ земскій соборъ на своихъ плечахъ несъ тяжесть послѣдствій великой московской разрухи и общими усиліями дѣятельно помогалъ правительству въ установленіи порядка въ странѣ.

Среди перечисленныхъ выше мѣропріятій земскаго собора важное значеніе имѣютъ мѣры къ пополненію государевой казны. Уже правительство смутнаго времени, помимо обычныхъ налоговъ и сборовъ, прибѣгало къ слѣдующимъ пріемамъ для увеличенія доходовъ: 1) отчужденію, близкому къ расхищенію, дворцовыхъ и черныхъ земель; 2) безпорядочнымъ займамъ (у Строгановыхъ и Соловецкаго монастыря), большею частью не возвращеннымъ, и 3) чеканкѣ монеты на 25% легче старой. Нижегородское ополченіе къ этимъ мѣрамъ присоединяетъ новую. Козьма Мининъ собиралъ „третью деньгу“, т.-е треть „животовъ и промысловъ“, третью часть стоимости имущества; это былъ принудительный заемъ съ торговыхъ людей, который предполагалось возмѣстить, при пополненіи государственной казны и по минованіи острой нужды. Земскій соборъ пользуется больше всего пріемомъ Минина и облагаетъ, но не третьей, а пятой деньгой (20-процентнымъ сборомъ) гостей, торговыхъ людей и монастыри, ведущіе торговлю.

Но затѣмъ приказными дѣльцами, „пятенщиками“, собиравшими эти деньги, сборъ былъ распространенъ и на остальные классы населенія, и этотъ сборъ имѣлъ уже не характеръ займа, хотя бы и принудительнаго, а смыслъ налога, который временами присоединялся къ обычнымъ ежегоднымъ сборамъ въ видѣ очень тяжелаго и разорительнаго придатка.

Но только авторитетомъ земскаго собора и можно было устанавливать его и надѣяться получить болѣе и менѣе значительную сумму.

Въ первыя 10 лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича земскій соборъ засѣдалъ почти непрерывно до 1622 года. Сохранилось нѣсколько указаній о томъ, что въ этотъ періодъ не разъ разсылались по городамъ грамоты, съ требованіемъ „прислать къ Москвѣ для великаго и земскаго дѣла на совѣтъ... выборныхъ людей, разумныхъ и постоятельныхъ“. Рядъ фактическихъ наблюденій заставляетъ историковъ вы-

сказывать догадку о трехгодичныхъ сессіяхъ земскаго собора: предполагаютъ, что послѣ избирательнаго собора (1613—1615 гг.) былъ созванъ другой соборъ, который продержался до 1619 года, а затѣмъ состоялся новый соборъ (1620—1622 гг.). Но это предположеніе пока остается остроумной догадкой, не больше, такъ какъ точныхъ данныхъ о трехгодичности трехъ сессій въ документахъ нѣтъ. Благодаря московскимъ пожарамъ, главная масса матеріаловъ объ этомъ времени истреблена, приходится довольствоваться отрывочными свѣдѣніями о дѣятельности земскаго собора послѣ 1615 года.

Такъ, въ 1616 году, послѣ обсужденія чинами собора вопроса, откуда достать денегъ для нуждъ государственныхъ, отъ имени царя и собора послана была Строгановымъ грамота, въ которой прописывалось, что рѣшено со всего Московскаго государства, „не обходя никого“, „безъ всякаго вычету и отдачи“ собрать съ торговыхъ людей пятую деньгу, а „съ уѣздовъ, съ сошныхъ людей, по сошному розводу, по 120 руб. съ сохи“. А съ васъ, добавлялось въ грамотѣ по адресу Строгановыхъ, приговорили взять ратнымъ людямъ на жалованье 16.000 рублей: „съ тебя, Максима, 8 тысячъ, съ Микиты 6 тысячъ, съ Ондрея да съ Петра 2 тысячи рублевъ“.

А нѣсколько дней спустя посылается къ тѣмъ же Строгановымъ другая грамота, въ которой уже сообщалось, что, по приговору властей и выборныхъ всѣхъ городовъ, рѣшено взять съ нихъ на военныя нужды, въ виду крайне тяжелаго положенія дѣлъ въ государствѣ, еще 40.000 рублей.

Въ слѣдующемъ 1617 году на засѣданіи земскаго собора обсуждался вопросъ о мѣстничествѣ *), отъ котораго

*) Мѣстничествомъ въ Московскомъ государствѣ назывался особый порядокъ служебныхъ отношеній, въ силу котораго на болѣе высокія мѣста (въ полкахъ, воеводами въ городахъ и проч.) назначали наиболѣе родовитыхъ; въ виду сложности и политическаго значенія этого порядка, между боярскими фамиліями, соперничавшими изъ-за мѣстъ, происходили частыя пререканія.

въ государевомъ дѣлѣ происходило „мотчаніе“, задержки и разстройство; въ виду этого государемъ было указано, чтобы боярамъ не соперничать между собою, не спорить при походахъ и ратныхъ назначеніяхъ изъ-за первенства, „быти безъ мѣстъ“. Соборъ обсудилъ этотъ вопросъ и постановилъ: быти безъ мѣстъ до 128 года (т.-е. до 1620).

Въ 1618 году произошло вторженіе польскаго королевича Владислава въ русскія владѣнія, вмѣстѣ съ гетманомъ Сагайдачнымъ, и тогда же состоялись засѣданія земскаго собора для обсужденія вопроса о томъ, какія мѣры принять для обороны Москвы и русскихъ городовъ отъ недруговъ.

Вскорѣ съ поляками заключено было Деулинское перемиріе, лѣтомъ 1619 года состоялся обмѣнъ плѣнниками и вернулся отецъ государя, митрополитъ Филаретъ, захваченный поляками еще въ 1611 году. Тогда, по словамъ лѣтописца, духовенство, бояре и весь народъ Московскаго государства „биша (царю Михаилу Ѳедоровичу) челомъ со слезами“, чтобы онъ упросилъ отца своего быть на патріаршемъ престолѣ, который, по смерти Гермогена, оставался незанятымъ.

По другому сообщенію, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Филаретъ вернулся въ Москву, іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, Московскаго государства митрополиты, архіепископы, епископы и освященный соборъ, бояре и всякихъ чиновъ люди приходили къ Михаилу Ѳедоровичу и говорили ему: прежде до московскаго разоренья святѣйшимъ патріархомъ былъ Гермогенъ, который принялъ мученическую кончину; съ тѣхъ поръ апостольская церковь вдовствуетъ,—и просили, чтобы Филаретъ Никитичъ „принялъ святительскій престолъ патріаршій, чтобы имъ, великимъ святителемъ, апостольская восточная церковь въ первобытную красоту украсилась“.

Согласно обычной литературной традиціи, дальше разсказывается: Филаретъ Никитичъ объявилъ всенародно, что онъ „недостоинъ быть пастыремъ того великаго престола“, „многими слезами себя унижалъ“, но послѣ настойчивой

мольбы „возложилъ то на судьбы всесильнаго Бога“ и говорилъ, что такое великое и неизреченное дѣло совершилось „по смотрѣнію Божію, а не по его самохотному стремленію“.

Патріархъ Филаретъ.

Въ томъ же году новопоставленный патріархъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ управленія; при его содѣйствіи на земскомъ соборѣ обсуждались важные вопросы внутренней политики. Земскіе люди, на засѣданіяхъ собора 1619 года, открыто заявляли государю, что они „разорились“, помѣстья ихъ „запустѣли“, подати и повинности

падаютъ на населеніе крайне неравномѣрно, многіе посадскіе и уѣздные люди отдались подъ покровительство бояръ и живутъ себѣ во льготѣ, податей наравнѣ съ другими не платятъ, повинностей не несутъ; отъ сильныхъ людей и вельможъ они терпятъ „насильства и обиды“, такъ что по всей землѣ Московской распространилась „скорбь“ великая. Послѣ этихъ жалобъ земскій соборъ сталъ совѣщаться, „какъ бы то исправить и землю устроить“. И рѣшено было: 1) послать по всѣмъ городамъ „добрыхъ писцовъ и дозорщиковъ“, которые должны описать города и представить точный и вѣрный отчетъ о состояніи послѣднихъ; 2) всѣхъ освободившихся отъ тягла посадскихъ и уѣздныхъ людей вернуть въ прежнее состояніе, а убытки взыскать съ бояръ и со всѣхъ тѣхъ людей, которые ихъ за собой держали; 3) учредить особый приказъ, подъ вѣдомствомъ кн. Черкасскаго да кн. Мезецкаго, съ тѣмъ, чтобы у нихъ можно было находить защиту отъ „сильныхъ людей“ „во всякихъ обидахъ“; 4) привести въ извѣстность количество прихода и расхода, размѣръ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ съ каждаго города, состояніе городовъ и количество земли, розданной въ вотчины и помѣстья, а также размѣры недоимки въ положенныхъ сборахъ.

Въ заключеніе на томъ же совѣщаніи было рѣшено созвать въ Москву новыхъ выборныхъ отъ духовенства, дворянъ и дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей, какъ бы съ спеціальной цѣлью, чтобы они „разсказали обиды, насильства и разоренья, и чѣмъ Московскому государству пополниться и ратныхъ людей пожаловать и устроить бы государство, чтобы пришло все въ достоинство“.

Нѣкоторое значеніе имѣетъ дѣятельность собора въ 1621 году, когда соборъ обсуждалъ польскія дѣла, а попутно и внутреннее положеніе государства.

Въ это время происходили переговоры о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Москвы, Швеціи и Турціи противъ поляковъ.

Шведскій король Густавъ-Адольфъ, мечтавшій о томъ, чтобы Балтійское море превратилось въ шведское озеро, кромѣ того имѣлъ притязаніе на польскій престолъ и хотѣлъ заручиться содѣйствіемъ московскаго правительства. Турецкій султанъ Османъ тоже искалъ союза съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, предполагая напасть на южныя владѣнія Рѣчи Посполитой. Для Москвы подобный союзъ былъ бы выгоденъ, но имъ нарушалось недавно заключенное на 14 лѣтъ Деулинское перемиріе, и угрозой была неминуемая война. Чтобы узнать настроеніе общества, къ обсужденію привлекается земскій соборъ.

На засѣданіи 12-го октября 1621 года, сообщается въ одномъ памятникѣ, говорили „о неправдахъ“ и клятвопреступленіи польскаго короля Сигизмунда и его сына Владислава, котораго до сихъ поръ поляки именовали русскимъ царемъ, и обсуждали предложенія шведскаго короля и турецкаго султана. Всѣ чины государственные объявили, что они рады стоять за Божія церкви, за государскую честь противъ недруга, польскаго короля; дворяне и дѣти боярскіе прибавили, что они будутъ биться противъ польскихъ и литовскихъ людей, не щадя своихъ головъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовали, чтобы „велѣли ихъ въ городѣхъ разобрати, кому мочно ихъ государева служба служити“, чтобы „никаковъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ“.

Соборъ постановилъ готовиться къ войнѣ, а также послать по уѣздамъ бояръ, дворянъ и дьяковъ для „разбору“ служилыхъ людей, т.-е. для собиранія точныхъ свѣдѣній о томъ, каково положеніе того или другого служилаго человѣка, чтобы на основаніи составленныхъ списковъ привлекать дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцевъ къ службѣ сообразно ихъ вотчинамъ, помѣстьямъ, жалованью, личному и семейному положенію.

Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что земскій соборъ въ началѣ XVII в. получилъ несравненно большее значеніе въ государственной жизни, чѣмъ это было раньше. Онъ

оказывалъ власти существенную поддержку въ дѣлахъ государственныхъ, въ умиротвореніи и устройствѣ земли. Иногда даже казалось, что на ряду съ государемъ земскій соборъ займетъ мѣсто верховнаго органа власти не въ силу какихъ-либо своихъ притязаній и требованій, а просто въ силу фактическаго положенія. Повидимому, и внѣшняя организація его вылилась въ болѣе опредѣленную и устойчивую форму. Теперь на ряду съ представителями власти каждый разъ призываются „выборные люди“ „изо всѣхъ городовъ“, „люди всякаго чина“.

Какъ на новую характерную черту этихъ соборовъ, можно указать на то, что на соборахъ начинаютъ раздаваться жалобы на тягостное положеніе и притѣсненія со стороны „сильныхъ людей“; общество (а также и отдѣльныя группы его) получило возможность непосредственно, помимо всякихъ приказныхъ инстанцій, славившихся своей „волокитой“, обращаться съ просьбами къ государю, указывать на свои неотложныя нужды и потребности и отстаивать свои интересы, если верховною властью дѣло, какъ это часто бывало, передавалось на обсужденіе всего собора.

Однако земскіе соборы права на участіе въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, облеченнаго въ какія-либо точныя постановленія, не имѣли и его не добивались. Въ результатѣ и получилось то, что, едва государство оправилось отъ смуты, Михаилъ Ѳедоровичъ распустилъ земскій соборъ, а въ послѣдующее время созывалъ только въ особо важныхъ случаяхъ, когда государственная жизнь осложнялась и правительство снова нуждалось въ поддержкѣ общества, такъ какъ при помощи своихъ наличныхъ средствъ оно было не въ силахъ выйти изъ затруднительнаго положенія. При такихъ именно обстоятельствахъ было созвано два земскихъ собора: первый—по поводу войны съ Польшею и второй—по поводу Азова.

Первый изъ этихъ соборовъ былъ созванъ при слѣдую-

щихъ событіяхъ. Въ 1632 г., когда въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ и начались неурядицы въ связи съ избраніемъ новаго короля, московское правительство объявило полякамъ войну, чтобы оттягать у Польши тѣ земли, которыя остались за послѣдней по Деулинскому перемирію. Бояринъ Шеинъ осадилъ Смоленскъ, который, послѣ 8-мѣсячной осады, готовъ былъ сдаться. Но Владиславъ скоро справился съ затрудненіями, былъ выбранъ на престолъ и выступилъ съ войскомъ; военное счастье перешло на сторону поляковъ; кромѣ того, у русскихъ оказался недостатокъ въ средствахъ. Скоро выяснилось, что обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ на веденіе войны не хватаетъ, что для пополненія казны необходимы какія-либо экстренныя мѣры. Тогда правительство созвало земскій соборъ. Онъ засѣдалъ въ 1632—33 гг., причемъ было рѣшено: взять на жалованье ратнымъ людямъ съ торговыхъ людей „пятую деньгу“, а съ остальныхъ лицъ—„вспоможеніе, кто что дастъ“.

Война продолжалась, подъ конецъ была совсѣмъ неудачна для русскихъ, требовались новыя ратныя силы и всякіе пушечные и продовольственные запасы. Государева же казна пустовала, такъ какъ торговые люди пятую деньгу давали „неправдою“, т.-е. непропорціонально своимъ оборотамъ и стоимости имущества. Правительство снова обратилось къ собору съ просьбой оказать казнѣ поддержку.

29 января 1634 г. состоялось засѣданіе чиновъ Московскаго государства въ Столовой избѣ. Чинамъ въ присутствіи государя была сказана рѣчь, въ заключеніи которой говорилось: „И вамъ бы, властямъ и всему освященному собору, боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и стольникамъ, и дворянамъ, которые на Москвѣ, и воеводамъ, которые по городамъ, и всякимъ приказнымъ людямъ на жалованье ратнымъ людямъ дать денегъ. А гостямъ бы и всякимъ тяглымъ людямъ съ своихъ животовъ и съ промысловъ дать пятую деньгу вправду. И то ваше прямое даяніе пріятно будетъ

самому Содѣтелю Богу. А государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ то ваше вспоможеніе учинитъ памятно и впередъ учнетъ жаловать своимъ государскимъ жалованьемъ во всякихъ мѣрахъ". Постановленіе было такое: собрать со всякихъ людей деньги, „смотря по пожиткамъ, что кому мочно"; потомъ была разработана техническая сторона дѣла, какъ именно лучше всего слѣдуетъ сбирать пособіе „съ животовъ и промысловъ" „вправду".

При первомъ взглядѣ на этотъ фактъ можно подумать, что у насъ, какъ и на Западѣ, чрезвычайныя подати на государственныя нужды сбирались только съ согласія плательщиковъ. Если бы это было такъ, то въ дальнѣйшей исторіи такой характеръ податного обложенія могъ бы сыграть видную роль въ исторіи соборнаго устройства, такъ какъ западныя представительныя учрежденія выросли изъ необходимости для правительства заручиться согласіемъ населенія на сборъ съ него денежныхъ суммъ. Но проф. Чичеринъ по этому поводу писалъ, что у насъ никакого юридическаго начала по сбору чрезвычайныхъ податей, благопріятствовавшаго земскимъ соборамъ, не было. Обращеніе же къ собору вызывалось просто соображеніями удобства: приходилось взывать къ патріотическимъ чувствамъ и къ добровольному согласію земскихъ людей, чтобы собрать болѣе или менѣе значительную сумму; въ противномъ случаѣ очень трудно было бы собрать налогъ, такъ какъ населеніе и безъ того было обременено всякаго рода поборами. Правительство же и безъ участія земскихъ людей имѣло полную возможность вводить новые чрезвычайные налоги, и согласія плательщиковъ на такіе сборы не требовалось.

Слѣдующій земскій соборъ былъ созванъ въ 1642 г. по азовскому дѣлу. Незадолго до того Азовъ, важная приморская крѣпость, входившая въ составъ могущественной тогда Турецкой державы, былъ взятъ казаками при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 1636 году, лѣтомъ, донскіе казаки, сговорившись между собой и не испросивъ позволенія у московскаго царя Михаила Ѳедоровича, самочинно осадили Азовъ и стали надъ нимъ „промыслъ чинить“. Въ Азовѣ въ это время находился турецкій посолъ Ѳома Кантакузенъ, навстрѣчу которому для проѣзда въ Москву былъ посланъ въ качествѣ пристава дворянинъ Степанъ Чириковъ. Этому приставу дана была грамота, съ обращеніемъ къ донскимъ казакамъ, чтобы они посла Кантакузена пропустили чрезъ свою землю „честно“ и съ азовцами были въ миру.

Но, по сообщенію донскихъ казаковъ, они еще до полученія грамоты совѣтовались между собой и порѣшили „надъ азовскими людьми промышлять, сколько милосердый Богъ помощи подастъ“; двинулись подъ Азовъ, осадили его и стояли около него въ теченіе 3-хъ недѣль. Тогда Ѳома Кантакузенъ, при содѣйствіи одного грека, послалъ письма къ турецкому султану и крымскому хану, съ просьбой о присылкѣ помощи, но казаки того грека поймали, письма отобрали, и вскорѣ же, именно 18-го іюня, послѣ приступа, Азовъ былъ взятъ, а Ѳома Кантакузенъ убитъ.

Казаки обо всемъ происшедшемъ сообщили въ Москву, оправдываясь въ своихъ поступкахъ; взятіе Азова они объяснили тѣмъ, что азовцы съ давнихъ поръ на наши пограничные города и села нападали „безпрестанно“ и „крестьянскую кровь невинную проливали и полонъ многой имали и за море продавали“, и „они, казаки, видя православныхъ христіанъ, ведомыхъ въ плѣнъ и въ расхищеніе, отцовъ своихъ, матерей, сестеръ и братій единокровныхъ, слыша отъ нихъ плачъ и мученіе, и неволи великія, поболѣвъ сердцами своими“, болѣе терпѣть не могли и азовцевъ побили.

Объяснивъ начало своего похода, казаки разсказывали въ своей грамотѣ и о дальнѣйшихъ событіяхъ. Оказывается, послу Кантакузену удалось особымъ письмомъ извѣстить приазовскихъ мусульманъ объ опасности, угрожавшей Азову

со стороны казаковъ, и вотъ изъ Керчи, изъ Тамани и другихъ мѣстъ къ Азову поспѣшили турки, татары и темрютскіе черкасы; съ ними казаки имѣли бой, ихъ разбили, до Азова не допустили, но бой былъ жестокій, и множество казаковъ полегло на полѣ сѣчи. Тогда казаки „съ сердца“ всѣмъ войскомъ приговорили: „турскаго посла со всѣми людьми побити до смерти“, что казаки и привели въ исполненіе, вырѣзавъ все мусульманское населеніе Азова. Обо всемъ этомъ и извѣщали московское правительство казаки,ославъ въ Москву съ грамотой атамана Потапа Петрова и 4 молодыхъ казаковъ.

Московское правительство, конечно, было радо тому обстоятельству, что Азовъ былъ взятъ, но жестокой расправы съ мусульманами одобрить не могло. Въ отвѣтной грамотѣ (отъ 20 сент. 1637 года) оно писало: „Вы то, атаманы и казаки, учинили не дѣломъ, что турскаго посла со всѣми людьми побили самовольствомъ; а того нигдѣ не ведется, чтобъ пословъ побивать, хотя гдѣ и война межъ государи бываетъ“. Но та же грамота содержала въ себѣ одобреніе казакамъ, которые только-что въ началѣ сентября (отъ 3-го числа) извѣщали о томъ, что крымскіе и ногайскіе люди, какъ имъ, казакамъ, стало извѣстно, рѣшили сдѣлать набѣгъ на Русь, и они, казаки, узнавъ о томъ, желая предупредить нападеніе, пошли на шляхи (степныя дороги) и перелазы „лежать для сбереженья“ и татаръ въ русскую землю не пустили. Этотъ поступокъ казаковъ государь похвалилъ: „и вы то учинило добро“; а „мы, великій государь, сообщалось дальше въ царской грамотѣ казакамъ, за ваши службы пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, смотря по вашей службѣ и радѣнью“.

Обласканные въ Москвѣ, атаманъ Петровъ и посланцы-казаки вернулись къ своимъ товарищамъ въ Азовъ съ милостивой грамотой.

Московское же правительство, обезпокоенное извѣстіями о

предстоящемъ нападеніи на украинскіе города крымцевъ, рѣшило обратиться за совѣтомъ къ собору. Обсудить крымскія дѣла было тѣмъ болѣе необходимо, что братъ крымскаго царя Богатъ-Гирея, Сафа-Гирей, опустошивъ нѣкоторые окраинные города, прислалъ въ Москву угрожающее письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что весной слѣдующаго года самъ крымскій царь нагрянетъ съ большимъ войскомъ на Московское государство и опустошитъ его въ видѣ мести за взятіе Азова.

На совѣщаніи по этому поводу выяснилось, что однѣми обыкновенными силами охранить границы весной трудно, а слѣдуетъ, объявивъ ратнымъ людямъ предстоящій походъ, сверхъ того на помощь имъ собрать въ видѣ ополченія „даточныхъ людей“, на дворцовыхъ земляхъ съ 20 дворовъ по человѣку, съ монастырскихъ 10 дворовъ, а съ вотчинныхъ и помѣщичьихъ съ 20 же дворовъ по одному человѣку; съ городовъ, посадовъ и черныхъ волостей, вмѣсто даточныхъ, собрать по два рубля со двора. Это была новая тяжесть, возложенная на населеніе въ видѣ чрезвычайнаго сбора.

Къ счастью для Москвы, угроза не сбылась: весной 1638 года крымскій ханъ не появлялся, а казаки, при милостивомъ попустительствѣ русскихъ властей, продолжали владѣть захваченной ими турецкой крѣпостью. Однако въ 1641 году турецкій султанъ Ибрагимъ I съ войскомъ въ 240.000 человѣкъ, съ 100 пушками и съ флотомъ въ 100 кораблей и около 200 разныхъ судовъ, двинулся къ Азову и осадилъ его съ моря и съ суши. Было произведено 24 штурма, турки потеряли до 20.000 человѣкъ, но казаки стойко отбивались и Азова не отдали, хотя понесли тяжкія потери. Турки отступили, но угрожали новой осадой. Тогда казаки обратились съ мольбой къ московскому царю, прося принять Азовъ подъ свою защиту и помочь имъ въ борьбѣ.

Казаки писали въ Москву объ осадѣ, о своей защитѣ Азова и прибавляли, что они, послѣ выдержанныхъ испыта-

Старая Москва. Снимокъ съ картины А. Васнецова.

ній, „наги, босы и голодны и запасовъ, и пороху и свинцу (у нихъ) нѣтъ“. Въ отвѣтъ отъ царя Михаила Ѳедоровича была послана (2-го декабря 1641 года) всему донскому войску похвальная грамота—за службу, за радѣніе и за крѣпкостоятельство; затѣмъ казакамъ было отправлено государево жалованье въ количествѣ 5 тысячъ рублей (на наши деньги 80—100 тысячъ), а затѣмъ дано было обѣщаніе—весной, какъ только вскроются рѣки, отправить имъ хлѣбные и воинскіе запасы, пороху и свинца; вы, атаманы и казаки, писалось въ грамотѣ, будьте „однолично на нашу государскую милость и жалованье во всемъ надежны“.

Передъ московскимъ правительствомъ всталъ тяжелый вопросъ, что дѣлать съ Азовомъ? Завладѣть Азовомъ представлялось очень соблазнительнымъ, но это грозило тяжелою и продолжительною войною съ турецкимъ султаномъ и съ его подручникомъ, крымскимъ царемъ. Отказаться отъ Азова, когда онъ, можно сказать, даромъ въ руки давался, было жалко. Въ такомъ затруднительномъ положеніи царь обратился за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ земскому собору.

По установившемуся обычаю, были разосланы призывныя грамоты о присылкѣ на соборъ выборныхъ людей отъ всякихъ чиновъ. Когда выборные собрались, то на засѣданіи боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ и всѣмъ другимъ былъ прочитанъ докладъ („письмо“), въ которомъ излагалась суть дѣла, и предлагался на обсужденіе („помыслить накрѣпко“) слѣдующій вопросъ: разрывать ли миръ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ царемъ изъ-за крѣпости Азова, и если нарушить миръ, то откуда брать ратныхъ людей, хлѣбные и пушечные запасы.

На этотъ вопросъ всѣ участники собора отвѣчали очень уклончиво. Духовенство говорило: „То дѣло, государь, твое государево и твоего царскаго синклита, мы же, твои богомольцы, должны молить Бога о благополучіи всего міра, о благосостояніи церквей, о твоемъ здоровьѣ“. Остальные чины

отвѣчали почти одинаково: „Принять ли Азовъ, или нѣтъ— въ томъ его государева воля... а мы, холопы его, служить государю всегда рады“ и готовы головы сложить за него. Но, вслѣдъ за выраженіемъ такой готовности, изъ устъ земскихъ людей раздались пространныя жалобы на свое тяжелое бѣдственное положеніе. Жаловались: 1) служилые люди уѣздные, 2) гости, торговые люди и посадскіе, и 3) представители черныхъ сотенъ и слободъ.

Дворяне и дѣти боярскіе (уѣздные), указавъ, что съ турками нужно начать войну, Азовъ закрѣпить за собой, послать къ казакамъ на помощь стрѣльцовъ и стараго сбора солдатъ, а жалованье имъ дать изъ казны, затѣмъ, когда слѣдовало отвѣчать на вопросъ о томъ, откуда взять хлѣбные запасы и какимъ путемъ собрать вновь ратныхъ людей, отвѣчали государю: хлѣбные запасы нужно взять „со всѣхъ безъ разбору“, а даточныхъ людей—съ помѣстій, вотчинъ и монастырей, по старому обычаю. Но затѣмъ они добавляли: бояре, государь, пожалованы „противъ ихъ чести“ вотчинами и помѣстьями и дать ратныхъ людей могутъ; дьяки и подьячіе мздоимствомъ скопили себѣ „неправедныя богатства“, выстроили „палаты неудобь сказуемыя“, чего при прежнихъ государяхъ не было; ихъ слѣдуетъ обложить налогами; духовенство обычно представляетъ даточныхъ людей меньше, чѣмъ съ нихъ слѣдуетъ; нужно ихъ земли описать, выяснить, сколько за ними крестьянъ, и утаенныхъ отобрать на государя; московскіе дворяне тоже въ отличномъ положеніи, они разбогатѣли, служатъ при дворѣ, въ приказахъ, наживаютъ великіе пожитки, а полковой службы не несутъ, съ нихъ и слѣдовало бы взять даточныхъ; къ тому же можно набрать немалый отрядъ изъ стрѣльцовъ, солдатъ и охотниковъ, сдѣлавши кличъ на Москвѣ.

Такъ уѣздные дворяне перебрали многихъ, указывая, чтобы съ тѣхъ именно и взять даточныхъ людей, а о себѣ просили, чтобы государь не привлекалъ къ службѣ ихъ крѣ-

постныхъ и старинныхъ людишекъ и крестьянишекъ; мы, государь, писали они въ своемъ отвѣтѣ, бывая постоянно на твоей службѣ, разорены, безпомощны, безпомѣстны, пустопомѣстны и малопомѣстны; вели, государь, взыскать насъ своимъ жалованьемъ, чтобы быть въ силахъ нести твою государеву службу.

Въ другой подобной же сказкѣ дворяне и дѣти боярскіе къ такимъ же жалобамъ прибавляютъ: „А разорены мы, холопи твои, пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“.

Гости и торговые люди тоже жаловались на свое оскудѣніе и обнищаніе; они говорили, что питаются они отъ своихъ торжишекъ и промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за ними нѣтъ никакихъ, тогда какъ должны нести свою службу на Москвѣ и въ городахъ „во вся годы безпрестанни“ и часто вносить пятинныя деньги; торжишки у нихъ стали плохи, такъ какъ многой торговлей завладѣли иностранцы; не въ меньшей степени они „оскудѣли и обнищали отъ воеводъ, отъ ихъ воеводскаго задержанія и насильства“, а прежде воеводъ, заявляли они въ своей сказкѣ, не было, а вѣдали дѣлами губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя.

О народномъ разореньи говорятъ старосты и сотскіе черныхъ сотенъ и слободъ. Мы, сотскіе и старостишки и всѣ тяглые людишки, писалось въ ихъ сказкѣ, нынѣ грѣхомъ своимъ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, отъ сбора пятинныхъ денегъ и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ, поворотныхъ (сборъ съ каждыхъ воротъ) денегъ, отъ городового земляного дѣла, отъ великихъ государевыхъ податей и отъ многихъ цѣловальничихъ службъ (по винным и таможеннымъ сборамъ). Отъ великой бѣдности многіе тяглые людишки, въ поискахъ болѣе сноснаго житья-бытья, бросаютъ свои дворы, бѣгутъ врознь, отчего оставшимся дѣлается еще тяжелѣе при платежѣ сборовъ и отбы-

ваніи повинностей. „Просимъ тебя, государь, говорили земскіе люди, пожаловать насъ, воззрѣть на наши нужды. А мы рады служить тебѣ своими головами“.

Такова поразительная картина народнаго разоренія, которая такъ неожиданно для московскаго правительства выступила на земскомъ соборѣ. Правда, въ рѣчахъ народныхъ представителей чувствуется нѣкоторое преувеличеніе ихъ бѣдственнаго положенія, свои пожеланія они высказываютъ приниженнымъ тономъ, не требуя отъ правительства какихъ-либо неотложныхъ мѣръ и полнаго удовлетворенія ихъ желаній. Но тѣмъ не менѣе этимъ не затемняется то значеніе земскаго собора, что на немъ общество имѣло возможность непосредственно передъ верховною властью высказывать свои нужды и неотложныя потребности, указать, гдѣ, по ихъ мнѣнію, можно найти лучшій выходъ изъ тяжелаго положенія. И московскіе цари, слушая земскихъ людей, твердо были увѣрены, что здѣсь на соборѣ вскрываются животрепещущіе вопросы, рѣшить которые необходимо въ интересахъ общества и государства. Такъ, на соборѣ 1642 г. государь узналъ, что начинать трудную войну Московской Руси совершенно не подъ силу, что прежде всего необходимо упорядочить внутреннюю жизнь государства, провести многія реформы, а потому и было рѣшено: Азова отъ казаковъ не брать, приказать имъ Азовъ очистить и войны съ турками не начинать.

VII.

Соборы времени царя Алексѣя Михайловича. Прекращеніе ихъ.

Азовскій соборъ былъ послѣднимъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича. Во дни же правленія Алексѣя Михайловича земскіе соборы созывались далеко не такъ часто, какъ то было при его отцѣ. Судя по этому, историкъ Соловьевъ

даже былъ склоненъ думать, что, начиная со времени царя Алексѣя Михайловича, это учрежденіе стало клониться къ упадку. Но точнѣе будетъ сказать, что земскій соборъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ началѣ его царствованія играетъ весьма важную роль, а затѣмъ, въ 50-хъ годахъ XVII вѣка быстро падаетъ и фактически упраздняется.

Сохранилось неясное извѣстіе (у Котошихина и Олеарія), будто бы, по смерти царя Михаила (1645 г.), былъ созванъ земскій соборъ, съ присутствіемъ даже простого народа („черни"), который утвердилъ на престолѣ новаго царя. Несомнѣнныя же и полныя свѣдѣнія мы имѣемъ объ очень важномъ земскомъ соборѣ 1648—1649 гг.

Жалобы разныхъ группъ населенія, раздавшіяся на соборѣ 1642 года, вскрыли, что внутри государства имѣются налицо великія нестроенія; видимо, бѣдствія Смуты еще не были пережиты окончательно; тяжесть положенія для нѣкоторыхъ группъ населенія какъ будто къ этому времени обострилась, въ сильнѣйшей степени чувствовалась соціальная рознь, которая вскорѣ выразилась въ рѣзкихъ столкновеніяхъ, волненіяхъ, частичныхъ мятежныхъ выступленіяхъ и бунтахъ. Знаменательно, что все это происходило въ царствованіе кроткаго, благочестиваго государя, „тишайшаго" царя Алексѣя Михайловича.

Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ по смерти отца (16-го іюля 1645 года) 16 лѣтъ отъ роду. Какъ человѣкъ молодой, неопытный и мягкосердечный, онъ править государственными дѣлами вполнѣ самостоятельно, конечно, не могъ, а слѣдовалъ указаніямъ и внушенію своихъ близкихъ. Около молодого царя довольно быстро образовался тѣсный кружокъ, клика дѣльцовъ, которые своей беззастѣнчивостью и произволомъ даже превзошли „сильныхъ людей" времени царя Михаила Ѳедоровича.

Ближе всего къ царю Алексѣю стоялъ его „дядька", бояринъ Морозовъ, который стремился безконтрольно и само-

властно управлять дѣлами и хотѣлъ во что бы то ни стало твердо упрочить свое положеніе при дворѣ. Ради этой цѣли онъ уговорилъ Алексѣя Михайловича жениться на дочери Ильи Милославскаго. Дѣло не обошлось безъ интриги. Когда,

Царь Алексѣй Михайловичъ.
Изъ „Титулярника".

по обычаю, въ 1647 году собрали въ Москву знатныхъ и красивыхъ дѣвицъ, то царю Алексѣю сначала приглянулась дочь Всеволожскаго; она была взята во дворецъ и готовилась къ вѣнцу, но передъ вѣнчаніемъ упала въ обморокъ; ее заподозрѣли въ болѣзненности и вмѣстѣ съ родителями, якобы скрывшими истину, сослали въ Сибирь. Упорно говорили о

томъ, что хитрый Морозовъ, которому были не по душѣ Всеволожскіе, подговорилъ сѣнныхъ дѣвушекъ крѣпко стянуть волосы невѣсты, отчего она и упала въ обморокъ, падучею же болѣзнью она не страдала. Затѣмъ Морозовъ сговорился съ Милославскимъ, у котораго было двѣ дочери, и восхвалялъ ихъ передъ царемъ Алексѣемъ. Царь выразилъ желаніе съ ними познакомиться, онѣ были приглашены во дворецъ; Алексѣю Михайловичу приглянулась старшая, Марья Ильинична, онъ на ней и женился, а нѣсколько дней спустя старый боярин Морозовъ, дядька царя, женился на младшей Милославской, чѣмъ и закрѣпилъ свою близость къ царю.

Рядомъ съ Морозовымъ стоялъ тесть царскій Илья Милославскій, пустой и тщеславный человѣкъ, гордый и заносчивый. Это онъ однажды (въ 1660 году), послѣ пораженія русскихъ войскъ, во время обсужденія въ боярской думѣ создавшагося критическаго положенія, хвастливо заявлялъ, что если царь вручитъ ему начальствованіе надъ полками, то онъ въ короткій срокъ разобьетъ поляковъ, а самого польскаго короля приведетъ плѣнникомъ,—за что и былъ жестоко наказанъ. Царь Алексѣй при такомъ хвастовствѣ вышелъ изъ себя, затрясся отъ гнѣва, бросился на своего тестя и вытолкалъ вонъ изъ комнаты. Но это случилось гораздо позднѣе, когда царь возмужалъ и былъ опытнѣе; разумѣется, совсѣмъ другія отношенія были въ началѣ правленія Алексѣя Михайловича: Морозовъ и Милославскій были въ почетѣ, они и ихъ друзья-пріятели заправляли всѣми дѣлами. Такъ сильно было ихъ вліяніе, что въ городѣ о царѣ говорили „непригожія слова“: царь глядитъ все изо рта у бояръ, Морозова да Милославскаго; они всѣмъ владѣютъ, а самъ государь все это знаетъ, да молчитъ.

Изъ числа такихъ заправилъ да ихъ приспѣшниковъ особенно выдвинулись окольничіе Плещеевъ и Траханіотовъ и думный дьякъ (посольскаго приказа) Назаръ Чистый. Плещеевъ

былъ судьею земскаго приказа, завѣдывалъ сборами мостовыхъ денегъ и поворотныхъ, славился лихоимствомъ и взяточничествомъ. Траханіотовъ начальствовалъ въ пушкарскомъ приказѣ, удерживалъ жалованье у мастеровыхъ людей, бралъ большія взятки со всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться. Во всѣхъ приказахъ царило беззаконіе, лихоимство и беззастѣнчивое взяточничество. Приказные люди, приспѣшники Морозова, хвастались открыто, что у нихъ вся Москва — „въ рукѣ“; правосудія добиться было трудно, о законахъ въ это именно время сложилась и укрѣпилась поговорка: „законъ, что дышло, куда повернешь, туда и вышло“. Иностранецъ Олеарій описываетъ это время мрачными красками, подчеркивая произволъ и взяточничество, которые, по его наблюденію, замѣчались всюду.

Тяжелыя времена въ Московской Руси были и раньше, но послѣ Смуты общество стало болѣе нервнымъ, болѣе чувствительнымъ и раздражительнымъ; то, что раньше переносилось покорно и равнодушно, въ XVII вѣкѣ стало вызывать возмущеніе, вспышки гнѣва и протесты. Такія вспышки и произошли въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича. Поводомъ къ волненіямъ послужило повышеніе налога на соль, что населенію показалось невыносимымъ, и вздорожаніе хлѣба. Лѣтомъ 1648 года въ Москвѣ и другихъ городахъ вспыхнулъ мятежъ, сопровождавшійся рѣзкимъ проявленіемъ народнаго озлобленія противъ царскихъ чиновниковъ. Въ Москвѣ мятежъ разразился при слѣдующей обстановкѣ.

По установившемуся со времени Василія III обычаю, въ маѣ мѣсяцѣ (21 числа) совершался крестный ходъ, въ которомъ принималъ участіе самъ государь, изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь съ иконой Владимирской Божьей Матери. Въ 1648 году это торжество было перенесено на 2 іюня. Самый крестный ходъ совершался чинно, съ церковнымъ благолѣпіемъ, при громадномъ стеченіи на-

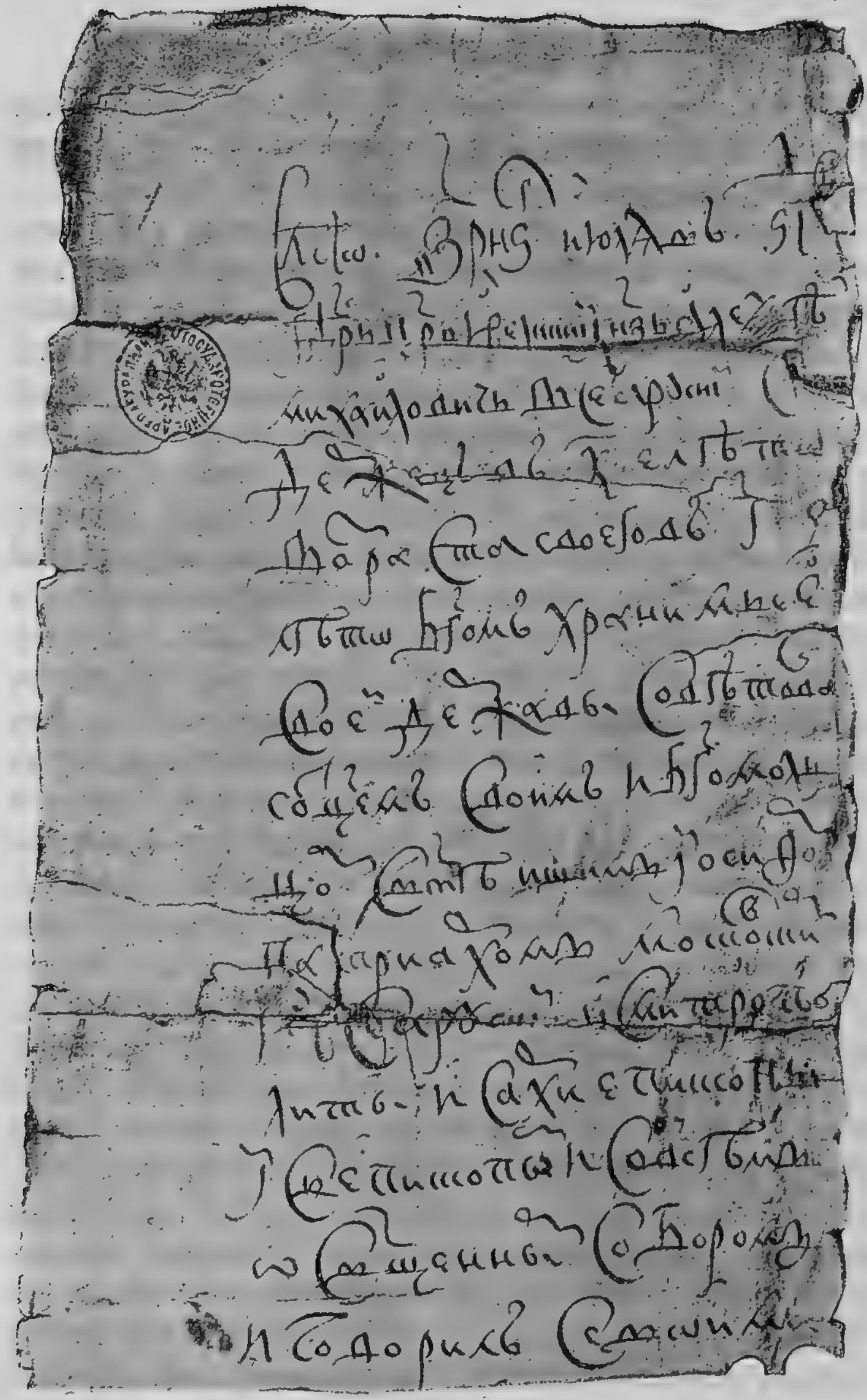
рода. Но, когда Алексѣй Михайловичъ возвращался во дворецъ верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи свиты, въ то время какъ улицы и площади были запружены народомъ и ему съ трудомъ приходилось пробираться среди толпы, находившейся въ возбужденномъ состояніи,—въ одинъ удобный моментъ толпа посадскихъ вдругъ протиснулась къ государю и остановила его, нѣкоторые даже схватились за узду коня, съ разныхъ сторонъ раздались несвязныя жалобы на бояръ и приказныхъ, и изъ толпы пытались подать государю челобитныя.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ очень смущенъ и даже испуганъ такимъ необычнымъ обращеніемъ; по одному извѣстію, онъ сказалъ, что дѣло разслѣдуетъ, по другому—такъ растерялся, что не зналъ, что ему дѣлать. Скоро бояре и свита пришли ему на помощь, разогнали толпу, окружившую царя, очистили ему дорогу, затѣмъ накинулись на народъ съ бранью, рвали въ клочья челобитныя, а нѣкоторые изъ свиты даже топтали народъ своими конями и били плетьми. Толпа озлобилась, многіе схватили съ земли каменья и стали отбиваться; тогда тѣ ускакали, но толпа бросилась за ними, ломилась на царскій дворъ, требуя своихъ обидчиковъ и называя также имена ненавистныхъ имъ управителей. Толпу близко ко дворцу не пустили, тогда она разсѣялась по городу и начала грабить дома своихъ притѣснителей: Морозова, Плещеева, Траханіотова, Чистаго и ихъ пріятелей, кн. Одоевскаго, Львова и другихъ. За грабежомъ послѣдовали убійства; разсвирѣпѣвшая толпа убила дьяка Чистаго, со словами: „это тебѣ, измѣнникъ, за соль“. На другой день царь съ боярами, по настоянію мятежной толпы, выдалъ ей Плещеева, и онъ былъ тоже растерзанъ. Разъяренный народъ требовалъ для казни Морозова и Траханіотова; послѣдній думалъ-было спастись бѣгствомъ, но его, по распоряженію правительства, догнали и въ угоду толпы отрубили ему голову („казниша на пожарищѣ“), а относительно Морозова

самъ царь упрашивалъ народъ, чтобы тотъ не требовалъ выдачи Морозова, его воспитателя и второго отца, обѣщая отстранить его отъ дѣлъ.

„Бысть волненіе, говоритъ по поводу событій современная лѣтопись, и восташа чернь на бояръ, къ нимъ же присташа и служилые люди, и бысть междоусобица велика“. Самъ царь въ первые дни сильно волновался по поводу народнаго возмущенія, семья его сидѣла, запершись во дворцѣ, „въ великомъ страхѣ и боязни“. Тогда правительство спохватилось, мѣрами кротости и уступками пыталось оно примириться съ народомъ. Многіе чиновники были смѣщены, нѣкоторые налоги упразднены. Устроенъ былъ торжественный царскій выходъ на Лобное мѣсто, гдѣ Алексѣй Михайловичъ обратился къ народу съ рѣчью. Онъ высказалъ свое сожалѣніе по поводу тѣхъ бѣдствій, которыя народу пришлось терпѣть отъ неправедныхъ судій, обѣщалъ, что онъ самъ будетъ за всѣмъ бдительно смотрѣть, отмѣнитъ пошлину на соль, дастъ разныя льготы, а затѣмъ со слезами просилъ о своемъ воспитателѣ Морозовѣ. Умиленная и растроганная толпа изъявила на все свое согласіе и кричала многолѣтіе государю. Такъ произошло, по лѣтописи, примиреніе царя съ народомъ.

Въ іюньскомъ московскомъ мятежѣ приняли участіе, наряду съ общественными низами, люди среднихъ состояній, въ числѣ которыхъ проявили значительную энергію дворяне и дѣти боярскіе изъ разныхъ городовъ, только-что съѣхавшіеся въ Москву для службы на Украйнѣ. Прибывъ сюда, они, до отправленія на мѣсто своей службы, предполагали получить государево жалованье, но въ этомъ имъ было отказано. Среди пріѣзжихъ служилыхъ началось волненіе, которое обострилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Москвѣ настала дороговизна хлѣба. Та же дороговизна породила волненіе и въ народѣ; начались жалобы на притѣсненія и „неправды“ сильныхъ міра сего. Вспышка 2-го іюня при-



Снимокъ съ перваго листа подлинной рукописи уложенія (текстъ см. на стр. 77, внизу).

вела къ мятежу противъ бояръ и приказныхъ, стоявшихъ у власти.

10-го іюня, повидимому, гдѣ-то состоялась сходка, послѣ которой Московскій „міръ и вся земля“, служилые и торговые люди били челомъ государю, чтобы „государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ учинить соборъ“, и „они на соборѣ учнутъ бити челомъ государю о всякихъ своихъ дѣлѣхъ“.

Вскорѣ же правительство, надо полагать, не безъ нѣкоторыхъ колебаній, въ надеждѣ утишить „качаніе міра“, обѣщало исполнить предъявленную просьбу. 16-го іюля 1648 г. по этому поводу было созвано совѣщаніе („соборъ“) въ Столовой избѣ. На этомъ-то совѣщаніи, какъ разсказывается въ одномъ современномъ документѣ, „били челомъ государю, царю и вел. князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіі дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ и иноземцы и гости и всякихъ чиновъ торговые люди о всякихъ своихъ дѣлѣхъ о томъ, чтобъ указалъ государь написать на всякие расправные дѣла судебникъ и уложенную книгу, чтобъ впредь по той уложенной книге всякие дела дѣлать и вершить“.

Итакъ, судя по приведеннымъ извѣстіямъ, мысль о земскомъ соборѣ, на которомъ можно было бы „бить челомъ“, „о всякихъ своихъ дѣлахъ“, родилась на сходкѣ мятежной Москвы, гдѣ главную роль играли дворяне и дѣти боярскіе замосковныхъ городовъ и Москвы, а съ ними рука объ руку шли и люди изъ среднихъ и низшихъ торгово-промышленныхъ круговъ: въ той же земской, а не правительственной, средѣ выросла мысль о составленіи уложенной книги, и по ини-

---

*) *Влѣто 7156 іюля въ 16 день государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіі самодержецъ въ 20-е лѣто возраста своего, въ 3-е лѣто Богомъ хранимые своей державы, совѣтовалъ с отцемъ своимъ и богомольцомъ святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ Московскимъ и всеа Русіі и с митрополиты и с архіепископы и с епископомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и говорилъ с своими (государевыми бояры).*

ціативѣ того же круга лицъ эти двѣ мысли сплелись и были поставлены въ качествѣ ближайшей государственной задачи.

Правительство пошло навстрѣчу высказаннымъ желаніямъ; оно хотѣло успокоить общество и примирить его съ той приказной средой, съ которой общество такъ рѣзко разошлось. На томъ же совѣщаніи 16-го іюля, въ которомъ приняли участіе освященный соборъ и боярская дума, рѣшено было призвать земскій соборъ и составить уложенную книгу „общимъ совѣтомъ", „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большого и до меньшаго чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна".

Подготовительная работа по составленію проекта новаго уложенія была поручена комиссіи подъ предсѣдательствомъ кн. Одоевскаго; въ нее входили также бояринъ кн. Прозоровскій, окольничій кн. Волконскій да приказные дѣльцы—дьяки Леонтьевъ и Грибоѣдовъ. Комиссіи дана была инструкція такого рода: 1) выписать изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, а также изъ византійскихъ царскихъ законовъ статьи, „пристойныя къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ"; 2) собрать указы прежнихъ государей и боярскіе приговоры и „справити" ихъ съ прежними судебниками; 3) написать вновь статьи на тѣ случаи, на которые въ прежнихъ судебникахъ „указу не положено и боярскихъ приговоровъ не было". Такимъ путемъ нужно было составить проектъ и представить его земскому собору для обсужденія.

Уже съ іюля мѣсяца комиссія Одоевскаго начала подготовительную работу; а вскорѣ разосланы были по городамъ призывныя грамоты о присылкѣ выборныхъ къ 1-му сентября—отъ придворныхъ и московскихъ служилыхъ людей изъ каждаго „чина" по два человѣка, изъ большихъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, изъ меньшихъ городовъ и отъ Новгородскихъ пятинъ — по одному, изъ гостей—по 3 человѣка, изъ гостиной и суконной сотенъ

по два, а изъ черныхъ московскихъ сотенъ, изъ слободъ и изъ городовъ, съ посадовъ—по одному человѣку; выборные должны быть людьми „добрыми и смышленными“, способными къ обсужденію важныхъ государевыхъ дѣлъ.

Такое число и порядокъ выбора имѣлъ важное значеніе: въ прежнее время придворные и столичные члены являлись на соборъ въ большомъ числѣ, оттѣсняя собой скромное провинціальное дворянство. Но уже практика выборовъ собора 1642 года была благопріятна для уѣзднаго дворянства: на немъ столица выслала на соборъ 48 человѣкъ (10 стольниковъ, 12 жильцовъ и 22 московскихъ дворянина, да 4 головы стрѣлецкихъ), тогда какъ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ было больше, чѣмъ вдвое, именно 115 человѣкъ. Такой составъ собора и далъ возможность городовымъ дворянамъ громко заявить правительству о своихъ нуждахъ.

Въ 1648 году перевѣсъ уѣздныхъ городовъ надъ столицей, рядового дворянства надъ московскими служилыми чинами сказался еще рѣшительнѣе: въ то время, какъ Москва была представлена 6 выборными дворянами, остальные города и уѣзды послали на соборъ 153 человѣка своихъ представителей. Подобное же положеніе было и въ торгово-промышленной средѣ: на 15 человѣкъ московскихъ гостей и тяглыхъ приходилось свыше 80 городовыхъ посадскихъ людей. Результатомъ было то, что на соборѣ 1648—1649 года полнѣе, чѣмъ когда-либо, была представлена, такъ сказать, провинціальная среда, которая и проявила себя на соборѣ весьма энергично въ отстаиваніи своихъ интересовъ.

Нужно еще добавить къ организаціи собора слѣдующее: когда онъ собрался, то раздѣлился какъ бы на двѣ палаты, верхнюю и нижнюю; въ составъ первой вошли освященный соборъ во главѣ съ патріархомъ и боярская дума, въ которой присутствовалъ самъ государь, въ составъ нижней—выборные представители служилаго сословія и тяглаго населенія; послѣдняя палата выслушивала проектъ уложенной книги, дѣлала

въ немъ исправленія и дополненія; затѣмъ все шло на обсужденіе верхней палаты, которая законопроектъ окончательно утверждала.

Каково же было участіе земскаго собора въ составленіи законодательнаго кодекса? Нѣкоторый намекъ на дѣятельность собора содержался въ предисловіи къ напечатанному тексту уложенія, гдѣ говорится, что октября съ 3-го числа уложеніе, составленное комиссіей кн. Одоевскаго, было „чтено выборнымъ людемъ для того, чтобы то все уложеніе впредь было точно и неподвижно“; тогда же государь указалъ уложеніе „написати на списокъ и закрѣпити тотъ списокъ“ патріарху, освященному собору, боярамъ и всѣмъ чинамъ Московскаго государства, а по закрѣпленіи „списати въ книгу“, по которой напечатать другія „многія“ книги и разослать ихъ по приказамъ и по городамъ для руководства при рѣшеніи дѣлъ.

Однако изъ другихъ документовъ можно видѣть, что участіе земскаго собора въ составленіи уложенія было гораздо болѣе значительно, чѣмъ простое слушанье и скрѣпленье своею подписью. Нужно сказать, что вообще работа по составленію уложенной книги пропзводилась весьма спѣшно и продолжалась около шести съ половиной мѣсяцевъ (со второй половины іюля до конца января), причемъ, какъ только стали съѣзжаться выборные изъ городовъ, то нѣкоторые изъ нихъ приняли участіе въ этой лихорадочной работѣ по составленію проекта уложенія, войдя въ составъ комиссіи кн. Одоевскаго; видимо, ихъ участіе было значительнымъ, такъ какъ эти выборные получали государево жалованье, а позднѣе были особо награждены. Всѣ же вообще приняли горячее участіе въ обсужденіи законовъ. Когда выборные видѣли, что какой-либо важный общественный вопросъ въ проектѣ уложенія не былъ затронутъ, то они писали на имя государя челобитныя, въ которыхъ указывали какъ самый предметъ, такъ и законоположеніе, которое желательно

было бы ввести. Затѣмъ проектъ статей восходилъ въ верхнюю палату, гдѣ, получивъ окончательную санкцію, и вносился въ уложеніе, а также немедленно публиковался въ видѣ особыхъ узаконеній. Эта совмѣстная работа правительства и выборныхъ людей отъ общества была весьма плодотворна: историки-юристы насчитываютъ свыше 60 статей уложенія, которыя были составлены при непосредственномъ участіи земскаго собора. Выработанное въ окончательной формѣ уложеніе было прочитано на засѣданіи земскаго собора, и выборные люди къ нему приложили свои руки, чтобы оно было навѣки нерушимо.

Каковы же тѣ новыя статьи, что внесены въ уложеніе по настоянію земскихъ выборныхъ? Прежде всего здѣсь слѣдуетъ назвать 7 статей VIII главы, говорящей объ искупленіи плѣнныхъ: рѣшено сбирать ежегодно деньги со всего государства по новымъ переписнымъ книгамъ, и всѣ плательщики призывались „не пощадить злата и сребра брата ради, но искупить его, да отъ Бога сторицею пріяти“ „во онъ день“ (на страшномъ судѣ). Въ сущности, эти статьи не были полной новостью, сборы на выкупъ плѣнныхъ производились и раньше.

Гораздо важнѣе были 12 новыхъ статей XI главы, трактующей „о судѣ надъ крестьянами“. Въ ней нашло себѣ закрѣпленіе давнее домогательство среднихъ служилыхъ слоевъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ XVI вѣка (указомъ 1597 года) установлено было возвращать бѣглыхъ крестьянъ къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ лишь въ теченіе пяти лѣтъ со времени ихъ бѣгства; если же пять лѣтъ проходило, а владѣлецъ о бѣгломъ крестьянинѣ не начиналъ дѣла, тогда онъ къ прежнему владѣльцу уже не могъ быть возвращенъ по принужденію.

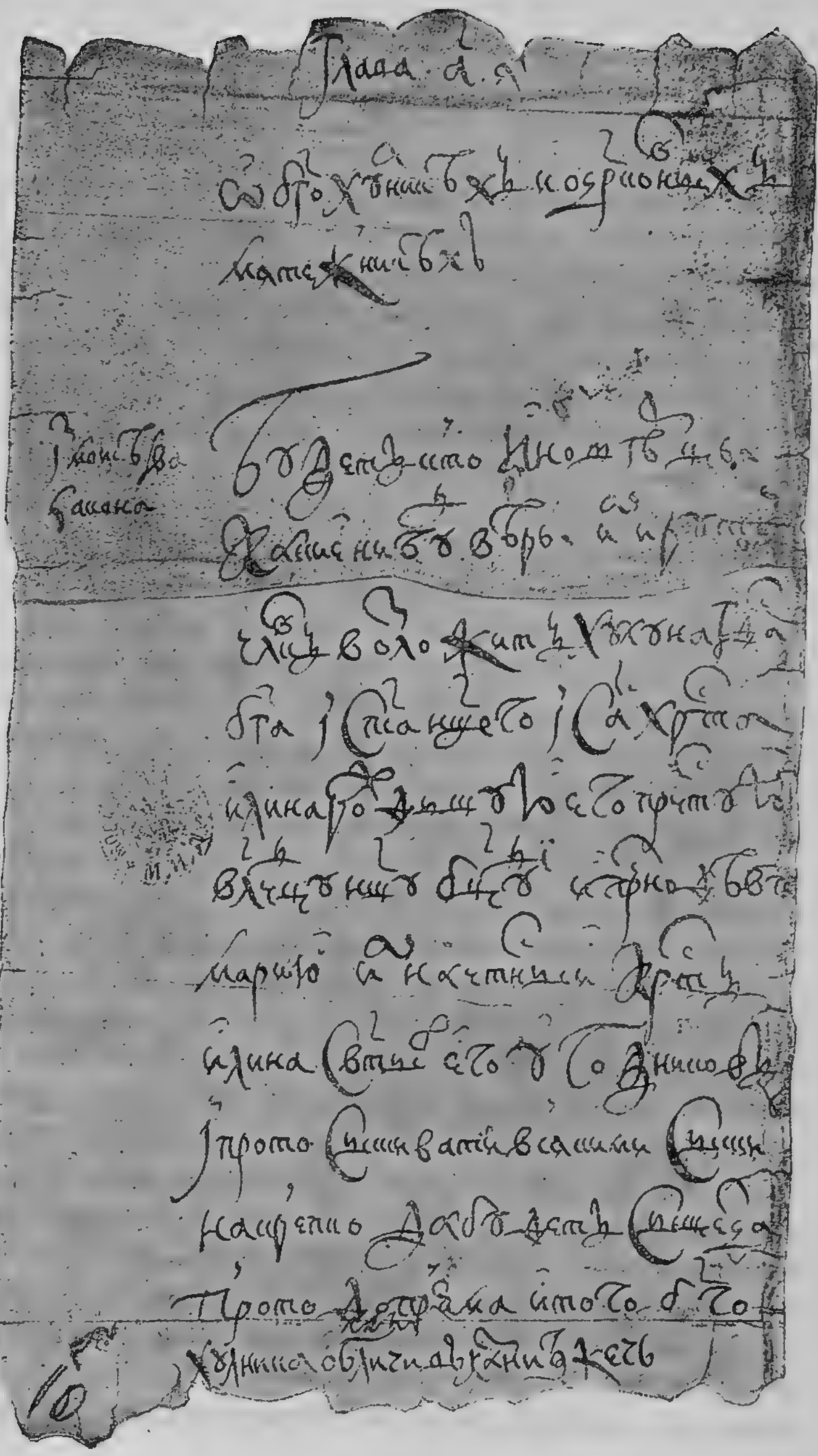
Но урочныя пять лѣтъ не оставались неизмѣнными: помѣщики хлопотали о томъ, чтобы урочные годы были увеличены. Указами 30-хъ и 40-хъ годовъ XVII вѣка и

установлена была 10- и 15-лѣтняя давность. Однако уѣздные дворяне этими сроками удовлетвориться не могли; они еще въ 1645 году ходатайствовали объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ, мотивируя это тѣмъ, что: а) ихъ крестьяне бѣгутъ въ украинные города и тамъ скрываются до истеченія урочныхъ лѣтъ, а потомъ возвращаются въ сосѣднія владѣнія, и они, прежніе владѣльцы, взять ихъ не могутъ; б) сильные владѣльцы, богатые монастыри и бояре укрываютъ у себя бѣглыхъ крестьянъ въ дальнихъ вотчинахъ, а затѣмъ поселяютъ, по истеченіи срока давности, на своихъ ближайшихъ къ нимъ земляхъ, а крестьяне надъ своими прежними владѣльцами похваляются и другихъ крестьянъ сманиваютъ, отчего имъ, служилымъ людямъ, чинится великое разоренье.

Подана была подобная же челобитная и въ 1648 году, въ моментъ составленія проекта, она обсуждалась на соборѣ, и рѣшено было, по просьбѣ челобитчиковъ, урочные годы отмѣнить и бѣглыхъ крестьянъ, сыскивая, возвращать владѣльцамъ, съ ихъ женами, дѣтьми и со всѣмъ движимымъ имуществомъ. Это постановленіе знаменовало собой торжество служилаго дворянства, домогавшагося закрѣпить за собой тяглое крестьянство.

Но еще была нѣкоторая частность этого важнаго постановленія, которая указывала на побѣду мелкопомѣстнаго и средняго дворянства надъ крупными земельными владѣльцами. Крестьянъ бѣглыхъ велѣно возвращать не по переписнымъ книгамъ 1646 года, а по писцовымъ 1626 года, такъ что даже тѣ крестьяне, которые, будучи занесены въ писцовыя книги 1626 года за одними владѣльцами, бѣжали отъ нихъ въ теченіе періода съ 1626 по 1636 года, а позднѣе, на основаніи правилъ о 10-лѣтней давности, были записаны въ переписныя книги 1646 года за новыми владѣльцами, въ большинствѣ случаевъ, за крупными землевладѣльцами,—подлежали по правиламъ уложенія 1649 года возвращенію къ ихъ старымъ вотчинникамъ и помѣщикамъ.

Вторымъ важнымъ вопросомъ, затронутымъ новыми статьями уложенія, были постановленія о монастырскомъ приказѣ (1-я ст. XIII главы) и о земляхъ церковнаго вѣдомства (42, 43 и 44 статьи XVII главы). Издавна сложилось на Руси такое положеніе, что монастыри и церкви владѣли огромными земельными богатствами. Еще при Іоаннѣ III поднялся вопросъ о церковныхъ земляхъ и раздавались голоса „нестяжателей“ противъ владѣнія вотчинами; въ XVI вѣкѣ не разъ поднимался тотъ же вопросъ, и въ концѣ вѣка на церковномъ соборѣ 1580 года права духовенства по отношенію къ пріобрѣтенію новыхъ вотчинъ какъ путемъ покупки, такъ и путемъ пожертвованія со стороны частныхъ лицъ, были существенно ограничены. Несмотря на это, приговоръ собора не выполнялся, и земли церквей и монастырей продолжали расти, вызывая тѣмъ непріязненное чувство у дворянъ, которые испытывали на себѣ недостатокъ земельнаго фонда. Къ тому же земли церковнаго вѣдомства долгіе годы въ XVI вѣкѣ были въ привилегированномъ положеніи, пользовались разными льготными грамотами и судились особымъ судомъ. И вотъ выборные дворяне и дѣти боярскіе, а съ ними и торговые и посадскіе люди возбудили ходатайства о томъ, чтобы: 1) запрещено было вновь пріобрѣтать вотчины монастырямъ и церквамъ, тѣ же вотчины, которыя были, вопреки приговору въ 1580 году, пріобрѣтены духовенствомъ, отобрать и раздать людямъ безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ; 2) учрежденъ былъ монастырскій приказъ для суда и управленія монастырскими и церковными вотчинами. Эти ходатайства и были удовлетворены, вотчины запрещено монастырямъ и духовенству покупать, принимать въ закладъ и даже принимать на поминъ души, подъ угрозой безденежной отписки на государя, былъ учрежденъ и монастырскій приказъ; но домогательство объ отнятіи вотчинъ, пріобрѣтенныхъ послѣ 1580 года, было отклонено. Тѣмъ не менѣе эти статьи Уложенія завершили длительную борьбу



Снимокъ съ подлинной рукописи уложенія (текстъ см. на стр. 85, внизу).

между служилымъ землевладѣніемъ и церковнымъ, и послѣднему пресѣчены были способы къ дальнѣйшему росту.

Въ связи съ вопросомъ о землѣ челобитчики провели нѣкоторыя новыя постановленія относительно наслѣдованія вотчинъ и помѣстій женами и дѣтьми (16 ст. XVI гл. и 2 ст. XVII главы уложенія).

Наконецъ, третьимъ важнымъ вопросомъ, который рѣшенъ былъ на основаніи челобитныхъ, былъ вопросъ о посадахъ и слободахъ, о торговыхъ и ремесленныхъ людяхъ, затронутый въ XIX главѣ уложенія (1—34 статьи). Происхожденіе этой главы таково. 30-го окт. 1648 года торговые люди, присутствовавшіе на соборѣ, подали челобитную, въ которой писали: „На Москвѣ и около Москвы по городамъ на посадахъ дворы и около посадовъ заведены слободы патріарши и митрополичи, и владычны и монастырскія, и боярскія и княженецкія, и стольниковъ, и думныхъ и ближнихъ людей; а въ тѣхъ-де дворѣхъ и въ слободѣхъ живутъ многіе торговые и ремесленные люди и дворники, торговые крестьяне и всякими промыслами и торгами большими на Москвѣ и въ городѣхъ торгуютъ и промышляютъ, и многими лавками и амбары и соляными варницами посадскими владѣютъ, и во всякихъ промыслѣхъ ихъ такіе заступные и торговые люди затѣснили и изобидили

---

*) *Глава 1-я. О богохульникъхъ и о церковныхъ мятежникъхъ.*

Из Моисеева закона. Будетъ кто иновѣрцы какіе нибуди вѣры или и руской человѣкъ возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа или на Рождшую Его Пречистую Владычицу Нашу Богородицу и Присноджву Марию или на честный крестъ или на святыхъ его уподниковъ, и про то сыскивати всякими сыски накрепко; да будетъ сыщетца про то до пряма, и того богохулника, обличивъ, казнить, зжечь.

(Снимки и помѣщенныя ниже подписи, имѣющіяся на подлинной рукописи уложенія, взяты изъ книги: „Уложеніе государя, царя и вел. кн. Алексѣя Михайловича“, изд. Государственной типографіи, Спб. 1913 г.).

многими обидами; а съ промысловъ-де они съ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ съ ними не несутъ, живутъ всегда во льготѣ и на Москвѣ-де и въ городѣхъ отъ нихъ, заступныхъ людей, во торгѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ чинится и межусобіе и ссоры большія". Челобитная заканчивалась просьбой уничтожить такое положеніе и издать соотвѣтствующія постановленія.

Такое же ходатайство было подано и уѣздными служилыми людьми. Оно и было удовлетворено полностью, составивъ 16 статей XIX главы уложенія, въ которыхъ торговымъ и ремесленнымъ людямъ слободъ, находившихся на земляхъ духовенства и высшихъ служилыхъ чиновъ, запрещалось заниматься торговлей и промыслами.

25-го ноября выборные подали новую челобитную, въ которой просили о томъ, чтобы „на Москвѣ и около Москвы и во городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ, въ слободѣхъ торговыхъ людей крестьянъ и бобылей, и закладчиковъ, и откупщиковъ, опричь его государевыхъ торговыхъ людей, нигдѣ ничьихъ не было". Въ особенности торговые и посадскіе люди негодовали на такъ называемое „закладничество" и на продажу тяглыхъ дворовъ, мѣстъ и амбаровъ бѣломѣсцамъ, т.-е. привилегированнымъ владѣльцамъ, которые, получивъ тяглые дворы или дома, ихъ „обѣляли", т.-е. никакихъ податей не платили и повинностей не несли. Закладчиками же назывались такіе посадскіе и черныхъ слободъ люди, которые отдавались подъ покровительство сильныхъ землевладѣльцевъ, патріарха, монастырей, бояръ и иныхъ высшихъ чиновъ, именовались крестьянами, а иногда просто людьми (крѣпостными, холопами), уходили съ своего тягла, селились въ другихъ мѣстахъ, занимаясь то земледѣліемъ, то промыслами, и при поддержкѣ своихъ покровителей не платили никакихъ сборовъ въ казну государеву, уклоняясь отъ несенія своего прежняго тягла. Закладничество выгодно было крупнымъ землевладѣльцамъ, но тяжело отзывалось на

посадахъ и слободахъ, такъ какъ за выбывшихъ должны были платить оставшіеся тяглецы.

И эта челобитная на земскомъ соборѣ была удовлетворена полностью и составила содержаніе новыхъ 17 статей той же XIX главы; слободы съ земель церковныхъ и боярскихъ велѣно свести, закладчиковъ возвратить на прежнія мѣста, съ обязательствомъ платежа тягла попрежнему, причемъ строжайше запрещено кому бы то ни было впредь принимать закладчиковъ; также бѣломѣсцамъ не велѣно покупать тяглыхъ дворовъ.

Была подана посадскими людьми и еще одна челобитная относительно торговыхъ людей, записанныхъ въ гостиную и суконную сотню, чтобы имъ жить на Москвѣ, а не въ городахъ, гдѣ находятся ихъ прежніе тяглые дворы и промыслы. Эта челобитная тоже была удовлетворена полностью (ст. 34-я XIX главы). Въ результатѣ всѣхъ статей торговые посадскіе люди добились того, что города и посады были отдѣлены отъ уѣздовъ, торговля и промыслы стали исключительно ихъ спеціальностью, бѣломѣсцы сверху, крестьяне снизу не могли конкурировать съ ними; закладничество, какъ установленіе, вредное для посадовъ и желательное и выгодное для отдѣльныхъ лицъ и богатыхъ землевладѣльцевъ, было упразднено.

Если имѣть въ виду общее количество статей уложенія (963 статьи въ 25 главахъ), то окажется, что по иниціативѣ выборныхъ создано немногое (около 60, по другому счету—до 80 статей), но необходимо отмѣтить, что въ этихъ новыхъ статьяхъ отражался наиболѣе жизненный и острый интересъ, именно этими статьями регулировались самые животрепещущіе вопросы.

Въ угоду какихъ же соціальныхъ группъ рѣшены были эти вопросы, и кто оказался въ выигрышѣ при опубликованіи новыхъ статей уложенія? На этотъ вопросъ нетрудно отвѣтить, зная составъ собора, тѣ челобитныя, которыя на немъ

разбирались, и тѣ новыя статьи, которыя внесены были въ уложенную книгу. Запрещеніемъ духовенству пріобрѣтать новыя вотчины, учрежденіемъ монастырскаго приказа и воспрещеніемъ брать въ закладъ городскіе тяглые участки и брать за себя тяглыхъ людей, а также строить подгородныя слободы и населять ихъ своими людьми или крестьянами, уложеніе явно стало на сторону средняго служилаго и посадскаго класса къ невыгодѣ и въ прямой ущербъ интересамъ духовенства.

Таково же отношеніе новыхъ статей къ боярству и высшему служилому сословію: постановленія о томъ, чтобы „судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна“, статьи о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ безъ урочныхъ лѣтъ по писцовымъ книгамъ, постановленія о закладчикахъ и слободахъ, построенныхъ боярами и высшими чинами, о воспрещеніи боярскимъ людямъ безданно-безпошлинно вести торговлю и промыслы, — наносили ударъ привилегированному положенію высшаго служилаго класса, а также были направлены частью и противъ приказныхъ дѣльцовъ.

Наконецъ, средніе служилые и тяглые посадскіе люди провели постановленія, которыя направлялись въ сторону классовъ, стоявшихъ на соціальной лѣстницѣ ниже ихъ: статьи объ уничтоженіи срока давности для исковъ и возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ къ ихъ прежнимъ владѣльцамъ ставили крестьянъ въ еще большую зависимость отъ своихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ и влекли за собой дальнѣйшее развитіе крѣпостныхъ отношеній, статьи же о запрещеніи крестьянамъ и инымъ людямъ торговать на посадахъ отбрасывали крестьянскую массу отъ торговли и промысловъ, сильнѣе привязывая къ землѣ и сельскохозяйственному труду.

Любопытно отмѣтить, что, хотя многія постановленія имѣли значеніе для одного какого-либо сословія или общественной группы, для среднихъ служилыхъ, напр., или для торговыхъ, тѣмъ не менѣе обыкновенно на соборѣ „вся

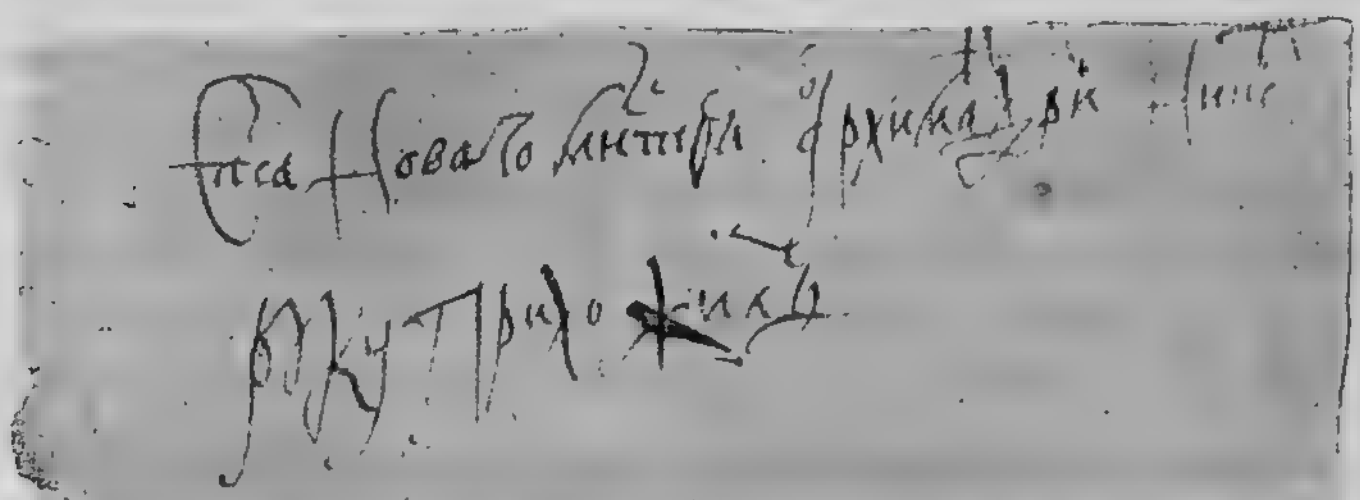
земля“ поддерживала односословное ходатайство, и челобитье подавалось отъ имени всѣхъ сословій. „Между соборными представителями различныхъ сословныхъ группъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Платоновъ, существовалъ очевидный союзъ, направленный противъ землевладѣльческихъ и судебныхъ льготъ высшихъ общественныхъ слоевъ и противъ остатковъ былой бродячей вольности низшаго тяглаго люда. Общественная середина, составлявшая на соборѣ подавляющее большинство, „за себя стала“ и своими челобитьями искала возможности провести въ законъ такія статьи, которыя бы дѣйствительно охраняли до тѣхъ поръ попираемый ея сословный интересъ“. На соборѣ 1648 года сказалась явная побѣда среднихъ классовъ: „отъ новаго закона они выигрывали, а проигрывали ихъ житейскіе соперники, стоявшіе наверху и внизу тогдашней соціальной лѣстницы“.

29-го января 1649 года работа по составленію уложенія была закончена, вскорѣ участники собора подписали подлинную рукопись, въ апрѣлѣ и маѣ книга набиралась и печаталась, а затѣмъ разослана была по учрежденіямъ въ качествѣ обязательнаго руководства. Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича является однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ и знаменитыхъ памятниковъ нашей древности: оно оставалось дѣйствующимъ правомъ въ теченіе второй половины XVII вѣка, всего XVIII и первой трети XIX, въ немъ достаточно отчетливо отразился государственный и общественный строй Московской Руси, и уложеніе до сихъ поръ служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ при изученіи московскаго періода русской исторіи.

Участіе земскихъ людей въ составленіи уложенной книги и торжество среднихъ слоевъ общества радовало однихъ и вызывало недовольство, а порой и негодованіе другихъ. Патріархъ Никонъ, напр., называлъ уложеніе „проклятой“ книгой и не разъ домогался того, чтобы оно было отмѣнено. Недовольны были успѣхами среднихъ людей также и бояре, мо-

сковскіе чины и приказные дѣльцы, такъ что эта побѣда оказалась роковой для судьбы того учрежденія, въ которомъ возобладало уѣздное дворянство и торгово-промышленный классъ. Впрочемъ, въ ближайшее послѣ собора 1648—49 гг. время эти послѣдствія не сказались въ осязательной формѣ. Въ первой половинѣ 50-хъ годовъ XVII столѣтія колесо исторіи вращается по инерціи, и земскіе соборы еще созываются для обсужденія и рѣшенія важныхъ государственныхъ дѣлъ.

Такъ, сохранилось краткое извѣстіе о засѣданіи собора въ іюлѣ 1650 года по поводу мятежа во Псковѣ, который



Подпись архимандрита (позднѣе патріарха) Никона.

былъ отголоскомъ народнаго движенія въ Москвѣ и продолжался даже тогда, когда въ другихъ городахъ настало успокоеніе. Собору не пришлось долго заниматься Псковомъ: благодаря принятымъ мѣрамъ возстаніе улеглось и псковичи смирились.

Болѣе подробныя извѣстія имѣются о двухъ послѣдующихъ соборахъ (1651 и 1653 годовъ), связанныхъ съ вопросомъ о присоединеніи Малороссіи. Днѣпровская Украйна, находясь подъ властью поляковъ, въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка была мѣстомъ постоянныхъ возстаній казаковъ и слѣдовавшихъ за ними жестокихъ усмиреній. Поляки стремились къ тому, чтобы ввести на Украйнѣ унію, отнять самоуправленіе и обратить главную массу населенія въ „хло-

повъ“, крѣпостныхъ крестьянъ. Казаки противились этому, стояли за православіе и за казацкія вольности.

Результатомъ острой вражды и непримиримости интересовъ были кровавыя столкновенія: то казаки подъ начальствомъ своихъ гетмановъ (Косинскаго, Лободы, Наливайки и др.) жгли и грабили, истребляли и выгоняли поселившихся среди нихъ шляхтичей, а затѣмъ съ мечомъ и огнемъ вторгались въ польскія области, жестоко мстя своимъ притѣснителямъ, то королевскія регулярныя войска грозой проходили по украинскимъ городамъ и селеніямъ, безжалостно истребляя повстанцевъ и возстановляя всюду по Украйнѣ прежніе тяжелые порядки. Нѣсколько десятилѣтій продолжалась подобная борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Въ серединѣ XVII вѣка во главѣ возставшихъ оказался знаменитый гетманъ Богданъ Хмельницкій, жестоко обиженный и разоренный поляками. Начавъ борьбу съ Польшей, Хмельницкій, зная о цѣломъ рядѣ прежнихъ неудачъ, отлично понималъ, что однимъ казакамъ бороться противъ поляковъ не подъ силу, необходимо добиваться какой-либо могущественной поддержки со стороны. Ближайшими сосѣдями были турецкій султанъ и московскій царь. Сначала Хмельницкій, въ надеждѣ получить большую самостоятельность, обратился-было къ турецкому султану и одно время считался его данникомъ, но татары, посланные султаномъ на помощь Хмельницкому и оказавшіе въ первый моментъ существенную помощь, потомъ (въ 1650 году) ему измѣнили, и Хмельницкій, отстранивъ дальнѣйшіе переговоры съ турками и татарами, рѣшительно перешелъ на сторону Москвы и обратился къ Алексѣю Михайловичу съ просьбой принять его казаковъ подъ свою высокую руку.

Царь Алексѣй сразу рѣшиться на такой шагъ не могъ: принятіе въ подданство малороссійскихъ казаковъ грозило разрывомъ съ Польшей и войной. А потому для обсужденія этого важнаго вопроса въ февралѣ мѣсяцѣ 1651 года былъ

созванъ земскій соборъ, по установившемуся обычаю, изъ выборныхъ людей всякаго чина. На засѣданіи было читано государево письмо, въ которомъ перечислялись „неправды“ польскаго короля и излагалась кратко „ссылочная грамота“ Богдана Хмельницкаго о принятіи Малороссіи подъ высокую руку государя. Указаніе на неправды польскаго короля необходимо было въ качествѣ мотива для обоснованія возможнаго разрыва дипломатическихъ сношеній. Неправды состояли въ слѣдующемъ: а) въ польскихъ грамотахъ иные злодѣи писали съ безчестіемъ имя государя, преднамѣренно искажая его и называя Алексѣя Михайловича—то Ѳедоромъ Михайловичемъ, то Михаиломъ Филаретовичемъ, то Александромъ Михайловичемъ; б) въ нѣкоторыхъ польскихъ книгахъ напечатаны „безчестья и укоризны, чего не токмо великому государю... и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно и помыслити страшно“; в) польскій король сносился съ крымскимъ ханомъ, замышляя „соопча“ итти на Московское государство. Въ виду такихъ поступковъ со стороны польскаго правительства и просьбы Хмельницкаго, царь Алексѣй и просилъ совѣта у земскаго собора.

Какъ отнесся къ этому соборъ, мы не знаемъ, такъ какъ объ этомъ извѣстій не сохранилось, но извѣстно мнѣніе духовенства; оно было таково: если польскій король не дастъ удовлетворенія московскому правительству, то объявить Польшѣ войну и Малороссію принять. Судя по этому, можно думать, что соборъ 1651 года высказался за присоединеніе Малороссіи, а въ случаѣ нужды—и за войну съ Польшей.

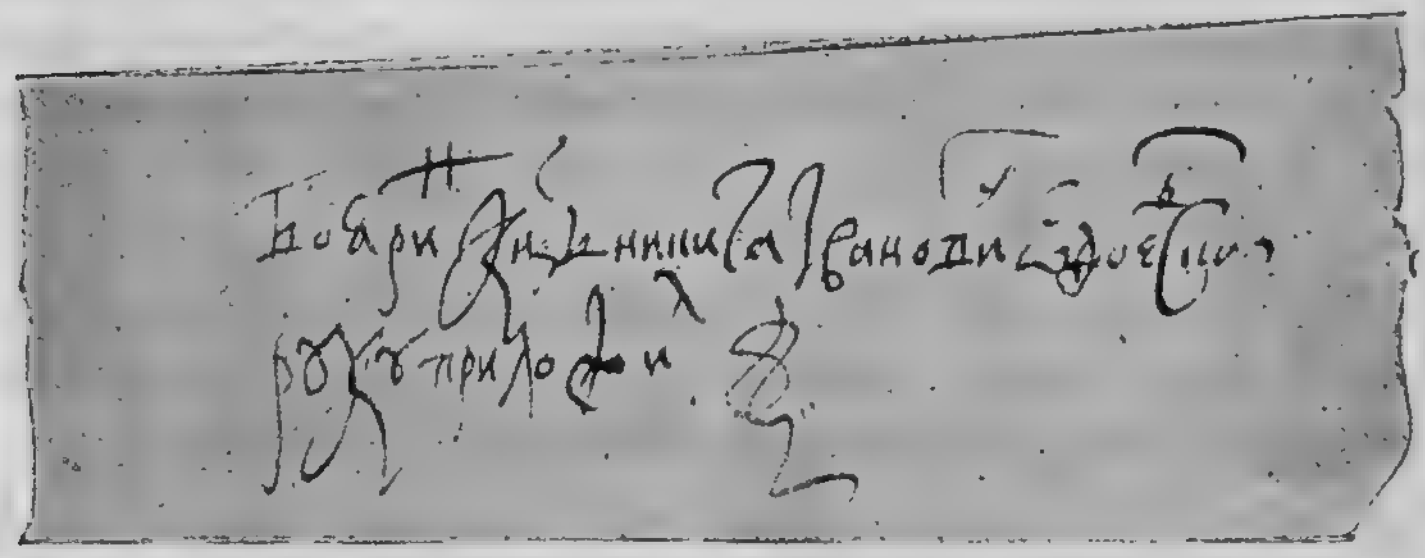
Тѣмъ временемъ переговоры съ Польшей и Хмельницкимъ продолжались, и для окончательнаго рѣшенія вопроса о Малороссіи въ 1653 году созванъ былъ въ Москвѣ второй земскій соборъ, который собрался и засѣдалъ съ первыхъ чиселъ іюня мѣсяца. Вѣроятно, соборъ высказался за присоединеніе Малороссіи, и вотъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ Богдану Хмельницкому и казакамъ было отправлено посоль-

ство, которое вело окончательные переговоры. 1-го октября 1653 года состоялось послѣднее засѣданіе собора, на которомъ московскіе чины окончательно высказались за то, что казаковъ слѣдуетъ „принять подъ высокую руку“ государя, а „съ литовскимъ королемъ битися“.

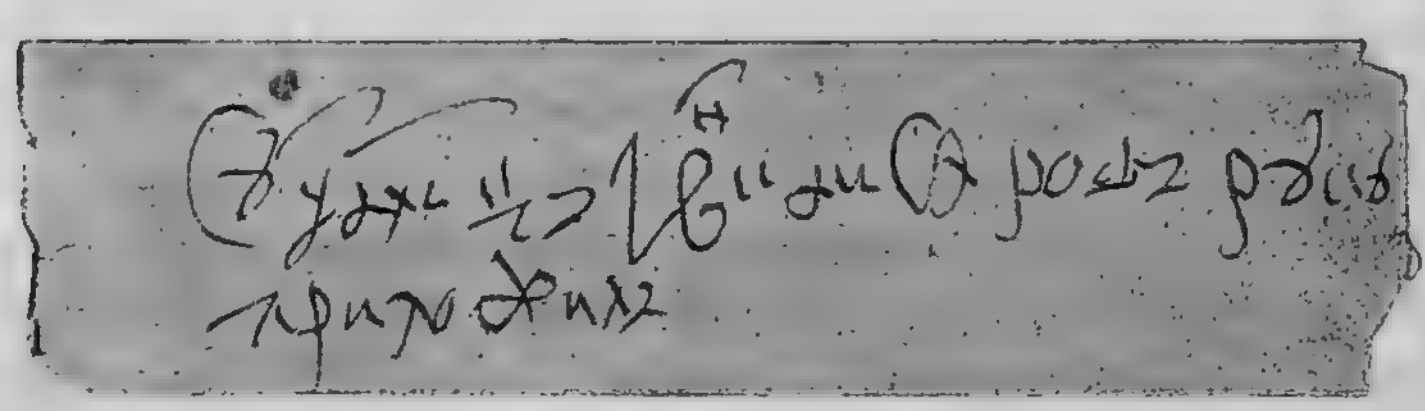
Этотъ соборъ былъ послѣднимъ земскимъ соборомъ. Во второй половинѣ XVII вѣка государство уже оправилось отъ потрясеній, власть чувствовала себя очень твердо, правительство сумѣло найти достаточное число рукъ, посредствомъ которыхъ оно проводило въ мѣстныхъ обществахъ свои предначертанія и рѣшенія, а потому не было настоятельной нужды призывать на помощь общественныхъ дѣятелей. Если же встрѣчалась какая-либо надобность въ лицахъ освѣдомленныхъ, то тогда приглашались на совѣщаніе выборные отъ того сословія, интересы котораго данный вопросъ затрогивалъ. Такъ, въ 1660 г. были созваны гости и торговые люди гостиной, суконной и черныхъ сотенъ и слободъ; ихъ спросили: почему вздорожалъ хлѣбъ на Москвѣ, и какія мѣры слѣдуетъ предпринять, чтобы онъ сталъ дешевле? Въ 1672 году лицъ торгово-промышленнаго класса собирали и запрашивали о положеніи персидскаго торга; въ 1676 году—объ иностранной торговлѣ вообще.

Въ 1681—82 гг. были призваны выборные отъ служилыхъ людей (стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, воеводы, полковники рейтарскіе и дѣти боярскіе изъ городовъ), которые обсуждали ратный уставъ и дѣло воинское, какъ бы воинское устроеніе перемѣнить на лучшее. Послѣдствіемъ этого совѣщанія было уничтоженіе мѣстничества, которое очень вредно отзывалось на ходѣ военныхъ предпріятій, такъ какъ при назначеніяхъ на должность воеводъ правительству приходилось считаться съ родовитостью назначаемыхъ, и часто бывало, что командованіе войсками вручали не талантливымъ, энергичнымъ людямъ, а самымъ знатнымъ, хотя бы послѣдніе были неспособны къ дѣлу.

Въ это же почти время состоялось другое совѣщаніе; были призваны выборные отъ тяглыхъ людей, самые лучшіе, добрые, знающіе дѣло, для обсужденія такихъ вопросовъ: могутъ ли они платить подати, и какъ лучше уравнять службы, подати и повинности, чтобы тяглое населеніе не страдало и государева казна полнилась. Иностранецъ Корбъ



Подпись боярина кн. Никиты Ивановича Одоевскаго.

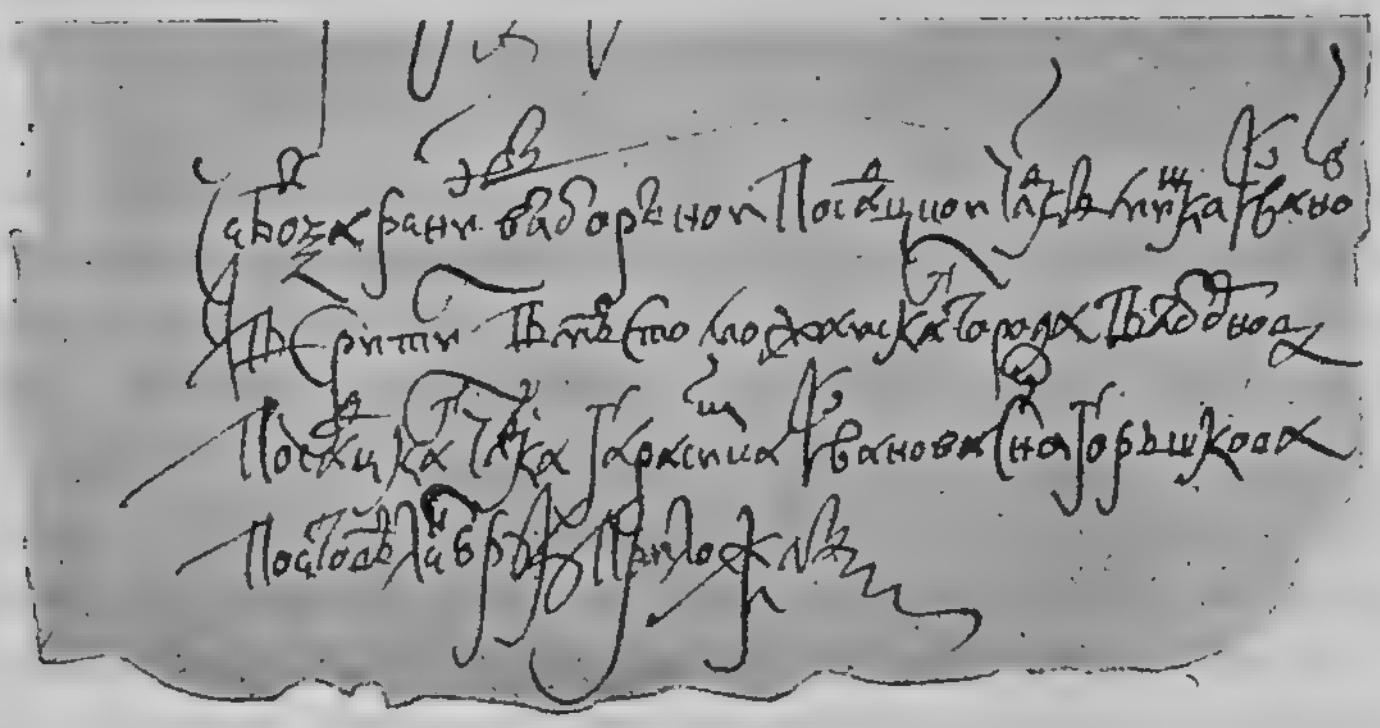


Подпись суздальца Ивана Кайсарова.

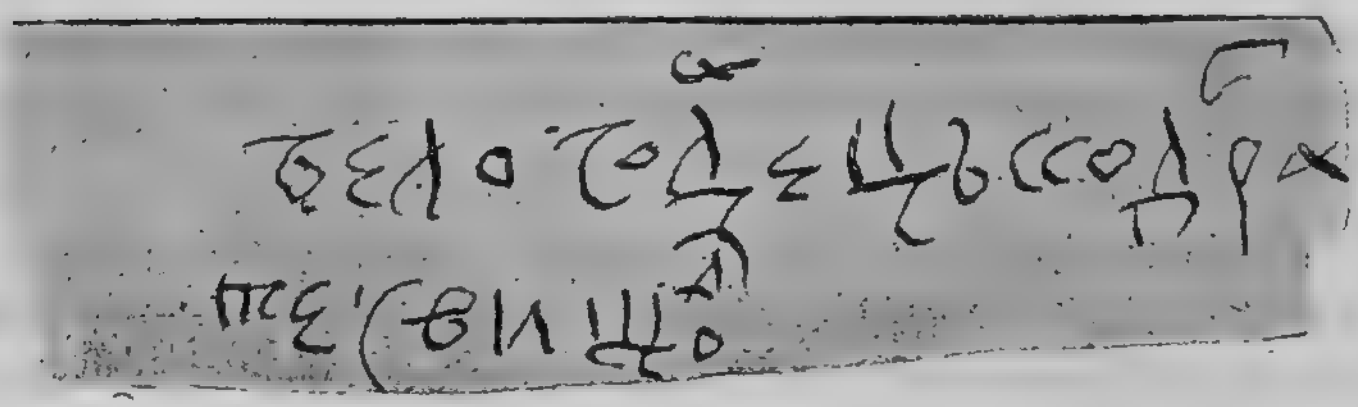
сообщаетъ о какомъ-то собраніи московскихъ чиновъ въ 1698 году для суда надъ царевной Софьей.

Такъ земскій соборъ, совѣтъ всея земли, состоявшій изо „всѣхъ чиновъ“ Московскаго государства, на который призывались выборные представители „изо всѣхъ городовъ“, во второй половинѣ XVII вѣка сталъ замѣняться въ нужныхъ случаяхъ совѣщаніями иного рода („комиссіями“ свѣдущихъ лицъ), куда стали призываться чины одного какого-

либо класса, интересы котораго затрогивались поднятымъ вопросомъ. Но и такія совѣщанія къ концу вѣка замирали. Однако мысль о всенародномъ совѣтѣ была жива въ умахъ дѣятелей не только XVII, но даже и XVIII вѣка. Иванъ



Подпись чебоксарянина посадскаго человѣка Мишки Иванова.



Подпись бѣлогородца Кондратья Свищова.

Посошковъ въ своей знаменитой „Книгѣ о скудости и о богатствѣ“, написанной въ концѣ царствованія Петра Великаго, предлагалъ созвать совѣщаніе въ родѣ земскаго собора, для выработки проекта новаго уложенія, и горячо отстаивалъ идею „народосовѣтія“.

Этимъ я заканчиваю краткій историческій очеркъ о земскихъ соборахъ. Изъ него можно видѣть, что земскій соборъ, какъ учрежденіе, имѣлъ свою любопытную исторію,

существенно измѣнившую обликъ собора: а) въ XVI вѣкѣ земскій соборъ, кромѣ освященнаго собора и боярской думы, состоялъ изъ столичныхъ чиновъ и провинціальныхъ администраторовъ, приглашенныхъ на соборъ въ силу своего служебнаго положенія и принадлежавшихъ къ верхнимъ слоямъ двухъ главныхъ общественныхъ группъ (служилой и торгово-промышленной); б) Смута ввела въ составъ собора выборныхъ представителей уѣздныхъ обществъ, но все же руководящее значеніе оставалось въ численномъ превосходствѣ столичнаго дворянства и купечества; в) соборы 1642 и 1648 года ослабили столицу и дали рѣшительный перевѣсъ уѣзднымъ городамъ: „общественные верхи (были) побѣждены общественною серединою“, благодаря чему „соборы стали отражать въ себѣ, вмѣсто одной столицы, все государство“ и превратились „изъ вспомогательнаго правительственнаго совѣщанія въ политическій органъ среднихъ классовъ московскаго общества“ (проф. Платоновъ).

Но это превращеніе оказалось роковымъ для судьбы учрежденія: съ того момента, какъ вліятельное духовенство, высшее служилое сословіе и приказные люди воочію убѣдились въ томъ, что руководство земскимъ соборомъ перешло въ иныя руки и это учрежденіе превращалось въ политическое орудіе, направленное противъ нихъ, то, стоя ближе къ источнику власти, они и настояли на томъ, чтобы земскіе соборы больше не созывались. Наиболѣе ярко отрицательное отношеніе къ соборамъ проявилъ патр. Никонъ, который, хотя и присутствовалъ на соборахъ 1648 и 1653 гг., но результатами соборной дѣятельности былъ чрезвычайно недоволенъ. Будучи въ 50-хъ годахъ „собиннымъ другомъ“ царя Алексѣя Михайловича, онъ могъ внушить ему подобное же нерасположеніе къ соборамъ. Придворная и приказная среда стремилась къ тому же самому. Союзныя усилія привели къ тому, что со второй половины 50-хъ годовъ XVII вѣка земскіе соборы никогда уже болѣе

не созывались, исчезнувъ какъ будто незамѣтно и безболѣзненно, подобно „неожиданному“ ихъ появленію на исторической сценѣ.

VIII.

Характеристика земскихъ соборовъ.

Въ исторической литературѣ изслѣдователи относятъ земскіе соборы къ категоріи представительныхъ учрежденій. Чтобы отвѣтить, насколько это правильно, слѣдуетъ разобраться въ вопросѣ, что такое представительныя учрежденія, и въ чемъ кроется ихъ внутренній смыслъ.

Въ наукѣ государственнаго права представительными учрежденіями въ ихъ наиболѣе совершенной формѣ принято называть учрежденія, черезъ которыя народъ осуществляетъ свои политическія права, участвуя въ лицѣ выбранныхъ имъ представителей въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Представительныя учрежденія исторически создавались на почвѣ непосредственнаго участія каждаго гражданина въ дѣлахъ государства, когда верховная власть въ странѣ всецѣло или частью принадлежала народу и дѣла рѣшались на вѣчахъ, на общихъ собраніяхъ. Но жизнь становилась богаче и сложнѣе, а потому простая патріархальная форма народнаго участія въ дѣлахъ государства замѣнилась другой формой, представительствомъ. Такое измѣненіе въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ территоріальныхъ условій. Въ государствѣ, занимающемъ большую территорію и насчитывающемъ многомилліонное населеніе, народъ не можетъ осуществлять свою власть непосредственно. Въ древнихъ Аѳинахъ, въ нашемъ Великомъ Новгородѣ весь народъ могъ собраться на площади для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, но въ Англіи или въ Соединенныхъ Штатахъ нельзя созвать всѣхъ полноправныхъ гражданъ въ одно мѣсто для обсужденія какого-либо законопроекта или для

разсмотрѣнія правительственныхъ мѣропріятій. Отсюда явилась необходимость для народа осуществлять свои политическія права чрезъ посредство выборныхъ представителей—депутатовъ. Для выбора депутатовъ государство дѣлится на извѣстныя территоріальныя единицы—избирательные округа. Полноправные граждане округа въ опредѣленное закономъ время большинствомъ голосовъ выбираютъ представителя, т.-е. какого-либо болѣе или менѣе извѣстнаго имъ человѣка, на котораго они вполнѣ могутъ положиться, зная, что онъ будетъ дѣйствовать въ ихъ интересахъ, будетъ проводить только тѣ взгляды, которыми проникнуты они. Это лицо избиратели и уполномочиваютъ рѣшать государственныя дѣла. Выборные народные представители съѣжаются съ разныхъ мѣстъ въ столицу, составляютъ изъ себя представительное учрежденіе—палату депутатовъ. Такое учрежденіе имѣетъ право и обязанность издавать законы, утверждать росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, вести высшій надзоръ и контроль надъ тѣмъ, чтобы какъ высшіе, такъ и низшіе чиновники не позволяли себѣ личнаго усмотрѣнія и неправильныхъ дѣйствій, а во всемъ и всегда точно слѣдовали установленнымъ законамъ. Постановленія представительныхъ учрежденій имѣютъ юридическую силу, такъ что помимо нихъ нельзя ни издавать новыхъ, ни отмѣнять старыхъ законовъ, ни вводить налоговъ и т. п.

Такимъ образомъ, при представительномъ образѣ правленія политическія права населенія сводятся на практикѣ къ праву однажды въ нѣсколько лѣтъ выбирать довѣренныхъ, лицъ, которымъ народъ вручаетъ законодательную власть и контроль надъ дѣятельностью правительства. Но этимъ опредѣляется вся атмосфера государственной и общественной жизни. Проф. Б. Н. Чичеринъ такъ изображалъ положительныя стороны народнаго представительства. При народномъ представительствѣ, продуманно и стройно организованномъ, права и интересы гражданъ находятъ свое лучшее выраженіе

и обезпеченіе. Оно и понятно—почему: здѣсь выступаютъ люди, взятые изъ нѣдръ самого общества, взгляды и убѣжденія которыхъ наиболѣе полно согласуются съ мнѣніями и интересами большинства, такъ что въ лицѣ представителей течетъ чистый ручей изъ источника и глубины народныхъ силъ; здѣсь съ особенною рѣзкостью выступаютъ на сцену: богатый жизненный опытъ, живое пониманіе народныхъ нуждъ, непосредственное чутье общественной пользы. Представитель извѣстнаго округа является законнымъ заступникомъ и ходатаемъ не только своихъ избирателей, но и всѣхъ гражданъ въ совокупности, а всѣ представители вмѣстѣ выражаютъ настроеніе, мысль и волю всего народа, благодаря чему потребность и неотложная общественная нужда легко могутъ облечься въ форму закона.

Народное представительство даетъ гражданину твердыя гарантіи его правъ личныхъ и имущественныхъ. Оно устраняетъ произволъ, пресѣкаетъ злоупотребленія, содѣйствуетъ прочности законнаго порядка. При народномъ представительствѣ, систематически проведенномъ, слишкомъ мало мѣста остается личному и чиновному усмотрѣнію: во всѣхъ сферахъ государственной жизни проводятся строгая законность и отвѣтственность. Особенно важенъ общественный контроль въ финансахъ. Охраняя народный кошель и требуя отчетности въ каждой копейкѣ, народные представители призваны строго слѣдить за тѣмъ, чтобы подати и налоги не были обременительны для народа; безъ ихъ же согласія никакой налогъ (ни прямой ни косвенный) не можетъ быть введенъ въ жизнь; они сдерживаютъ по возможности произвольные расходы, устраняютъ непроизводительную расточительность и наиболѣе щедры своими ассигновками на просвѣщеніе и другія культурныя потребности. Распоряженіе финансами для народныхъ представителей является однимъ изъ могучихъ рычаговъ—держать законодательную власть въ своихъ рукахъ и вліять на администрацію.

Представительныя учрежденія въ высокой степени возбуждаютъ общественную самодѣятельность. Даже масса народная, зная, что верховная власть покоится на мнѣніи и волѣ народа, принимаетъ въ государственной жизни живое участіе, а это изощряетъ и развиваетъ политическую мысль, создаетъ сознательное отношеніе къ государственнымъ дѣламъ. Это живое участіе въ интересахъ государства надѣляетъ гражданина сознаніемъ своего достоинства, своего права и силы. Чувствуя себя живымъ членомъ государственнаго организма, гражданинъ всѣми силами заботится объ его сохраненіи и готовъ жертвовать всѣмъ для блага общества и государства. Любовь къ родинѣ получаетъ здѣсь прочную основу, большую глубину и силу.

При народномъ представительствѣ видную роль въ возбужденіи общественной самодѣятельности играютъ оппозиція и смѣлая критика, которой предоставляется здѣсь широкій просторъ. Эта критика, подвергая строгому разбору мѣропріятія власти съ точки зрѣнія общественной пользы, заявляя о какомъ-либо вопіющемъ правонарушеніи, о народныхъ нуждахъ, безпрерывно толкаетъ правительство впередъ, заставляя его обращать вниманіе на всѣ упущенія и принимать мѣры къ ихъ исправленію. Отъ государственнаго дѣятеля здѣсь требуется гораздо больше, чѣмъ при другомъ порядкѣ правленія. Вообще представительныя учрежденія, хотя имѣютъ и свои тѣневыя стороны, тѣмъ не менѣе служатъ прекрасною политическою школою для народа и приводятъ въ дѣйствіе творческія силы общества.

Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что представительныя учрежденія въ наиболѣе совершенной формѣ появляются далеко не сразу, а создавались и крѣпли въ европейскихъ государствахъ вѣками. Въ качествѣ образца представительной формы правленія можно указать на англійскій парламентъ, начало котораго относится къ XIII вѣку, а наиболѣе совершенное устройство—лишь къ XIX-му. Вотъ почему при сравненіи

земскихъ соборовъ съ западно-европейскимъ представительствомъ нужно помнить, что земскіе соборы существовали въ Московской Руси въ XVI и XVII вѣкахъ и не могли получить наиболѣе полную и совершенную форму представительства.

Однако, сравнивая земскіе соборы съ представительными учрежденіями Западной Европы того же времени, а именно съ англійскимъ парламентомъ, французскими генеральными штатами, испанскими кортесами, германскими ландтагами и другими подобными учрежденіями, изслѣдователи (профессора Чичеринъ, Сергѣевичъ и Латкинъ) указываютъ на значительную разницу между западными учрежденіями и московскимъ представительствомъ въ лицѣ земскихъ соборовъ. Какъ на одно изъ коренныхъ отличій земскихъ соборовъ отъ полномочныхъ представительныхъ учрежденій указываютъ на то, что соборы не имѣли никакихъ правъ и никакихъ полномочій; ихъ постановленія не имѣли никакой юридической силы. Верховная власть всецѣло сосредоточивалась въ рукахъ государя, который имѣлъ полное право и возможность какъ рѣшать всѣ государственныя дѣла помимо земскихъ соборовъ, такъ и постановленія земскихъ соборовъ принимать только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію: находилъ нужнымъ—рѣшалъ дѣло согласно съ соборнымъ постановленіемъ, нѣтъ—оставлялъ его безъ всякихъ послѣдствій. Вотъ потому-то и бывало, что земскій соборъ иногда, по замѣчанію указанныхъ выше ученыхъ, не дѣлалъ никакого постановленія, а только, подумавши накрѣпко, объявлялъ свою мысль государю, отъ рѣшенія же дѣла совершенно отказывался: „А какъ дѣло то вершить, говорили члены соборы, въ томъ его государева воля“.

Неполноправіе земскихъ соборовъ существенно отражалось на остальныхъ сторонахъ этого учрежденія. Созывались они не въ силу закона и не въ точно опредѣленное время, а по усмотрѣнію верховной власти. Самые вопросы, подлежавшіе

обсужденію земскаго собора, совершенно не были опредѣлены; тутъ не было ясно выраженнаго правила, что вотъ, напр., для извѣстныхъ государственныхъ дѣлъ требуется мнѣніе земскаго собора; находилъ государь нужнымъ, созывалъ соборъ даже по сравнительно незначительному дѣлу; въ то же время онъ своею единоличною волею, безъ какого бы то ни было участія земскаго собора, рѣшалъ самые капитальные государственные вопросы. Такъ, даже въ „золотой вѣкъ“ соборовъ, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича очень важный политическій шагъ, война съ Польшею, былъ предпринятъ по рѣшенію великихъ государей (царя и патріарха), безъ участія земскаго собора. Итакъ, въ созывѣ собора и въ предметахъ его вѣдѣнія рѣшающую роль игралъ психологическій моментъ, настроеніе власти, а не желаніе и права общества и какія-либо спеціальныя на то правила. Находилась власть въ затрудненіи—обращалась за содѣйствіемъ къ земскому собору, нѣтъ—тогда спокойно и рѣшительно проводила свои взгляды и предначертанія безъ участія земскихъ людей.

Когда рѣшено было созвать соборъ, то неопредѣленность царила и въ самомъ призывѣ: представителей всей земли на земскихъ соборахъ никогда не было; изъ отдаленныхъ городовъ земскихъ людей не призывали, отъ крестьянъ выборныхъ лицъ (за исключеніемъ, можетъ-быть, собора 1613 г.) на соборахъ не бывало; отъ остальныхъ же чиновъ призывали довольно произвольно, то просили человѣка два-три, то десять, а иногда „по скольку человѣкъ пригоже“. Каждая сословная группа выбирала изъ своей среды особыхъ лицъ. Изъ какихъ классовъ или чиновъ Московскаго государства составлялись земскіе соборы, на это неоднократно указывалось въ предыдущихъ главахъ. О томъ, какъ происходили выборы на соборѣ, сохранились отъ XVII в. любопытныя свѣдѣнія. Карачевскій воевода, которому предписано было созвать дворянъ для выборовъ, отвѣчалъ, что онъ два раза

разсылалъ по уѣзду пушкарей и стрѣльцовъ, черезъ нихъ призывая дворянъ, но явилось только два человѣка, которыхъ онъ и отослалъ въ Москву отъ лица Карачевскаго уѣзда. Воевода съ Переяславля-Рязанскаго сообщилъ, что его „пушкари и затинщики“ долго напрасно ходили по селамъ, созывая дворянъ; наконецъ явились очень „немногіе люди“. Разумѣется, не всегда такъ бывало. Но это служитъ характернымъ показателемъ того, какъ иногда равнодушно относилось населеніе къ участію въ земскихъ соборахъ. И въ этомъ отношеніи оно было отчасти право, такъ какъ соборы чаще созывались не столько въ интересахъ населенія, сколько въ интересахъ правительства.

Лица, выбранныя уѣздными обществами, какихъ-либо указаній и полномочій отъ избирателей обычно не получали. Это обстоятельство объясняется такимъ общимъ положеніемъ. Въ Московскомъ государствѣ XVII в. общество было съ верху до низу закрѣпощено, всѣ классы населенія обязаны были всѣми своими силами и средствами служить на пользу государства. Дворяне и дѣти боярскіе, вообще служилые люди несли постоянную воинскую повинность, защищая родину отъ враговъ; торговые и посадскіе люди обязаны были нести городское тягло и отбывать казенныя службы по финансовому вѣдомству, крестьяне платили подати, несли разнаго рода повинности, прикрѣплялись къ землѣ и ставились въ зависимость отъ землевладѣльцевъ — вотчинниковъ да помѣщиковъ. Каждый слой общества имѣлъ свою спеціальную службу и долженъ былъ неукоснительно исполнять ее, а надъ всѣмъ этимъ выдвигалась и укрѣплялась мощная власть московскаго правительства. Конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо политическихъ правахъ и полномочіяхъ лицъ выборныхъ. Хотя по вопросу о полномочіяхъ и наказахъ депутатамъ со стороны избирателей слѣдуетъ сказать, что иногда какъ будто выборные представители земскихъ соборовъ привозили съ собой какіе-то „договоры“ или наказы.

Можно допустить, что „между депутатомъ и его избирателями (въ XVII вѣкѣ) было извѣстное взаимоотношеніе“: „первый чувствовалъ какую-то отвѣтственность“ передъ послѣдними, но что это за взаимоотношеніе и отвѣтственность, въ виду отсутствія документальныхъ данныхъ, сказать трудно.

Благодаря такому положенію, земскіе соборы имѣли только совѣщательное значеніе, въ противоположность западно-европейскимъ учрежденіямъ, принимавшимъ непосредственное и неотъемлемое участіе въ законодательствѣ. Наши соборы и не пытались расширить свое значеніе, полагаясь во всемъ на добрую волю государя. Здѣсь, по словамъ проф. Чичерина, ни разу не раздавался протестующій голосъ, не было оппозиціи правительству, незамѣтно было стремленія добиться какихъ-либо хартій вольности и законодательныхъ актовъ, которые точно и твердо опредѣляли бы дѣятельность и сферу вліянія земскихъ соборовъ. Когда власть звала земскихъ людей, они шли и отвѣчали на поставленные вопросы, не добиваясь того, чтобы непремѣнно было рѣшено по ихъ мысли; когда же правительство къ нимъ не обращалось—они молчали. Отсутствіе юридическихъ основъ учрежденія и его чисто-совѣщательное значеніе были главными причинами того, что земскіе соборы исчезли съ лица земли русской совершенно незамѣтно, безъ всякой борьбы и протеста со стороны общества. Очевидно, въ глазахъ послѣдняго они не представлялись учрежденіемъ особенно цѣннымъ и необходимымъ.

Было бы, конечно, большою ошибкою, сдѣлавъ сравненіе земскихъ соборовъ съ полномочными представительными учрежденіями Запада, успокоиться на этомъ и не войти въ разсмотрѣніе другихъ сторонъ этого учрежденія. Если земскіе соборы стояли на первоначальной ступени развитія и представляли собою несовершенную форму народнаго представительства, то отсюда еще нельзя строить заключенія, какъ

то дѣлалъ проф. Чичеринъ, о полномъ внутреннемъ ничтожествѣ ихъ.

Несправедливо было бы утверждать, что земскіе соборы созывались только для формы и часто даже не могли оказать правительству ни помощи ни совѣта. Въ историческомъ изложеніи дѣятельности земскихъ соборовъ я уже отмѣчалъ, какую крупную роль играли соборы въ смутныя времена государственной жизни, когда земскіе люди призывались на помощь самою властью, сознававшею свое безсиліе выйти изъ затруднительнаго положенія. Значитъ, если не было юридическихъ правилъ для созыва собора, то выдвигалась психологическая необходимость для правительства обращаться въ трудныя минуты къ земскимъ людямъ и фактически считаться съ ихъ мнѣніемъ, хотя бы оно и не было полномочнымъ и юридически дѣйствительнымъ рѣшеніемъ представителей народа. Вотъ въ этомъ и заключается глубокій смыслъ земскихъ соборовъ. Правительство, при недостаткѣ свѣдѣній и средствъ, рѣшимости и рукъ, обращается за содѣйствіемъ къ обществу, которое отзывается на призывъ; лучшіе люди провинціальныхъ обществъ выясняютъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ искать выхода изъ тяжелаго положенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняя надежные пути, которыми можно было бы избыть русскую бѣду, участники собора часто на своихъ плечахъ выносили тяжесть общественныхъ неудачъ, чѣмъ избавляли государство отъ конечнаго разоренія.

Нельзя, далѣе, забывать и того, что, хотя правительство пользовалось земскимъ соборомъ въ своихъ интересахъ, и на соборахъ не раздавалось полномочнаго голоса земли, все же земскій соборъ давалъ населенію (если не всему, то значительной части его) возможность обращаться непосредственно къ самой власти, къ престолу, минуя цѣлую сѣть приказныхъ, чиновныхъ инстанцій. Земля здѣсь имѣла возможность сказать государю: „мы разорены, бѣдны, безпомощны и безпомѣстны... а разорены больше всего отъ вое-

водъ, отъ ихъ насильства и задержанія... Государь! пожалуй насъ, сирыхъ холопей твоихъ". Важно было то, что эта просьба непосредственно доходила до ушей государя и могла побудить его къ облегченію и улучшенію положенія народа.

Резюмируя все сказанное, можно составить о земскомъ соборѣ такое общее представленіе. Земскій соборъ (или „совѣтъ всея земли") былъ учрежденіемъ совѣщательнымъ, которое въ трудныя минуты государственной жизни созывалось по почину и усмотрѣнію правительства, состояло изъ духовенства (освященнаго собора), высшихъ государственныхъ сановниковъ и лицъ приказнаго и дворцоваго вѣдомствъ (боярской думы) и выборныхъ (земскихъ людей) отъ служилаго и отъ торгово-промышленнаго классовъ населенія московскихъ городовъ и уѣздовъ, и обсуждало болѣе или менѣе важныя государственныя дѣла, предложенныя правительствомъ на разсмотрѣніе собора. Учрежденіе это не имѣло ясно выраженныхъ правъ, не знало точно выработанной и закономъ опредѣленной организаціи; его постановленія не имѣли для власти юридической силы, но фактически являлась необходимость считаться съ ними и поступать такъ какъ о томъ думалъ земскій соборъ. Здѣсь, на соборѣ, общество въ лицѣ своихъ выборныхъ выражало свои просьбы и пожеланія, и это было единственною возможностью для общества непосредственно ходатайствовать передъ верховною властью о своихъ нуждахъ и общегосударственныхъ потребностяхъ, чего оно, съ прекращеніемъ соборовъ, лишилось надолго.

Значитъ, на земскіе соборы нужно смотрѣть, какъ на несовершенную, но своеобразную форму народнаго представительства, въ которой, хотя народные интересы и нужды не могли найти своего полнаго выраженія и обезпеченія, тѣмъ не менѣе московское правительство и общество, въ лицѣ среднихъ соціальныхъ слоевъ, умѣло разрѣшить трудную задачу о совмѣстной и дружной работѣ. Они исчезли, не

перешедши въ болѣе совершенную законченную форму, въ виду того, что при закрѣпощеніи всего населенія Московскаго государства для ихъ жизни и роста не было питательной почвы.

Несмотря на то, что земскій соборъ или совѣтъ всея земли дѣйствовалъ на исторической сценѣ сравнительно недолго и въ послѣдующемъ государственномъ строѣ Россіи не удержался, это учрежденіе, по справедливому замѣчанію проф. Платонова, „отвѣчая потребностямъ и условіямъ своей эпохи, было движущимъ началомъ московской исторіи“. „Для насъ, съ нашими злобами дня“, по словамъ того же историка, земскій соборъ „только любопытный архаизмъ. Оживить его ветхія формы невозможно, какъ невозможно возстановить сословную жизнь Московской Руси. Но изучать старый совѣтъ всея земли намъ очень полезно: для разрѣшенія вѣковой проблемы объ идеальномъ отношеніи власти и народа онъ даетъ наблюдателю цѣнный и свѣтлый матеріалъ, свидѣтельствующій о томъ, что наши предки умѣли находить отвѣчавшія потребностямъ ихъ времени формы общаго совѣта и совершенствовать ихъ сообразно съ успѣхами своей общественности“.

IX.

Взгляды русскихъ историковъ на земскіе соборы.

Земскіе соборы издавна привлекали къ себѣ интересъ и вниманіе историковъ, такъ что въ нашей литературѣ можно насчитать довольно много трудовъ, посвященныхъ земскимъ соборамъ. Въ этихъ трудахъ дается историческій обзоръ и характеристика дѣятельности соборовъ, разбираются вопросы: о составѣ земскаго представительства на нихъ, о причинѣ возникновенія и упадка соборовъ, и указывается на значеніе ихъ въ тогдашней государственной жизни. Первоначально земскіе соборы въ изображеніи историковъ выступали жизненнымъ и глубоко-народнымъ учрежденіемъ, свѣт-

лымъ лучомъ, который разгонялъ сумерки общественныхъ бѣдствій. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ къ изученію привлекались все новые и новые матеріалы, частью даже архивные, блекло обаяніе земскихъ соборовъ, и многія частности этого учрежденія получили болѣе правильное и отчетливое освѣщеніе.

Изъ русскихъ историковъ одни изслѣдователи идеализируютъ земскіе соборы, другіе слишкомъ скептически смотрятъ на нихъ, третьи—болѣе умѣреннаго направленія—при характеристикѣ земскихъ соборовъ указываютъ и на свѣтлыя и на тѣневыя ихъ стороны.

Къ первымъ принадлежатъ славянофилы, которые, идеализируя вообще весь укладъ древней Руси, а въ томъ числѣ и земскіе соборы, были очень высокаго мнѣнія о значеніи ихъ въ жизни Московскаго государства. По ихъ мнѣнію, земскіе соборы, какъ учрежденіе, служатъ наиболѣе яркимъ и цѣннымъ выраженіемъ чисто-русской національной государственной идеи, идеи о полномъ единеніи власти и земли, правительства и общества; въ земскихъ соборахъ, по ихъ мнѣнію, общіе интересы нашли свое лучшее и наиболѣе справедливое осуществленіе, до чего западные сосѣди никогда не могли дорасти: тамъ были несогласія, оппозиція, борьба, у насъ же полное единеніе, миръ и гармонія.

Изъ славянофиловъ Константинъ Аксаковъ наиболѣе полно высказалъ свой взглядъ на исторію возникновенія и общее значеніе земскихъ соборовъ. Съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ, говоритъ онъ, мы видимъ въ племенахъ славянскихъ общину. Община — это союзъ людей, отказавшихся отъ своего эгоизма, отъ своей личной обособленности во имя общаго блага; община представляетъ собою нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется отдѣльный голосъ, но, подчиняясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ, такъ и въ общинѣ не теряется личность, но, отказавшись отъ своей исключи-

тельности, она находитъ себя въ высшемъ очищенномъ видѣ, въ согласіи равномѣрно-самоотверженныхъ личностей. Выраженіе своей совокупной нравственной дѣятельности такая община находитъ въ совѣщаніи.

Общину, согласіе и совѣщаніе наиболѣе всѣхъ удержали у себя славяне русскіе. Въ русской исторіи мы безпрестанно видимъ общественныя совѣщанія, областныя вѣча. Вездѣ дума и рѣчь; дума и рѣчь необходимы были, какъ проявленіе человѣческой жизни и свободы, какъ путь къ согласію, путь къ общему, дружному и прочному дѣлу. Самое начало русскаго государства освящено совѣщаніемъ, думой. Правда, въ дальнѣйшей исторіи тревожная и неспокойная разрозненность отразилась печально на совѣщаніяхъ: они заглохли и замолкли.

Но вотъ русская земля собирается вокругъ Москвы, падаютъ удѣлы, растетъ сильная и крѣпкая власть; тогда-то появляются и выдвигаются на первый планъ два устоя: земля и государство. Кончилось раздѣленіе, и первый русскій царь созываетъ первый земскій соборъ, гдѣ снова выступаетъ единая земля, русская община. Единый царь обращается къ единой русской землѣ и всю зоветъ ее на совѣтъ. На этомъ соборѣ встрѣчаются земля и государство, и между ними утверждается свободный союзъ, возникаютъ тѣсныя отношенія, которыя выливаются въ такую форму: правительству—сила власти, землѣ—сила мнѣнія; внѣшняя правда—государству, внутренняя правда — землѣ; неограниченная власть—царю, полная свобода жизни и духа, свобода мнѣнія и слова—народу.

Древнія областныя вѣча преобразовались въ земскій соборъ всея Руси, который сталъ явленіемъ не случайнымъ, но коренною жизненною основою государственнаго быта. Сюда, по призыву государя, отъ всѣхъ сословій, со всѣхъ концовъ Россіи собираются выборные люди, которые смѣло и открыто заявляютъ власти свои мнѣнія. Земскій соборъ былъ

мнѣніемъ земли, думою ея. Соборы созывались по самымъ важнымъ вопросамъ, какъ скоро дѣло касалось всего государства, всей Россіи. Такая тѣсная связь земли и власти продолжалась до конца XVII вѣка; но вотъ явился Петръ, связь порывается, и земскіе соборы сходятъ со сцены.

Итакъ, по мнѣнію К. Аксакова, въ земскихъ соборахъ наиболѣе полно выразился совѣщательный элементъ древней Руси, въ нихъ воплотился тѣсный, неразрывный союзъ земли и государства, причемъ правительству принадлежала сила власти, землѣ—сила мнѣнія. Единеніе между землею и государствомъ рухнуло съ тѣхъ поръ, какъ Петръ I сталъ заводить на Руси западно-европейскіе порядки.

Къ этой же категоріи взглядовъ принадлежатъ мнѣнія историковъ: Павлова, Щапова и Бѣляева. Изъ нихъ первый, указывая на древнія вѣча, какъ на корень, изъ котораго выросли земскіе соборы, первымъ земскимъ соборомъ считалъ почему-то совѣщаніе св. Владимира съ боярами и старцами градскими по поводу принятія вѣры. Земскіе соборы, по словамъ этихъ историковъ, были учрежденіями, служившими органомъ общественной мысли, проводникомъ гласности, до нѣкоторой степени охраной сословныхъ обычныхъ правъ и интересовъ. На земскихъ соборахъ выступали выборные всѣхъ разрядовъ общества, представители всѣхъ сословій, даже крестьянскаго, которые ясно и рѣшительно подавали свои мнѣнія правительству. Дѣятельность соборовъ, такимъ образомъ, была запечатлѣна совѣщательностью и общенародностью.

Взгляды вышеуказанныхъ историковъ вскорѣ же встрѣтили строгую критику. Начиная съ С. М. Соловьева, послѣдующіе ученые, разбирая то одну, то другую сторону картины земскихъ соборовъ, какъ она была нарисована предшествующими изслѣдователями, постепенно разрушали и видоизмѣняли то стройное и величественное зданіе, которое было возведено славянофилами.

С. М. Соловьевъ отмѣчалъ, что славянофилы въ соборахъ видятъ то, чего не было. До московскаго періода были вѣча, сильный совѣщательный элементъ. Что съ ними сталось въ періодъ московскій? — его нѣтъ, говорятъ намъ источники, въ которыхъ мы находимъ даже сильныя выходки противъ него. Ясно, что новое общество строилось на другихъ началахъ, исключавшихъ вѣчевой элементъ. А потому нельзя утверждать, что совѣщательный элементъ древней Руси вдругъ появился, воскресъ при новомъ (царскомъ) титулѣ Іоанна. Связывать появленіе земскихъ соборовъ съ первымъ царемъ и распущеніе послѣдняго собора съ именемъ Петра Великаго—это мистицизмъ, предвзятое, ненаучное мнѣніе, которое можетъ быть внушено чувствомъ, а не исторіею и дѣйствительными фактами. Ни въ какомъ случаѣ нельзя настаивать, что на соборѣ высказывалась мысль народная, что соборъ былъ мнѣніемъ всея Руси. Только въ XVII в. соборы начинаютъ крѣпнуть на счетъ слабости правительства. Но какъ только государство вышло изъ бѣдственнаго положенія, оправилось отъ потрясеній, то уже при Алексѣѣ Михайловичѣ значеніе соборовъ начинаетъ падать. Явленіе вымирало, оставалась одна пустая форма, которую считали нужнымъ еще выполнять изъ уваженія къ обычаю предшествующаго царствованія. Значитъ, совершенно неправильно иные изслѣдователи, писалъ Соловьевъ, мистически связываютъ распущеніе послѣдняго собора съ именемъ малолѣтняго Петра.

Дальнѣйшая критика привела ученыхъ западническаго направленія ко взгляду, діаметрально противоположному воззрѣніямъ славянофиловъ. Наиболѣе яркими представителями этого направленія являются Чичеринъ и Костомаровъ. Если славянофилы были слишкомъ высокаго мнѣнія о соборахъ, то эти ученые низводили соборы съ высоты и ставили ихъ очень низко, видя въ соборахъ такую несовершенную и неудачную форму народнаго представительства, въ

которой, по ихъ словамъ, въ рѣзкой формѣ выразилось убожество русской общественной жизни, холопство и близорукость русскаго человѣка.

По мнѣнію Чичерина, у насъ на Руси не могло образоваться представительныхъ учрежденій, въ которыхъ былъ бы слышенъ голосъ всей земли. За это говоритъ вся исторія. При необъятныхъ границахъ русской равнины, при постоянномъ передвиженіи населенія, у насъ общественные элементы не были связаны, корпоративное начало, соединяющее отдѣльныхъ лицъ въ прочные союзы, было чрезвычайно слабо, просвѣщенія всегда недоставало, самая натура русскаго человѣка, мягкая, податливая и расплывчатая, только способствовала тому, что русскій человѣкъ легко забывалъ прошедшее, мирился съ настоящимъ, скоро привыкалъ къ нему и все переносилъ терпѣливо, безропотно, приноровливаясь къ самому тяжелому и безотрадному положенію и уступая давленію сверху. Если въ древней Россіи существовали зачатки политической свободы, то послѣдующая исторія заглушила ихъ. Въ лицѣ московскихъ государей развилась сильная, безграничная власть, которая строилась по образцу азіатскихъ деспотій, гдѣ всякій подданный считался рабомъ своего государя-властелина. Конечно, о свободѣ политической, о правахъ и вольностяхъ здѣсь не могло быть и рѣчи, тогда какъ для представительныхъ учрежденій необходимы начала всеобщей свободы и права. Однако послѣ объединенія удѣловъ, при устройствѣ обширнаго государства, юная власть не могла еще и не умѣла обойтись безъ содѣйствія общественныхъ силъ. Новое государство нуждалось и въ центральныхъ учрежденіяхъ. А потому московскіе цари обращаются къ содѣйствію мѣстныхъ силъ, призывая ихъ на общія совѣщанія.

Такъ возникли земскіе соборы, но на нихъ и помину нѣтъ о политическихъ правахъ. Еще менѣе допускается ихъ вмѣшательство въ государственное управленіе. Характеръ

земскихъ соборовъ остается чисто-совѣщательнымъ, постановленія ихъ для правительства были необязательны. Они созывались по почину самого правительства, которое приглашало мѣстныхъ людей къ участію въ обсужденіи разныхъ вопросовъ только тогда, когда находило это нужнымъ. Мы не видимъ въ нихъ ни инструкцій представителямъ отъ избирателей, ни законодательной дѣятельности, не встрѣчаемъ даже слѣдовъ общихъ преній. У собора не было никакой собственной иниціативы, на нихъ никогда не проявлялась, хотя бы слабая, оппозиція власти. Такая бѣдность содержанія лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, что земскіе соборы никогда не могли сдѣлаться существеннымъ элементомъ государственной жизни. Да притомъ понятіе о представительствѣ всей земли было до того шатко, или, лучше сказать, оно настолько отсутствовало, что соборы обыкновенно составлялись не изъ выборныхъ отъ всего государства, а единственно изъ московскихъ чиновъ; городъ Москва замѣняетъ собою государство точно такъ же, какъ крикъ народа, собраннаго на площади, часто выдается за голосъ всей земли.

Значеніе соборовъ подняла только Смута, когда теченіемъ обстоятельствъ были призваны на защиту государства всѣ скрытыя силы общества. Но, какъ только власть укрѣпилась, государство пришло въ норму, начинается упадокъ соборнаго устройства. Это особенно сказалось на Азовскомъ соборѣ 1642 года. По своей чисто-совѣщательной формѣ, по отсутствію всякой политической мысли, по разрозненности поданныхъ мнѣній и по наивно высказаннымъ эгоистическимъ стремленіямъ онъ не дѣлаетъ чести тогдашнему обществу. Грустно смотрѣть на этотъ послѣдній памятникъ нашего земства. Послѣ минутнаго подъема общественной самодѣятельности во время Смуты, теперь земля снова покорно улеглась у ногъ самодержавнаго владыки.

Со второй половины XVII в. земскіе соборы въ полномъ

упадкѣ. Кратковременная роль ихъ была кончена, они уже безсильны были дать правительству какую-либо помощь или совѣтъ. Такъ земскіе соборы исчезли съ лица земли не вслѣдствіе сословной розни или опасеній монарховъ, а просто вслѣдствіе своего внутренняго ничтожества.

Костомаровъ къ этому прибавлялъ: земскіе люди на соборахъ всегда и во всемъ полагались на волю государя; на вопросъ, предложенный имъ, они часто отвѣчали: „а какъ дѣло вершить, то государю вѣдомо“, они готовы сдѣлать такъ, „какъ государь укажетъ“. Земскіе соборы представляли собою способъ узнать въ данное время народное умонастроеніе. Если бы въ XVII в. существовали газеты и журналы, въ которыхъ можно было бы болѣе или менѣе свободно обсуждать различные общественные и государственные вопросы, то тогда совсѣмъ не нужно было бы созывать земскіе соборы: достаточно правящимъ сферамъ прочитать передовицы газетъ—и довольно! Онѣ узнали бы, что думаетъ по извѣстнымъ вопросамъ русское общество, а потомъ—правительство само разобралось бы во всемъ и рѣшило бы дѣло такъ, какъ нашло бы нужнымъ. Земскіе соборы вымерли прежде, чѣмъ могли сорганизоваться; они въ концѣ XVII в. „испарились“, а вскорѣ навсегда забылись русскимъ обществомъ.

Изслѣдованія и статьи указанныхъ выше историковъ появились въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XIX вѣка, въ годы напряженной борьбы между славянофилами и западниками; естественно, взгляды и тѣхъ и другихъ страдали крайностью. Къ тому же здѣсь примѣшивалась часто политическая сторона: затаенной мыслью изображенія земскихъ соборовъ было то, мечтать ли о возрожденіи въ современной Россіи земскихъ соборовъ, или брать образцы представительныхъ учрежденій въ Западной Европѣ. Славянофилы готовы были добиваться перваго, западники — второго. Такъ политика налагала печать на историческое изображеніе.

Въ 70-хъ, 80-хъ годахъ и позднѣе историки спокойнѣе относились къ изученію земскихъ соборовъ, овладѣли большимъ фактическимъ матеріаломъ, частью архивнымъ, и дали болѣе обстоятельное и исторически болѣе вѣрное воспроизведеніе земскихъ соборовъ. Къ такимъ историкамъ, занимающимъ среднее положеніе между двумя крайними взглядами на земскіе соборы, относятся профессора: Сергѣевичъ, Загоскинъ, Латкинъ и Ключевскій.

Эти ученые, соглашаясь съ тѣмъ, что земскіе соборы созывались по почину самой власти, что они какой-либо правильной организаціи и какихъ-либо политическихъ правъ не имѣли, голоса всей земли собою не представляли, ограничить власть и опредѣленными правилами закрѣпить за собою право на участіе въ государственныхъ дѣлахъ не пытались,—все же отмѣчаютъ, что соборы далеко не были только чисто-совѣщательнымъ учрежденіемъ, о ничтожествѣ же ихъ не можетъ быть и рѣчи. Земскіе соборы были живой силой, въ единеніи съ нею власть въ трудныя минуты искала опоры и спасенія. Выборные люди не ограничивались только отвѣтомъ на предложенные имъ государемъ вопросы. Они обращались въ почтительной, по понятіямъ того времени, формѣ челобитія и съ самостоятельными заявленіями о своихъ нуждахъ (напр., на соборахъ 1621, 1642 и 1648—49 гг.). Отъ власти, конечно, зависѣло исполнить эти челобитья или нѣтъ, но важно было то, что общество могло обращаться къ престолу съ заявленіями о нуждахъ прямо, непосредственно, а не черезъ администрацію. Вообще московскіе государи дѣйствовали и помимо соборовъ, но рядомъ съ этимъ они признавали что-то и за народомъ, въ силу чего и обращались иногда къ обществу въ лицѣ земскихъ соборовъ. Это „что-то“, по словамъ проф. Загоскина, есть нравственная сила мнѣнія земли; по мнѣнію проф. Сергѣевича, это „что-то“ есть несомнѣнно остатокъ порядковъ княжеской эпохи, когда князь и народъ, по особенностямъ быта того времени, нахо-

дились въ тѣсныхъ отношеніяхъ и непосредственно зависѣли одинъ отъ другого. Роль земскихъ соборовъ особенно возвышается въ критическій періодъ Московскаго государства. Выборные люди соединялись тогда безъ всякой розни вокругъ избраннаго имъ государя и не жалѣли ни жизни ни имущества для спасенія отечества. Одной патріотической дѣятельности соборовъ начала XVII вѣка уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностью. Да если сравнить земскіе соборы съ западно-европейскими представительными учрежденіями, то можно видѣть, что въ общемъ и наши земскіе соборы, если имѣть въ виду первыя ступени западно-европейскаго представительства, по существу мало чѣмъ отличались отъ нихъ; соборы прошли лишь первичныя стадіи развитія и окончательно не вылились въ ту форму, до которой могли бы дорасти при другихъ условіяхъ.

Среди работъ послѣдующихъ историковъ особенно важно изслѣдованіе проф. Ключевскаго, который весьма остроумно по именамъ участниковъ собора опредѣлялъ составъ собора и усмотрѣлъ эволюцію въ системѣ народнаго представительства, которое отъ представительства по положенію перешло къ представительству по выбору въ XVII вѣкѣ. Общее пониманіе земскихъ соборовъ проф. Ключевскаго таково.

Объединенное Московское государство нуждалось въ сильномъ цементирующемъ элементѣ, такъ какъ составныя части государства были слабо связаны между собою. Повсюду чувствовалась рознь, непониманіе общихъ интересовъ. Власть и принялась за созиданіе прочныхъ связей, она призывала на службу все населеніе, которое постепенно стягивалось въ крупные общественные классы и закрѣпощалось въ своемъ положеніи съ цѣлью болѣе точной разверстки государственныхъ податей и повинностей. Въ основу этого сословнаго и крѣпостного устройства было положено начало строгой отвѣтственности передъ государствомъ; повсюду возникали мѣстныя уѣздныя общества съ точно опре-

дѣленными обязанностями, корпораціи, связанныя круговою порукою, въ которыхъ каждый ручался за всѣхъ и всѣ за каждаго въ томъ, что они будутъ „государеву службу служить“. Частная и общественная порука явилась новымъ основаніемъ всего государственнаго организма. А изъ него, изъ этого начала отвѣтственности передъ государствомъ, выросла высшая порука—земскій соборъ. Земскій соборъ былъ завершеніемъ того зданія, которое строили московскіе государи, положивъ въ основаніе сельскія волости. Соборъ служилъ высшею формою поруки въ управленіи; здѣсь провинціальные представители ручались за свой міръ, ручались за исполненіе мѣстнымъ обществомъ постановленія, принятаго властью. Особенно характерны въ этомъ отношеніи земскіе соборы XVI в.; на нихъ правительство имѣло дѣло не съ народными представителями въ точномъ смыслѣ этого слова, а со своими собственными агентами, и искало не полномочія или совѣта, какъ поступить, а выраженія готовности собранія поступить такъ, какъ намѣчено было властью. Это не было народнымъ представительнымъ собраніемъ, это былъ скорѣе всего административно-распорядительный уговоръ правительства со своими органами, уговоръ, главною цѣлью котораго было обезпечить правительству точное и повсемѣстное исполненіе принятаго рѣшенія. Земскій соборъ, родившись не изъ политической борьбы, а изъ административной нужды, восполнялъ правительству недостатокъ рукъ, а не воли или мысли.

Ученую заслугу проф. Платонова, помимо ряда поправокъ къ прежнему изображенію земскихъ соборовъ, составляетъ выясненіе „наиболѣе вѣроятнаго генезиса“ земскихъ соборовъ и роли Смуты въ исторіи народнаго представительства.

Проф. Платоновымъ подчеркнута связь земскихъ соборовъ съ церковными соборами, совмѣстными совѣщаніями „властей“ и думы и совѣщаніями болѣе широкаго образованія. Его выводъ таковъ: „соборы не возникли внезапно,

подъ давленіемъ экстренныхъ событій или подъ вліяніемъ творческой политической мысли; они развились постепенно изъ давнишней правительственной практики, изъ стараго обычая усиливать государевъ совѣтъ совѣтчиками изъ всѣхъ людей". Раздѣляя мнѣніе Ключевскаго о томъ, что на соборахъ XVI вѣка выборныхъ представителей не было, проф. Платоновъ, какъ превосходный знатокъ Смуты, рядомъ искусно и тонко подобранныхъ фактовъ наглядно показалъ, какъ выборное начало, хорошо извѣстное тогдашнему обществу, „искони-вѣчное", изъ тяглой общины, изъ сферы хозяйственной и административной было перенесено въ область политическую, благодаря чему на соборахъ XVII вѣка появились выборные представители „земли".

Въ послѣднее десятилѣтіе историки при изученіи земскихъ соборовъ идутъ по тому самому пути, какой проложенъ проф. Ключевскимъ и Платоновымъ, и вниманіе ихъ прежде всего останавливается на детальномъ изученіи состава и характера народнаго представительства, въ иныхъ формахъ выразившагося на земскихъ соборахъ XVI и XVII вѣковъ.

Списокъ книгъ и статей, относящихся къ вопросу о земскихъ соборахъ.

1—**Соловьевъ, С. М.**, а) Исторія Россіи, изд. Общественной Пользы, кн. II и III; б) Шлёцеръ и антиисторическое направленіе („Рус. Вѣст.“, 1857 г., т. VIII, и въ Собраніи сочиненій, стр. 1577—1616).

2—**Аксаковъ, К. С.**, а) По поводу VI т. „Исторіи Россіи“ г. Соловьева; б) Замѣчанія на статью г. Соловьева „Шлёцеръ и антиисторическое направленіе“; в) Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ (Полное собраніе сочиненій, т. I, М., 1861).

3—**Павловъ, П. В.**, О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII вв. („Отеч. Зап.“, 1859 г., т.т. 122 и 123).

4—**Щаповъ, А. П.**, а) Земскіе соборы въ XVII столѣтіи. Соборъ 1642 г. („Вѣкъ“, 1862, № 11); б) Земскій соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутатовъ 1767 г. („Отеч. Зап.“, 1862, № 11; обѣ статьи перепечатаны въ „Собраніи сочиненій“, т. I, Спб. 1906 г., 710—752).

5—**Чичеринъ, Б. Н.**, О народномъ представительствѣ (кн. III, гл. V, „Земскіе соборы въ Россіи“), М., 1866 и 2 изд. М., 1896.

6—**Бѣляевъ, И. Д.**, Земскіе соборы на Руси (рѣчи и отчетъ Москов. Ун. за 1867 г. и отдѣльно).

7—**Сергѣевичъ, В. И.**, Земскіе соборы въ Московск. государствѣ („Сборн. государ. знаній“, изд. Безобразовымъ, т. II, Спб., 1875).

8—**Владимірскій-Будановъ, М. Ф.**, а) Земскіе соборы въ Московск. государствѣ В. И. Сергѣевича („Кіев. Унив. Изв.“, 1875, № 10) и б) Обзоръ исторіи русскаго права, Кіевъ, 1905 г., изд. 4-е.

9—**Загоскинъ, Н. П.**, а) Исторія права Московск. государства, т. I, Казань, 1876; б) Уложеніе царя и вел. кн. Алексѣя Михайловича и земскій соборъ 1848—1849 г. (Рѣчь, читанная на торжественномъ годичномъ актѣ Казанскаго Университета 5 ноября 1879 года). Казань, 1879 г.

10—**Костомаровъ, Н. И.**, Старинные земскіе соборы (первоначально „Новое Время“, 1880, №№ 1485, 1488, 1491, 1497, 1504, 1511, 1519, 1525; ср. передовыя статьи въ №№ 1515 и 1525; позднѣе въ „Собраніи сочиненій“, т. XIX).

11—**Дитятинъ, И. И.**, а) Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ исторіи права Московскаго государства („Рус. Мысль“, 1880, т. V); б) Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII вѣка (тамъ же, 1883, XII).

12—**Ждановъ, И. Н.**, а) Церковно-земскій соборъ 1551 г. („Историч. Вѣст.“, 1880 г., февр.; перепечатано въ Сочиненіяхъ И. Н. Жданова, т. I); б) Матеріалы по исторіи Стоглаваго собора (Сочиненія, т. I, Спб., 1904 г.).

13—**Латкинъ, В. Н.**, а) Земскіе соборы древней Руси. Историко-юридическое изслѣдованіе, Спб., 1885 г.; б) ср. „Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія“, Спб., 1884 г.

14—**Ключевскій, В. О.**, а) Составъ представительства на земскихъ соборахъ („Рус. Мысль“, 1890 г., № 1; 1891 г., № 1; 1892 г., № 1; позднѣе въ „Опытахъ и изслѣдованіяхъ“, М., 1911 г.); б) Боярская дума древней Руси, 3-е изд., М. 1902 г., стр. 377—379; в) Курсъ рус. исторіи, ч. III, лекціи 44 и 50.

15—**Платоновъ, С. Ѳ.**, а) Замѣтки по исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ (1883 г.); б) Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 года (1900 г.); в) Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ (1905 г., первоначально въ „Журналѣ для всѣхъ“, 1905 г., февр., и отдѣльно; всѣ три статьи вошли въ изданіе подъ названіемъ: „Сочиненія С. Ѳ. Платонова“, т. I. Статьи по русской исторіи, изд. 2-е, Спб., 1912 г.).

16—**Готье, Ю. В.**, а) Первые земскіе соборы и ихъ происхожденіе („Научное Слово“, 1903 г., № 3); б) Ср. „Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ“, подъ редакціей Ю. В. Готье. М., 1909 г.

17—**Клочковъ, М. В.**, Дворянское представительство на земскомъ соборѣ 1566 года („Вѣстникъ права“, 1904 г., № 11).

18—**Покровскій, М. Н.**, Земскій соборъ и парламентъ (Сборникъ „Конституціонное государство“, Спб., 1905 г.).

19—**Рождественскій, С. В.**, а) О земскомъ соборѣ 1642 г. (Сборникъ статей, посвящ. В. И. Ламанскому, ч. I, Спб., 1907); б) Соборное Уложеніе 1649 года („Три вѣка“, т. I, М. 1913 г.).

20—**Заозерскій, А. И.**, а) Къ вопросу о составѣ и значеніи земскихъ соборовъ (Ж. М. Н. П., 1909 г., іюнь); б) Земскіе соборы (въ изданіи Т-ва Сытина „Три вѣка“, 1913 г., т. I).

21—**Кабановъ, А. Х.**, Организація выборовъ на земскіе соборы (Ж. М. Н. П., 1910 г., сент.).

22—**Аваліани, С.**, Земскіе соборы: 1) Исторіографія земскихъ соборовъ (подробное и довольно тщательное указаніе не только на книги, изслѣдованія и статьи, но и на замѣтки и научно-популярныя брошюры); 2) О представительствѣ на земскихъ соборахъ XVI и начала XVII в. Одесса, 1910 г.

23—**Смирновъ, П. П.**, О началѣ Уложенія и земскаго собора 1648—49 гг. (Ж. М. Н. Пр., 1913, сент.); и др. авторы.

Въ книжномъ магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА

С.-Петербургъ, Лештуковъ переул., 2

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМИ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Князьковъ, С. А. **Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени** („Изъ прошлаго русской земли," ч. II). Изд. 2-е исправленное и дополненное. Съ 8 портр. Петра Великаго, напечатанными по способу „Mattdruck", и 202 рисунк. въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к., въ коленкоровомъ перепл. 3 р. 25 к.

Его-же. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный и его время. Изд. 3-е, испр. Съ 26 рис. Ц. 40 к.

Его-же. Голодъ въ древней Россіи. Историческій очеркъ Изд. 2-е, исправл. Ц. 10 к.

Его-же. Священной памяти двѣнадцатаго года. Изд. 2-е, испр. и дополн. Съ 34 рис. Ц. 40 к.

Его-же. Какъ начался расколъ русской церкви. Историческій очеркъ. Изд. 3-е, испр. и дополн. Ц. 30 к.

Признана Уч. Ком. М. Н. Пр. заслуживающею вниманія при пополненіи учен. библ. ср. уч. зав.

Григоровичъ, И. И. **Очерки новѣйшей исторіи** (1815—1900). Изд. 9-е, знач. дополн., доведенное до послѣдняго года XIX ст. и иллюстрированное 59 портретами историческихъ дѣятелей. Ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 25 к.

Допущена Уч. Ком. М. Н. Пр. въ учен. библіотеки ср. уч. зав. и въ безпл. народн. читальни и библіотеки.

Сорокинъ, В. М. **Разсказы о Петрѣ Великомъ.** Съ картин. и портрет. Петра Великаго. Изд. 3-е, исправл. Ц. 45 к., въ папкѣ 65 к., въ перепл. 1 р.

Допущена Уч. Ком. М. Н. Просв. въ учен. библіотеки нар. уч. и въ безпл. народн. читальн., и Уч. Ком. при Св. Синодѣ въ учен. библ. мужск. духовныхъ и женск. епарх. училищъ. Рекомендована Гл. Упр. в.-уч. зав. для ротныхъ библ. кад. корпусовъ.

Вильманъ, проф. **Разсказы изъ исторіи и миѳологіи грековъ** по Гомеру. Пер. *И. Виноградова.* Съ картой Греціи. Ц. 50 к.

Одобрена Уч. Ком. М. Н. Пр. для учен. библ. ср. уч. зав. и для безпл. нар. читаленъ.

Киселева, М. **Разсказы изъ греческой миѳологіи.** Съ 20 отд. рис. Ц. въ папкѣ 1 р.

Допущена Уч. Ком. М. Н. Пр. въ учен. библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. читальни.

Ордынцевъ-Кострицкій, М. Д. **Запорожцы въ Сарагоссѣ.** Историческій романъ для юношества, съ 50 рисунками *К. Н. Фридберга.* Ц. 75 коп., въ папкѣ 1 руб., въ перепл. 1 р. 40 к.

Сысоева, Е. А. **Актеа.** Повѣсть изъ древней римской и греческой жизни. Съ 8-ю отд. рис. Изд. 5-е. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к., въ перепл. 1 р.

Допущена Уч. Ком. М. Н. Пр. въ учен. библіотеки ср. и низш. уч. зав. и въ безпл. народн. читальни и библіотеки. Рекомендована Гл. Упр. в.-уч. зав. для ротныхъ библіотекъ ср. ротъ кад. корпусовъ.

Тепловъ, К. Н. **Лазутчикъ.** Повѣсть изъ временъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Съ рисунками. Ц. 35 коп.

Допущена Уч. Ком. М. Н. Пр. въ учен. библіотеки низш. училищъ, въ безпл. нар. читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ. Рекомендована Гл. Упр. в.-уч. зав. для пріобрѣтенія въ ротныя библіотеки кад. корпусовъ.

Его-же. Польская вольница. Повѣсть изъ смутнаго времени на Руси. Съ 8 рис. Ц. 30 к.

Допущена Уч. Ком. М. Н. Пр. въ безпл. народныя читальни.

Его-же. Русскій плѣнникъ. Историческій разсказъ изъ временъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 8 к.

Допущена Уч. Ком. М. Н. Пр. въ библіотеки низш. уч. зав. и въ безплатныя читальни. Рекомендована Гл. Упр. в.-уч. зав. для пріобрѣтенія въ ротныя библіотеки кад. корпусовъ.

Сочиненія ЕВГЕНІИ ТУРЪ

(ГРАФИНИ Е. В. САЛІАСЪ):

I. **Мученики Колизея.** Историческій разсказъ для дѣтей. Изд. 8-е, съ рисунк. Цѣна 1 р., въ коленк. переплетѣ 1 р. 75 к.

II. **Послѣдніе дни Помпеи.** Историческая повѣсть для дѣтей. Изд. 7-е. Цѣна 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

III. **Катакомбы.** Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Изд. 15-е, съ рис. Цѣна 1 р., въ коленк. переплетѣ 1 р. 75 к.

IV. **Борьба испанцевъ съ маврами и завоеваніе Гренады.** Историческій очеркъ для дѣтей. Изд. 2-е, съ 8 отд. рис. Цѣна 1 р., въ коленк. переплетѣ 1 р. 75 к.

V. **Дѣти короля Людовика XVI.** Историческій разсказъ изъ временъ французской революціи. Изд. 4-е. Цѣна 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

VI. **Семейство Шалонскихъ.** Изъ семейной хроники. Изд. 7-е, съ рис. Цѣна 1 р., въ коленк. переплетѣ 1 р. 75 к.

VII. **Княжна Дубровина.** Повѣсть въ трехъ частяхъ. Цѣна 1 р. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 25 к.

VIII. **Сергѣй Боръ-Раменскій.** Повѣсть въ двухъ частяхъ. (Продолженіе повѣсти „Княжна Дубровина“). Изд. 3-е. Цѣна 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

IX. **Три разсказа для дѣтей:** I. Жемчужное ожерелье.—II. Звѣздочка.—III. Хрустальное сердце. Изд. 7-е. Цѣна 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 75 к.

X. **Черезъ край.** Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Цѣна 40 к.

XI. **Священная исторія Ветхаго Завѣта.** Цѣна 1 р.

XII. **Жизнь св. Макарія Египетскаго.** Изд. 3-е. Цѣна 30 к.

XIII. **Очеркъ жизни и дѣяній Иннокентія,** митрополита московскаго. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

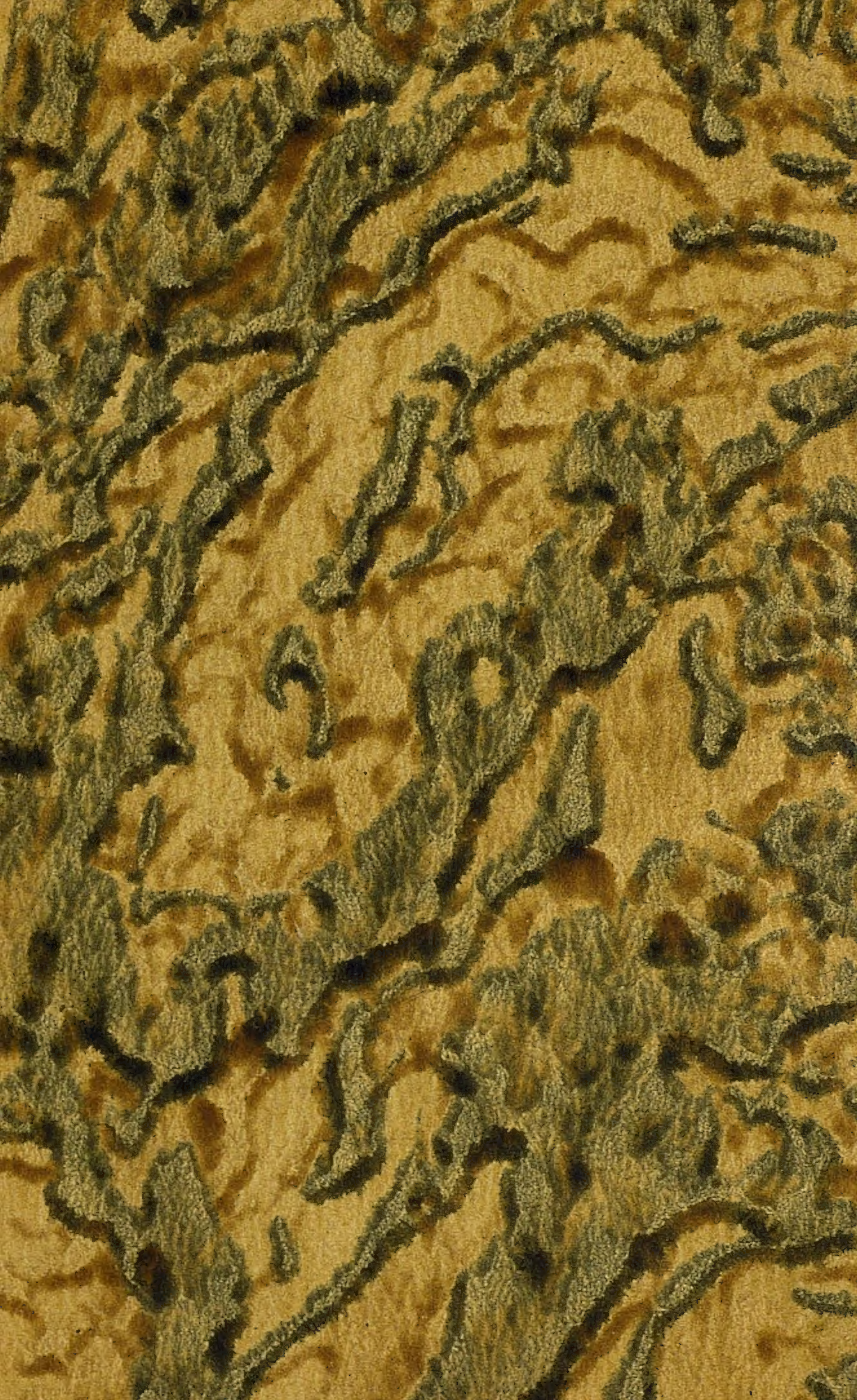
XIV. **Страданія св. мучениковъ Адріана и Наталіи.** Цѣна 15 коп.

XV. **Профессоръ П. Н. Кудрявцевъ.** Воспоминанія. Цѣна 40 коп.

Книги ЕВГЕНІИ ТУРЪ *допущены Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.* въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА.

Бичеръ-Стоу. Полный переводъ съ англійскаго А. А. Рагозиной, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго. Съ 68 рис. Ц. въ изящной обложкѣ 80 к., въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Расходы по пересылкѣ относятся на счетъ выписывающихъ.

Каталогъ книжнаго магазина П. В. ЛУКОВНИКОВА (Спб., Лештуковъ пер., № 2) высылается по требованію безплатно.